БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

2 **2025**

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **КОХАНОВСКИЙ А. Г.** – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by

Заместитель главного редактора — **МЕНЬКОВСКИЙ В. И.** – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by

Ответственный секретарь — **КОНДРАЛЬ А. А.** – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by

Бон Т. Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волански Ф. Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жанбосинова А. С. Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Жеребцов И. Л. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.
Линднер Р. Констанцкий университет, Констанц, Германия.
Минасян Э. Г. Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
Упадуэй А. Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Нью-Дели, Индия.
Фишер Д. Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш. Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М. Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Вабищевич А. Н. Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э. Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г. Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Космач В. А. Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В. Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Лозовюк П. Западно-Чешский университет, Пльзень, Чехия.
Локотко А. И. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзалюк И. А. Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н. Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р. Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Новогродский Т. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Пилипенко М. Ф. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х. Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ураков Д. Ж. Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан.
Ходин С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар — **КАХАНОЎСКІ А. Г.** – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

Намеснік галоўнага рэдактара — **МЕНЬКОЎСКІ В. І.** – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by

Адказны сакратар — **КОНДРАЛЬ А. А.** – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: kondral@bsu.by

Бародкін Л. І. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т. Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Валанскі Ф. Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жанбасінава А. С. Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Астана, Казахстан.
Жарабцоў І. Л. Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктыўкар, Расія.
Лінднер Р. Канстанцкі ўніверсітэт, Канстанц, Германія.
Мінасян Э. Г. Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, Ерэван, Арменія.
Упадуэй А. Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Нью-Дэлі, Індыя.
Фішэр Д. Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш. Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагагічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М. Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Белавусаў Л. С. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Вабішчэвіч А. М. Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э. Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Карпаў С. П. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г. Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А. Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лазавюк П. Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, Пльзень, Чэхія.
Лакотка А. І. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В. Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А. Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р. Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Навагродскі Т. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Нячухрын А. М. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х. Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Уракаў Д. Ж. Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека, Ташкент, Узбекістан.
Ходзін С. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	**KAKHANOUSKI A. G.**, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	**MENKOUSKI V. I.**, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	**KONDRAL A. A.**, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kondral@bsu.by

Bohn T. Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh. School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D. University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R. University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Minasyan E. G. Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
Šmigeľ M. Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A. Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F. Institute of History, University of Wroclaw, Wroclaw, Poland.
Yanouski A. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhanbossinova A. S. Research Centre of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Zherebtsov I. L. Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Belousov L. S. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Duk D. V. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Karpov S. P. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G. Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Koshelev V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A. Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
Kovalenya A. A. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V. Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrinovich D. S. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Lokotko A. I. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Lozoviuk P. University of West Bohemia, Plzeň, Czehia.
Marzaluk I. A. House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M. Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R. Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Novogrodsky T. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Pilipenko M. F. Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Centre for the Belarusian Culture, Language and Literature Research, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Tumans H. University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N. Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E. Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Urakov D. Z. National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan.

История беларуси

Гісторыя беларусі

Belarusian history

УДК 353.2(476)(091):930(470 + 571)

ДИСКУССИЯ И. Л. ГОРЕМЫКИНА И С. Ю. ВИТТЕ О ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЕ В ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ (КОНЕЦ 1890-х гг.)

Н. С. МОТОРОВА[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Рассмотрена дискуссия по проекту Земской реформы в западных губерниях Российской империи, развернувшаяся в конце 1890-х гг. между министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным и министром финансов С. Ю. Витте. Проанализированы официальные делопроизводственные материалы, их конфиденциальные записки, воспоминания и дневники. Освещена предыстория разработки проекта Земской реформы для Западного края (предполагалось, что система земского самоуправления будет реализована в девяти губерниях, в том числе в пяти белорусских губерниях), приведены его основные положения, охарактеризовано обсуждение данного законопроекта с губернаторами и генерал-губернаторами. Значительное внимание уделено позиции И. Л. Горемыкина как инициатора реформы и взглядам С. Ю. Витте как его оппонента. Отмечено, что при обсуждении законопроекта направление дискуссии изменилось. И. Л. Горемыкин рассматривал введение земств в западных губерниях как инструмент унификации общеимперского пространства и усиления русского влияния. С. Ю. Витте сместил акцент на проблему взаимоотношений земского самоуправления и самодержавия, последовательно отстаивал необходимость реформирования местного губернского управления и отказа от создания земств в Западном крае. В итоге законопроект, разработанный Министерством внутренних дел Российской империи, не был утвержден, а И. Л. Горемыкин был отправлен в отставку. Обсуждение вопроса проведения Земской реформы в западных губерниях продолжилось и привело к учреждению

Образец цитирования:
Моторова НС. Дискуссия И. Л. Горемыкина и С. Ю. Витте о Земской реформе в западных губерниях (конец 1890-х гг.). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2025;2:5–14.
EDN: AZUCXV

For citation:
Motorova NS. Discussion between I. L. Goremykin and S. Yu. Witte on the Zemstvo reform in the western provinces (late 1890s). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2025;2:5–14. Russian.
EDN: AZUCXV

Автор:
Надежда Сергеевна Моторова – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:
Nadezhda S. Motorova, doctor of science (history), docent; professor at the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history.
motorova@ro.ru
https://orcid.org/0000-0002-2519-1523

CC BY NC

в 1903 г. управлений по делам земского хозяйства, а также к формированию в 1911 г. системы земского самоуправления. Эти преобразования были осуществлены в трех белорусских (Витебской, Минской и Могилёвской) губерниях и трех украинских (Киевской, Волынской и Подольской) губерниях.

Ключевые слова: западные губернии; местное самоуправление; земство; Земская реформа; законопроект.

ДЫСКУСІЯ І. Л. ГАРАМЫКІНА І С. Ю. ВІТЭ АБ ЗЕМСКАЙ РЭФОРМЕ Ў ЗАХОДНІХ ГУБЕРНЯХ (КАНЕЦ 1890-х гг.)

Н. С. МАТОРАВА[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Анатацыя. Разгледжана дыскусія па праекце Земскай рэформы ў заходніх губернях Расійскай імперыі, якая разгарнулася ў канцы 1890-х гг. паміж міністрам унутраных спраў І. Л. Гарамыкіным і міністрам фінансаў С. Ю. Вітэ. Прааналізаваны афіцыйныя справаводныя матэрыялы, іх канфідэнцыяльныя запіскі, успаміны і дзённікі. Асветлена перадгісторыя распрацоўкі праекта Земскай рэформы для Заходняга краю (меркавалася, што сістэма земскага самакіравання будзе рэалізавана ў дзевяці губернях, у тым ліку ў пяці беларускіх губернях), прыведзены яго асноўныя палажэнні, ахарактарызавана абмеркаванне гэтага законапраекта з губернатарамі і генерал-губернатарамі. Значная ўвага нададзена пазіцыі І. Л. Гарамыкіна як ініцыятара рэформы і поглядам С. Ю. Вітэ як яго апанента. Адзначана, што пры абмеркаванні законапраекта накіраванне дыскусіі змянілася. І. Л. Гарамыкін разглядаў увядзенне земстваў у заходніх губернях як інструмент уніфікацыі агульнаімперскай прасторы і ўзмацнення рускага ўплыву. С. Ю. Вітэ зрушыў акцэнт на праблему ўзаемаадносін земскага самакіравання і самадзяржаўя, паслядоўна адстойваў неабходнасць рэфармавання мясцовага губернскага кіравання і адмовы ад стварэння земстваў у Заходнім краі. У выніку законапраект, распрацаваны Міністэрствам унутраных спраў Расійскай імперыі, не быў зацверджаны, а І. Л. Гарамыкін быў адпраўлены ў адстаўку. Абмеркаванне пытання правядзення Земскай рэформы ў заходніх губернях прадоўжылася і прывяло да ўтварэння ў 1903 г. упраўленняў па справах земскай гаспадаркі, а таксама да фарміравання ў 1911 г. сістэмы земскага самакіравання. Гэтыя пераўтварэнні былі ажыццёўлены ў трох беларускіх (Віцебскай, Мінскай і Магілёўскай) губернях і трох украінскіх (Кіеўскай, Валынскай і Падольскай) губернях.

Ключавыя словы: заходнія губерні; мясцовае самакіраванне; земства; Земская рэформа; законапраект.

DISCUSSION BETWEEN I. L. GOREMYKIN AND S. Yu. WITTE ON THE ZEMSTVO REFORM IN THE WESTERN PROVINCES (LATE 1890s)

N. S. MOTOROVA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The discussion on the project of the Zemstvo reform in the western provinces of the Russian Empire which unfolded in the late 1890s between the minister of internal affairs I. L. Goremykin and the minister of finance S. Yu. Witte. Official records, their confidential notes, memoirs and diaries are analysed. The prehistory of the development of the project of the Zemstvo reform for the Western region (it was supposed that the system of zemstvo self-government would be implemented in nine provinces, including five Belarusian provinces) is covered, its main provisions are given, the discussion of this draft law with governors and governors-general is characterised. The main attention is paid to the position of I. L. Goremykin as the initiator of the reform and the views of S. Yu. Witte as his opponent. It is noted that during the consideration of the draft law the direction of the discussion changed. I. L. Goremykin considered the introduction of zemstvos in the western provinces as a tool for unifying the all-imperial space and strengthening Russian influence. S. Yu. Witte shifted the emphasis to the problem of the relationship between the zemstvo self-government and the autocracy, consistently defended the need to reform local provincial administration and refuse to establish zemstvos in the Western region. As a result, the draft law developed by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire was not approved, and I. L. Goremykin was sent into retirement. Discussions on the implementation of the Zemstvo reform in the western provinces continued and led to the establishment of the zemstvo economy departments in 1903 and the formation of the system of zemstvo self-government in 1911. These transformations were realised in three Belarusian (Viciebsk, Minsk and Magiliow) provinces and three Ukrainian (Kyiv, Volyn and Podolia) provinces.

Keywords: western provinces; local self-government; zemstvo; Zemstvo reform; draft law.

Введение

Среди актуальных вопросов внутриполитического развития Российской империи в XIX – начале XX в. необходимо отметить оптимизацию и повышение эффективности системы управления и самоуправления в быстро изменявшихся реалиях, а также интегрирование национальных окраин в общеимперское пространство через их унификацию. Последний процесс являлся важным, поскольку обеспечивал единство и стабильность обширного государства. Пути решения данных вопросов находились в тесной взаимосвязи. Их реализации препятствовали множество факторов. Наиболее ярким примером, раскрывающим противоречивость названных выше процессов, выступает проблема распространения земского самоуправления на национальные окраины Российской империи.

В историографии аспекты, которые связаны с подготовкой и реализацией Земской реформы, деятельностью земств, получили широкое освещение. В дореволюционный период они рассматривались в работах А. А. Кизеветтера [1], В. Д. Кузьмина-Караваева [2], К. А. Пажитнова [3], В. Ю. Скалона [4] и др. В советское время данные проблемы изучались В. В. Гармизой [5] и Г. А. Герасименко [6]. Среди наиболее обстоятельных работ по истории земского самоуправления современных исследователей необходимо выделить монографию, подготовленную сотрудниками Института российской истории РАН [7; 8], и публикацию Л. А. Жуковой [9]. В белорусской историографии вопросы введения земского самоуправления проанализированы В. П. Слобожаниным [10].

Следует отметить, что в перечисленных выше работах основное внимание сконцентрировано на аспектах, связанных с функционированием системы земского самоуправления. Проблемы разработки Земской реформы и ее распространения на национальные окраины Российской империи, в том числе на белорусские губернии, затрагивались косвенно. Например, в работе [11] они описаны в контексте внутриправительственной борьбы конца XIX в. Между тем введение земств в новых регионах способствовало унификации общеимперского пространства и привлечению представителей местной элиты к сотрудничеству с органами власти, а значит, выступало в качестве одного из инструментов, обеспечивавших внутриполитическую стабильность.

Методология исследования

Принципы системности и историзма являются ключевыми в настоящем исследовании. Благодаря принципу системности дискуссия по проекту Земской реформы в Западном крае была рассмотрена через призму совместной работы центральных государственных учреждений с представителями генерал-губернаторской и губернаторской администрации. С помощью принципа историзма была изучена работа над проектом Земской реформы в условиях поиска новых форм взаимодействия имперского центра и национальных окраин, а также были выявлены наиболее слабые места в решении социально-экономических проблем на региональном уровне. Для систематизации и обобщения данных исторических источников использовались общенаучные (анализ, синтез, сравнение) и специальные (историко-сравнительный, историко-генетический, историко-системный) методы исследования.

Основная часть

Обсуждение проекта Земской реформы в неземских губерниях сопровождалось бурными дискуссиями в правительственных кругах, которые актуализировали множество вопросов, связанных с эффективностью системы местного самоуправления. Выделяется полемика между министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным и министром финансов С. Ю. Витте по вопросу введения земств в западных губерниях[1], развернувшаяся в конце 1890-х гг. В науке позиция С. Ю. Витте хорошо известна ввиду того, что в 1901 г. в Штутгарте была опубликована его конфиденциальная записка[2] по данному вопросу. В то же время взгляды И. Л. Горемыкина на эту проблему, несмотря на то что он выступил главным инициатором реформы, в меньшей степени освещены в научной литературе. Например, они изложены в конфиденциальной всеподданнейшей записке[3].

Рассматриваемая дискуссия имела длинную предысторию. При проведении в 1864 г. Земской реформы планировалось, что она будет распространена на все губернии, в которых управление строилось в соответствии с Общим учреждением

[1]В данном контексте под западными губерниями понимались Волынская, Киевская, Подольская, Ковенская, Виленская, Гродненская, Витебская, Минская и Могилёвская губернии. В делопроизводственных документах Министерства внутренних дел Российской империи (далее – МВД) и других центральных учреждений при обсуждении проекта Земской реформы для обозначения перечисленных губерний также использовалось общее наименование «Западный край».

[2]Самодержавие и земство: конфиденциальная записка министра финансов, статс-секретаря С. Ю. Витте (1899 г.). Штутгарт : von J. H. W. Dietz Nachf., 1901. XLIV, 212 с.

[3]Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 44. Д. 655. Л. 13–51.

губернским[4]. Однако восстание 1863–1864 гг. и опасения усиления польского влияния в белорусских, литовских и украинских губерниях помешали ее реализации. Наиболее последовательным противником введения земств был виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев, в руках которого оказалась сосредоточена практически вся административная и военная власть белорусских и литовских территорий. Во всеподданнейшем отчете за период с 1 апреля 1863 по 17 апреля 1865 г. он подчеркивал, что подведомственные ему губернии нуждались в хорошем управлении, однако требовалось время для его установления, так как «не было никакого порядка еще давно, до мятежа, а в городах не существовало никакого хозяйства» [12, с. 267]. Не отрицая необходимости создать земские учреждения в центральных регионах Российской империи, М. Н. Муравьев считал, что на белорусских и литовских территориях это было бы преждевременным, поскольку новые органы самоуправления будут способствовать восстановлению польского влияния [12, с. 267]. В итоге в данной местности Земская реформа не была проведена.

На протяжении 1870–80-х гг. данный вопрос не обсуждался. Однако время от времени во всеподданнейших отчетах губернаторы, например гродненский губернатор А. Е. Зуров[5], указывали на необходимость введения земств, которые, с одной стороны, позволили бы эффективно решать социальные и экономические проблемы, а с другой – обеспечили бы возможность для сотрудничества местного населения с губернской администрацией. Этот вопрос не был урегулирован в связи с усилением консервативных тенденций в управлении государством после 1881 г.

МВД вернулось к обсуждению введения земских учреждений на национальных окраинах во второй половине 1890-х гг. В 1896 г. при рассмотрении и утверждении смет земских повинностей на трехлетний период Государственный совет Российской империи поручил министру внутренних дел разработать предложения по поводу преобразования учреждений, заведовавших земскими повинностями и земским хозяйством в неземских губерниях[6]. И. Л. Горемыкин предварительно направил запросы представителям местной администрации: виленскому и киевскому генерал-губернаторам, а также витебскому, минскому и могилёвскому губернаторам. Они касались возможности введения в западных губерниях Положения о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г. в полном или ограниченном объеме[7].

Полученные ответы[8] отразили противоречивость подходов к решению рассматриваемой проблемы. В целом местная администрация выступила за преобразование учреждений, заведовавших земским хозяйством в Западном крае, и привлечение к их работе представителей местного населения по приглашению правительства. Несогласие выразил киевский генерал-губернатор А. П. Игнатьев, который предложил открыть правительственные учреждения и передать им заведование земским хозяйством. К нему присоединились виленский губернатор И. И. Чепелевский, витебский губернатор В. А. Левашов и минский губернатор Н. Н. Трубецкой. Противники проведения Земской реформы в западных губерниях считали, что она усилит влияние польских и ополяченных помещиков, которому будет сложно противостоять из-за «неразвитости» местного крестьянского населения и абсентеизма русских помещиков, проживавших в своих имениях непостоянно. В то же время гродненский губернатор Д. Н. Батюшков поддержал идею реализации данной реформы. Могилёвский губернатор Н. А. Зиновьев разделял позицию МВД, однако предложил создать органы земского самоуправления на губернском уровне и заменить уездные земские управы уездными комиссарами, назначавшимися губернским земским собранием[9].

Таким образом, между представителями губернской администрации не было единства по вопросу преобразования земского устройства западных губерний. Также оно отсутствовало между МВД и губернским начальством, что во многом было обусловлено позицией главы ведомства И. Л. Горемыкина. Как представитель высшей имперской бюрократии, он являлся противоречивой фигурой. По словам бывшего государственного секретаря А. А. Половцова, министр внутренних дел был умным, честным, высококвалифицированным, обладавшим большим административным опытом юристом, но ленивым и равнодушным к делу человеком [13, с. 242]. В. И. Гурко, служивший с 1895 г. в Государственной канцелярии, отмечал, что И. Л. Горемыкин был приверженцем законности, а при его назначении министром считался представителем либерального лагеря[10]. С последним утверждением был согласен

[4]Объяснительная записка к проектам Положения о земских учреждениях и Временных правил для сих учреждений // Труды Комиссии о губернских и уездных учреждениях : в 2 ч. [СПб.] : [б. и.], 1863. Ч. 2 : Земские учреждения, кн. 1 : Проекты и объяснительная записка. С. 84.

[5]РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3539. Л. 627–627 об.

[6]Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье : [с 1 марта 1881 г.] : в 34 т. СПб. : Гос. тип., 1899. Т. 16, отд-ние 1 : 1896. С. 311.

[7]РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 656. Л. 146.

[8]Ответ виленского генерал-губернатора П. В. Оржевского не был получен в связи с его смертью, однако поступили отзывы подчинявшихся ему виленского, гродненского и ковенского губернаторов.

[9]РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 656. Л. 146–148.

[10]*Гурко В. И.* Глава 5. Министр внутренних дел Иван Логгинович Горемыкин // Исторический сайт. URL: http://www.historichka.ru/istoshniki/gurko/1_5.html (дата обращения: 16.09.2024).

и С. Ю. Витте [14, с. 30]. Будучи министром, И. Л. Горемыкин всегда тщательно изучал сущность любого дела, привлекая для этого квалифицированных специалистов. По наиболее важным вопросам он составлял записки, предварительно намечая их основные положения и редактируя окончательный вариант[11]. Надо полагать, что подобным образом была подготовлена конфиденциальная записка, посвященная вопросу организации земского хозяйства на национальных окраинах.

Взгляды министра внутренних дел на проблему осуществления Земской реформы в Западном крае освещены в двух документах. Первым документом является представление И. Л. Горемыкина о законопроекте, касающемся введения земских учреждений в западных губерниях[12] и разосланном на ознакомление министерствам и ведомствам 29 октября 1898 г. Вторым документом выступает конфиденциальная записка И. Л. Горемыкина[13], адресованная императору. В основу взглядов министра легли идеи, сформулированные киевским генерал-губернатором А. М. Дондуковым-Корсаковым в 1873 г. и могилёвским губернатором Н. А. Зиновьевым в 1896 г. Их сущность сводилась к изменению процедуры земских выборов и структуры органов земского самоуправления. На уровне губерний предлагалось создать губернские земские собрания и губернские земские управы, на уровне уездов – ограничиться уездными земскими управами, при этом Н. А. Зиновьев, как отмечалось выше, допускал возможность их замены особыми комиссарами по назначению губернского земского собрания[14].

Представление И. Л. Горемыкина о законопроекте, касающемся введения земств в западных губерниях, начинается с детального анализа недостатков организации земского хозяйства на данной территории. Наибольшей критике он подверг деятельность таких институтов местного управления, как приказы общественного призрения и распорядительные комитеты. И. Л. Горемыкин подробно охарактеризовал порядок составления и утверждения земских смет, отчетность по их исполнению, расходование земских средств, а также состояние медицинского обслуживания в сельской местности, общественного призрения, начального народного образования и страхового дела[15]. Его выводы и утверждения базировались на сравнении показателей по всем перечисленным параметрам в земских и неземских губерниях. Как правило, первые оказывались в выигрышном положении, что являлось, по мнению министра внутренних дел, основным аргументом в пользу проведения Земской реформы.

И. Л. Горемыкин видел два пути устранения недостатков преобразования земского устройства в Западном крае. Первый путь состоял в создании правительственных учреждений, под руководством которых будут находиться все отрасли земского хозяйства, при этом допускалась возможность участия представителей местного населения в работе этих учреждений. Второй путь заключался в распространении земского самоуправления на западные губернии с изменением его организации в соответствии с местными особенностями[16]. Министр четко сформулировал собственную позицию: он выступал за введение земского самоуправления во всем Западном крае, состоявшем из плательщиков земского сбора[17].

На формирование позиции И. Л. Горемыкина повлияли некоторые факторы. Во-первых, приобретенный им за годы службы в Министерстве юстиции Российской империи и Правительствующем сенате административный опыт: министр внутренних дел был хорошо знаком с недостатками законодательства, регулировавшего деятельность органов местного самоуправления. Во-вторых, его частое столкновение с практическими последствиями этих недостатков.

Несмотря на то что И. Л. Горемыкин безусловно поддерживал идею введения земств в белорусских и других западных губерниях, он не был адептом земского самоуправления. Более того, министр признавал, что у этой системы есть серьезные недостатки. Причина их появления состояла не в сущности земского самоуправления, а в несовершенстве регулировавшего его законодательства. В нем было много противоречий, отсутствовало четкое определение обязанностей и компетенций органов самоуправления в различных сферах[18].

Важно отметить, что еще со времен М. Н. Муравьева в правительственных кругах закрепилась мысль о том, что преобразование земского устройства белорусских, литовских и украинских территорий усилит позиции польского и ополяченного дворянства на них. Однако И. Л. Горемыкин полагал, что этого не произойдет, так как реформирование не подразумевало отмены ограничительных мер, введенных в предшествовавших десятилетиях. Он не отрицал, что в новых органах самоуправления может усилиться польское культурное влияние, что выразится в использовании польского языка,

[11] *Гурко В. И.* Глава 5. Министр внутренних дел Иван Логгинович Горемыкин // Исторический сайт. URL: http://www.historichka.ru/istoshniki/gurko/1_5.html (дата обращения: 16.09.2024).
[12] РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 656. Л. 145–220.
[13] Там же. Д. 655. Л. 13–51.
[14] Там же. Д. 656. Л. 146 об., 148, 152 об.
[15] Там же. Л. 160 об. – 177.
[16] Там же. Л. 177 об.
[17] Там же. Л. 181.
[18] Там же. Л. 181–181 об.

замещении земских должностей поляками. По мнению министра внутренних дел, эти негативные последствия можно легко нейтрализовать, если строго придерживаться законов[19].

Являясь сторонником проведения Земской реформы в Западном крае, И. Л. Горемыкин в то же время выступал за постепенное преобразование учреждений, заведовавших различными отраслями земского хозяйства[20]. Данная позиция вполне соответствовала складу его характера и стилю управления. Министр не был приверженцем радикальных изменений и резких, необдуманных шагов.

И. Л. Горемыкин считал земский законопроект, разработанный МВД для западных губерний, важным шагом вперед. Вместе с тем он не отрицал его недостатков, которые заключались в значительной величине земской единицы, охватывавшей всю губернию, и отсутствии связи между распорядительными и исполнительными органами власти. Министр постоянно подчеркивал необходимость осторожно приступать к реализации реформы. Он допускал, что в упрощенном виде земское самоуправление вполне может просуществовать 20–30 лет[21].

Данный законопроект имел следующие главные особенности. При введении земского самоуправления в белорусских, литовских и украинских губерниях должны были соблюдаться основные принципы, закрепленные в Положении о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г., однако его структура была изменена и включала такие элементы, как губернские земские собрания, губернские и уездные земские управы (уездные земские собрания отсутствовали). В состав губернского земского собрания должны были войти плательщики земского сбора, избранные на уездных избирательных собраниях, и представители от крестьян, владевших надельной землей и избранных на волостных сходах. Планировалось, что в состав губернского земского собрания будут включены губернский предводитель дворянства, уездные предводители дворянства, члены губернской земской управы и ее председатель, городской голова губернского города, представители казенного, удельного и духовного ведомств (а также военного ведомства в приграничных губерниях, если такое решение примет военное начальство). При обсуждении вопросов, касавшихся отдельных уездов, предполагалось приглашать на заседание председателя соответствующей уездной земской управы. Губернское земское собрание должно было получить распорядительную власть и следить за деятельностью исполнительных органов власти, т. е. губернской земской управы и уездных земских управ. Кроме того, в законопроекте подчеркивалось, что председатели управ, а также агенты[22], которые могли заменить членов уездных земских управ, назначаются правительством из лиц, соответствовавших всем требованиям при замещении административных должностей в западных губерниях и по возможности владевших недвижимостью в данной местности[23].

В конце представления И. Л. Горемыкин подчеркнул, что главная задача реализации Земской реформы заключалась в упорядочении земского хозяйства[24]. Предполагалось, что с 1 января 1900 г. соответствующие правовые нормы вступят в силу. Введение земств должно было сопровождаться ликвидацией приказов общественного призрения и губернских комиссий народного продовольствия, функции и имущество которых переходили новым органам самоуправления. Кроме того, распорядительные комитеты должны были передать им обязанности по заведованию земскими повинностями и организации сельской врачебной части[25].

На совещании по вопросу преобразования земского устройства западных губерний, проводившемся с 23 по 27 марта 1898 г., законопроект был обсужден с представителями местной администрации под председательством А. Д. Оболенского, находящегося в дружеских отношениях с министром внутренних дел. В его работе генерал-губернаторы не принимали участия, присутствовали только губернаторы. Хотя на первом заседании некоторые из начальников губерний обратили внимание на возможные негативные последствия введения земских учреждений (гродненский губернатор Д. Н. Батюшков и могилёвский губернатор Н. А. Зиновьев отметили, что реформа могла способствовать росту польского культурного влияния на местное население), при постатейном обсуждении законопроекта возражения были сняты[26].

После того как в текст законопроекта были внесены все необходимые изменения и дополнения, 29 октября 1898 г. МВД разослало его другим министерствам и управлениям на ознакомление[27]. Военное министерство Российской империи поддержало данный законопроект и выступило за его внесение на рассмотрение Государственного совета Российской империи[28]. Среди противников осуществления Земской реформы в Западном крае был глава Святейшего

[19]РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 656. Л. 183, 186.
[20]Там же. Л. 187.
[21]Там же. Л. 200 об.
[22]И. Л. Горемыкин не считал целесообразным вводить институт агентов или комиссаров взамен уездных земских управ, хотя он соглашался, что это будет гораздо дешевле. (РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 656. Л. 194 об. – 195.)
[23]РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 656. Л. 199–199 об.
[24]Там же. Л. 201 об.
[25]Там же. Л. 219–219 об.
[26]Там же. Л. 322–334.
[27]Там же. Л. 357.
[28]Там же. Л. 358.

синода К. П. Победоносцев. Он считал, что законопроект представлял политическую опасность для государства, так как его реализация могла привести к усилению влияния евреев и поляков в западных губерниях[29]. Более того, обер-прокурор сомневался в целесообразности существования земских учреждений и в их соответствии «основным положениям государственного порядка, которые требуют единства власти»[30]. Министерство императорского двора Российской империи придерживалось схожей позиции. В его отзыве отмечалось, что распространение земского самоуправления на западные губернии несвоевременно, так как на данных территориях проживали крупные польские землевладельцы, чьи национальные интересы были чужды интересам Российской империи[31]. В ответе, поступившем из Государственного контроля Российской империи, подчеркивалось, что проведение Земской реформы только ухудшит ситуацию в Западном крае, и предлагалось сосредоточить управление различными отраслями земского хозяйства в руках особых правительственных учреждений в виде губернских и уездных земских управ, члены которых будут назначаться по распоряжению местной администрации[32]. Министерство финансов Российской империи также выступило против реализации законопроекта[33]. Ведомства, занявшие срединную позицию, а именно Министерство народного просвещения Российской империи[34] и Министерство юстиции Российской империи[35], не выражали несогласия в отношении введения земств, но считали, что учреждения, которые планировалось сформировать, нельзя называть органами самоуправления. Их создание является полумерой, которая не даст должного эффекта. В заключении, поступившем из Министерства земледелия и государственных имуществ Российской империи, отмечалось, что осуществление Земской реформы в западных губерниях желательно, однако при этом нужно учитывать политические особенности региона. Сами земства должны быть выборными, но за их деятельностью необходимо установить правительственный контроль[36].

В указанных выше отзывах прежде всего отражалась позиция руководителей ведомств по поводу институтов земского самоуправления, в то время как на второй план отходили проблемы унификации общеимперского административного пространства и интеграции западных губерний в его состав посредством участия представителей местной элиты в работе органов местного самоуправления. В лучшем случае они рассматривались через противопоставление русского и польского влияния, при этом какие-либо варианты привлечения представителей местной элиты к сотрудничеству с губернской администрацией не предлагались. Так, обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев был противником земских учреждений. Министр народного просвещения Н. П. Боголепов имел более либеральные взгляды, хотя и считался консерватором. В то же время министр финансов С. Ю. Витте, имевший репутацию либерала, в вопросе введения земского самоуправления в западных губерниях занял консервативную позицию, во многом близкую К. П. Победоносцеву. Мотивы, побудившие его встать в оппозицию к проекту Земской реформы, разработанному ведомством И. Л. Горемыкина, не совсем ясны [11, с. 392].

Официальный ответ Министерства финансов Российской империи на законопроект о преобразовании земского устройства Западного края за подписью С. Ю. Витте был направлен в МВД 11 декабря 1898 г. Он начинался с того, что министр финансов согласился с доводами о неудовлетворительном положении земского хозяйства в западных губерниях. Речь шла о деятельности распорядительных комитетов, а также о составлении и исполнении земских смет. В то же время С. Ю. Витте считал, что предложенный МВД выход из сложившейся ситуации (введение земского самоуправления) неприемлем[37]. Более того, он присоединился к К. П. Победоносцеву и процитировал его высказывание в связи с обсуждением проекта формирования земств в Архангельской губернии: «…я полагаю, что мысль о принципиальном преимуществе органов самоуправления, сравнительно с учреждениями бюрократическими, является в значительной мере продуктом увлечения»[38]. Что касается вопроса упорядочения земского хозяйства в западных губерниях, то С. Ю. Витте предлагал пойти менее рискованным путем, а именно ограничиться преобразованием местных административных учреждений, заведовавших отдельными отраслями земского хозяйства[39].

Таким образом, МВД и Министерство финансов Российской империи занимали противоположные позиции в отношении введения земств в западных губерниях, хотя именно эти ведомства играли главную роль в разработке и практической реализации ключевых направлений внутренней политики государства, от согласованности их действий зависел

[29]РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 656. Л. 359, 361 об. – 362 об.
[30]Там же. Л. 360.
[31]Там же. Л. 363–363 об.
[32]Там же. Л. 400, 401 об. – 402 об.
[33]Там же. Д. 655. Л. 1, 6 об. – 7 об.
[34]Там же. Д. 656. Л. 368–370.
[35]Там же. Л. 373, 384 об. – 385.
[36]Там же. Л. 390, 394–395.
[37]Там же. Д. 655. Л. 1–2, 3 об.
[38]Там же. Л. 4.
[39]Там же. Л. 7–7 об.

успех любых преобразований. И. Л. Горемыкин хорошо понимал это, вследствие чего постарался убедить С. Ю. Витте изменить свое мнение. Между главами ведомств последовал обмен письмами, который сопровождался составлением конфиденциальных записок.

Основная идея официального ответа за подписью С. Ю. Витте заключалась в том, что самоуправление противоречит идее самодержавной монархии. Однако И. Л. Горемыкин не разделял эту позицию и подготовил развернутую записку[40], в которой речь шла о сущности земского самоуправления. В отличие от С. Ю. Витте он не противопоставлял самоуправление самодержавию на том основании, что данная идея близка конституционным идеям и исторически чужда сущности Российской империи. Министр иностранных дел подчеркивал, что и бюрократические органы власти, и институты самоуправления получают полномочия от одного источника – центральной власти[41]. Проанализировав историческое развитие Российского государства, И. Л. Горемыкин сделал вывод о том, что самоуправление являлось одной из его характерных черт всегда, за исключением переходного периода в первой половине XVIII в.[42]

Министр внутренних дел привел ряд аргументов в защиту системы земского самоуправления на современном ему этапе. Он признавал недостатки в ее организации, но вместе с тем попытался выделить причины их возникновения. Одним из таких недостатков является несовершенство правовой базы. Как профессиональный юрист, И. Л. Горемыкин обратил внимание на то, что в Положении о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г. отсутствовал термин «самоуправление», а вместо него использовалось определение «общественные установления». По его мнению, данная коренная ошибка привела к тому, что в основу деятельности земств было положено понятие частного, а не государственного интереса[43]. Также И. Л. Горемыкин считал недостатком отсутствие в Положении о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г. четкого обозначения их компетенций. Такая ситуация была обусловлена тем, что соответствующие вопросы планировалось урегулировать путем введения особых уставов[44]. Действительно, в конце XIX в. в государстве выполнялись масштабные работы по пересмотру Устава о земских повинностях, Врачебного устава, Устава общественного призрения, Устава народного продовольствия и др., однако они затягивались, а административно-правовая неопределенность негативно влияла на деятельность органов земского самоуправления. В реформировании нуждалась и система местного губернского управления, но, по словам министра, эту задачу едва ли можно было разрешить[45].

Далее И. Л. Горемыкин в качестве ответа на вопрос: «Почему реформы в сфере местного самоуправления и управления происходили так медленно?» – назвал следующие причины этого процесса. К ним относятся:

- наличие постоянной критики любого нового учреждения и попытки его немедленно заменить;
- отсутствие поддержки мероприятий, которые разрабатывало и предлагало МВД, со стороны Министерства финансов Российской империи;
- несоответствие внутренней структуры МВД задачам эффективного управления местным хозяйством, необходимость ее реформирования, дефицит квалифицированных кадров в ведомстве;
- перегруженность губернаторов разнообразными обязанностями до такой степени, что они не могли обеспечить эффективного функционирования органов местного (городского и земского) самоуправления[46].

Завершая свою записку, министр внутренних дел подчеркнул, что введение земских учреждений в белорусских, литовских и украинских губерниях будет содействовать установлению единообразия во внутреннем управлении и облегчит его реализацию. Его слова означали, что реализация Земской реформы создаст условия для унификации общеимперского пространства. Кроме того, по мнению И. Л. Горемыкина, земское самоуправление будет способствовать укреплению русского влияния в Западном крае и сплочению данной территории с внутренними губерниями Российской империи[47]. Министр был убежден, что лучше ввести в западных губерниях земские учреждения, которые заменят устаревшие институты, чем медлить с реформой, ссылаясь на необходимость усовершенствования земств[48]. В этом заключалась сущность возражений, адресованных его главному оппоненту – министру финансов С. Ю. Витте.

Позже с учетом возражений, сформулированных в конфиденциальной записке И. Л. Горемыкина, министр финансов изложил свою позицию более аргументированно. С. Ю. Витте указал, что его записка была ответом министру внутренних дел [14, с. 400]. Она начиналась с противоречащих утверждений. По мнению министра финансов, земское самоуправ-

[40]РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 655. Л. 12–51.
[41]Там же. Л. 14 об., 15 об.
[42]Там же. Л. 31.
[43]Там же. Л. 31 об.
[44]Там же. Л. 36.
[45]Там же. Л. 42 об.
[46]Там же. Л. 44–44 об.
[47]Там же. Л. 45 об. – 46, 49.
[48]Там же. Л. 48 об.

ление являлось формой всесословного народного представительства и не соответствовало самодержавному строю. В то же время он подчеркивал, что выступает не против земств, а против их территориального расширения, так как оно препятствовало достижению государственной пользы[49].

Затем С. Ю. Витте изложил основные положения записки И. Л. Горемыкина и отметил, что его конфиденциальная записка построена вокруг вопроса: «Соответствует ли земское самоуправление самодержавному строю?», а записка министра внутренних дел – вокруг вопроса: «Совместимо ли самоуправление в широком смысле с самодержавием?»[50]. Используя конкретные примеры, С. Ю. Витте очень подробно проанализировал отношение правительства к земскому самоуправлению. Он подчеркнул, что регламентация функций земств, к которой стремилось МВД, не исправила бы их недостатки, а, наоборот, привела бы к ограничению их деятельности. Как следствие, от земств осталась бы лишь видимость[51]. На этом основании С. Ю. Витте сделал вывод о том, что введение земств в неземских белорусских, литовских и украинских губерниях не могло способствовать упорядочению управления на местах. Более того, в законопроекте, представленном МВД, усугублены все недостатки, присущие системе земского самоуправления во внутренних губерниях[52].

Министр финансов предложил отказаться от идеи территориального расширения данной системы и направить основные усилия на преобразование местной губернской администрации в соответствии с планом, разработанным Особой комиссией для составления проектов местного управления под председательством статс-секретаря М. С. Каханова[53]. При этом он подчеркивал, что к работе в «правильно устроенных» правительственных учреждениях должно быть привлечено местное население[54].

Таким образом, С. Ю. Витте перевел дискуссию о Земской реформе в совершенно иную плоскость, а именно высказал мнение о необходимости укрепления правительственной власти на местах через реформирование устаревшей администрации и управления хозяйственной частью в неземских губерниях[55]. С точки зрения стратегического курса развития государства С. Ю. Витте был прав. Действительно, система губернского управления, как опора центральной власти, устарела и нуждалась в преобразовании. Однако он упускал из виду тот факт, что в неземских западных губерниях продолжали существовать такие архаичные институты губернского управления, как приказы общественного призрения, комиссии народного продовольствия, комитеты народного здравия и оспенные комитеты. В центральных регионах Российской империи они были ликвидированы при проведении Земской реформы, а их функции и имущество были переданы земствам. Не совсем ясно, как следовало поступить с перечисленными выше элементами губернского управления при реформировании губернской администрации в Западном крае.

Исходя из тактических задач, которые стояли перед государством в быстро изменявшихся социально-экономических и общественно-политических условиях, можно утверждать, что более актуальными являлись задачи унификации общеимперского пространства и интеграции национальных окраин в единое административно-правовое поле. В этом отношении И. Л. Горемыкин, как глава МВД, который постоянно сталкивался с проблемами, возникавшими при разрешении множества социальных и экономических вопросов на региональном уровне, стремился обосновать возможность их эффективного решения через развитие системы местного самоуправления. Его аргументация в пользу реализации Земской реформы в западных губерниях строилась на знании их состояния и обширном административном опыте.

По данному вопросу И. Л. Горемыкин имел следующую позицию: лучше сделать хоть что-нибудь для улучшения текущего положения дел, чем не сделать ничего. С. Ю. Витте мыслил более глобально, но в ущерб интересам населения конкретного региона, так как министр был недостаточно информирован о проблемах, с которыми приходилось сталкиваться местным жителям. В своей записке он излагал идею конструирования идеальной административной структуры, которая бы стала опорой центральной власти на местах. В этом случае можно согласиться с замечанием А. А. Половцова о том, что С. Ю. Витте – «человек очень умный, но лишенный первоначальных и всяких других сведений» [13, с. 64].

Детальный анализ записок позволяет говорить о том, что определенный отпечаток на их содержание наложили неприязненные отношения между главами двух ведомств. Данный факт косвенно подтверждается в мемуарах С. Ю. Витте. Так, он обвинял И. Л. Горемыкина в консерватизме, который проявился после его назначения на должность министра внутренних дел, и реакционной политике [14, с. 134]. О напряженности между министрами сообщал в своих дневниковых записях и А. А. Половцов [13, с. 216].

[49]Самодержавие и земство… С. 3–4.
[50]Там же. С. 9.
[51]Там же. С. 170, 174, 177.
[52]Там же. С. 177–178.
[53]Там же. С. 183–184.
[54]Там же. С. 208–209.
[55]Там же. С. 210.

Заключение

Результат дискуссии между И. Л. Горемыкиным и С. Ю. Витте был неоднозначным. С одной стороны, она ускорила отставку министра внутренних дел. В этом отношении можно говорить о его политическом фиаско. С другой стороны, благодаря И. Л. Горемыкину обсуждение вопроса, касающегося введения земских учреждений в западных губерниях, активизировалось на правительственном уровне, хотя законопроект, разработанный МВД, не был утвержден. В итоге был реализован новый законопроект. В 1903 г. в трех белорусских (Витебской, Минской и Могилёвской) губерниях и трех украинских (Киевской, Волынской и Подольской) губерниях были созданы управления по делам земского хозяйства, на смену которым в 1911 г. пришли органы земского самоуправления.

Библиографические ссылки

1. Кизеветтер АА. *Местное самоуправление в России. IX–XIX ст.: исторический очерк*. Москва: Типография императорского Московского университета; 1910. 158 с.
2. Кузьмин-Караваев ВД. *Земство и деревня, 1898–1903: статьи, рефераты, доклады и речи*. Санкт-Петербург: Общественная польза; 1904. 429 с.
3. Пажитнов КА. *Городское и земское самоуправление*. Санкт-Петербург: Издание М. И. Семенова; 1913. 116 с.
4. Скалон ВЮ. *По земским вопросам: очерки, обозрения, заметки. I. В переходное время, 1880–1892*. Санкт-Петербург: Общественная польза; 1905. 352 с.
5. Гармиза ВВ. *Подготовка Земской реформы 1864 года*. Москва: Издательство Московского университета; 1957. 264 с.
6. Герасименко ГА. *Земское самоуправление в России*. Москва: Наука; 1990. 264 с.
7. Королева НГ, редактор. *Земское самоуправление в России, 1864–1918. Книга 1, 1864–1904*. Москва: Наука; 2005. 428 с.
8. Королева НГ, редактор. *Земское самоуправление в России, 1864–1918. Книга 2, 1905–1918*. Москва: Наука; 2005. 384 с.
9. Жукова ЛА. *Земское самоуправление и бюрократия в России: конфликты и сотрудничество, 1864–1917 гг*. Москва: Хронограф; 1998. 179 с.
10. Слобожанин ВП. *Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.)*. Минск: Право и экономика; 2003. 168 с.
11. Ананьич БВ, редактор. *Власть и реформы: от самодержавной к Советской России*. Москва: Олма-пресс экслибрис; 2006. 734 с. (Архив).
12. Муравьев МН. *«Готов собою жертвовать…»: записки графа М. Н. Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа 1863–1866 гг*. Петров КВ, составитель. Москва: Пашков дом; 2008. 415 с.
13. Половцов АА. *Дневник, 1893–1909*. Зайончковский ПА, редактор. Санкт-Петербург: Алетейя; 2015. 704 с.
14. Витте СЮ. *Воспоминания. Том 1, Царствование Николая II*. Санкт-Петербург: Государственное издательство; 1923. XXVIII, 471 с.

Получена 18.09.2024 / исправлена 01.04.2025 / принята 01.04.2025.
Received 18.09.2024 / revised 01.04.2025 / accepted 01.04.2025.

Всемирная история

Усеагульная гісторыя

World history

УДК 94(479.25) + 94(47).05-083 + 327(47)(091)

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ АРМЯНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: УРОКИ ИСТОРИИ И РЕАЛИИ

А. Ж. ОГАНЕСЯН[1)]***, В. И. МЕНЬКОВСКИЙ***[2)]

[1)]*Ереванский государственный университет, ул. А. Манукяна, 1, 0025, г. Ереван, Армения*
[2)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Исследуются история взаимоотношений Армении и России, этапы становления связей между этими странами. История армяно-российских военно-политических, экономических, культурных и духовных связей насчитывает не одно столетие. В начале XIX в. в результате военно-политических событий, произошедших в Закавказье, восточная Армения была присоединена к Российской империи. С этого времени Российское государство стало играть решающую роль в исторической судьбе армянского народа, начался новый этап армяно-российских отношений. После присоединения Армении к России ее экономическая, политическая и культурная жизнь значительно улучшилась, что было невозможно в условиях господства Персии и Турции. Делается вывод о том, что бурные события, происходящие в настоящее время в мире в целом и в кавказском регионе в частности, показывают, что армянский народ вновь сталкивается с проблемами, которые уже возникали в истории. В связи с этим авторы убеждены, что материалы,

Образец цитирования:
Оганесян АЖ, Меньковский ВИ. Взгляд на историю армяно-российских отношений: уроки истории и реалии. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;2:15–20.
EDN: BGULFH

For citation:
Hovhannisyan HJ, Menkouski VI. A view on the history of Armenian-Russian relations: lessons of history and reality. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;2:15–20. Russian.
EDN: BGULFH

Авторы:
Айказ Жораевич Оганесян – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Армении факультета истории.
Вячеслав Иванович Меньковский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета.

Authors:
Haykaz J. Hovhannisyan, doctor of science (history), full professor; professor at the department of history of Armenia, faculty of history.
haykaz.hovhannisyan@ysu.am
https://orcid.org/0000-0001-5709-5248
Viachaslau I. Menkouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history.
menkovski@bsu.by
https://orcid.org/0000-0003-3417-4589

CC BY NC

содержащиеся в исследовании, помогут читателям оценить политические мотивы и цели взаимоотношений Армении и России на основе исторических уроков и реалий.

Ключевые слова: Армения; Россия; Закавказье; государство; нация; исторические уроки.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по высшему образованию и науке Республики Армения в рамках научного проекта 24SSAH-6A021 «Миграции и депортации армян; исторический анализ» и государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» в рамках научно-исследовательской работы «Советское прошлое в концепции современной исторической политики Республики Беларусь» (№ гос. регистрации 1.06.14).

ПОГЛЯД НА ГІСТОРЫЮ АРМЯНА-РАСІЙСКІХ АДНОСІН: УРОКІ ГІСТОРЫІ І РЭАЛІІ

А. Ж. АГАНЕСЯН[1*]***, В. І. МЕНЬКОЎСКІ***[2*]

[1*]*Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. А. Манукяна, 1, 0025, г. Ерэван, Арменія*
[2*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Анатацыя. Даследуюцца гісторыя ўзаемаадносін Арменіі і Расіі, этапы станаўлення гістарычных сувязей паміж гэтымі краінамі. Гісторыя армяна-расійскіх ваенна-палітычных, эканамічных, культурных і духоўных сувязей налічвае стагоддзі. У пачатку XIX ст. у выніку ваенна-палітычных падзей, якія адбыліся ў Закаўказзі, усходняя Арменія была далучана да Расійскай імперыі. З гэтага часу Расійская дзяржава стала адыгрываць галоўную ролю ў гістарычным лёсе армянскага народа, пачаўся новы этап у армяна-расійскіх адносінах. Пасля далучэння Арменіі да Расіі яе эканамічнае, палітычнае і культурнае жыццё значна палепшылася, што было немагчыма ва ўмовах панавання Персіі і Турцыі. Робіцца выснова аб тым, што бурныя падзеі, якія адбываюцца цяпер у свеце ў цэлым і ў каўказскім рэгіёне ў прыватнасці, паказваюць, што армянскі народ зноў сутыкаецца з праблемамі, якія ўжо ўзнікалі ў гісторыі. У сувязі з гэтым аўтары перакананы ў тым, што матэрыялы, змешчаныя ў даследаванні, дапамогуць чытачам ацаніць палітычныя матывы і мэты ўзаемаадносін Арменіі і Расіі на аснове гістарычных урокаў і рэалій.

Ключавыя словы: Арменія; Расія; Закаўказзе; дзяржава; нацыя; гістарычныя ўрокі.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Камітэта па вышэйшай адукацыі і навуцы Рэспублікі Арменія ў рамках навуковага праекта 24SSAH-6A021 «Міграцыі і дэпартацыі армян; гістарычны аналіз» і дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» ў рамках навукова-даследчай работы «Савецкае мінулае ў канцэпцыі сучаснай гістарычнай палітыкі Рэспублікі Беларусь» (№ дзярж. рэгістрацыі 1.06.14).

A VIEW ON THE HISTORY OF ARMENIAN-RUSSIAN RELATIONS: LESSONS OF HISTORY AND REALITY

H. J. HOVHANNISYAN[a]***, V. I. MENKOUSKI***[b]

[a]*Yerevan State University, 1 A. Manukyan Street, Yerevan 0025, Armenia*
[b]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Corresponding author: H. J. Hovhannisyan (haykaz.hovhannisyan@ysu.am)

Abstract. The article revises the history of relations between Armenia and Russia, stages of formation of Armenian-Russian historical ties. The history of Armenian-Russian military-political, economic, cultural and spiritual ties goes back centuries. At the beginning of 19th century, because of military and political events that had taken place in Transcaucasia, Eastern Armenia became a part of the Russian Empire. Since that time, Russia began to play a decisive role in the historical destiny of the Armenian people, a new stage in Armenian-Russian relations began. After Armenia's accession to Russia, its economic, political and cultural life has significantly advanced, which had been impossible under the domination of Persia and Turkey. The authors of the article conclude that the turbulent events currently taking place in the Caucasus region and throughout the world show that the Armenian nation is again faced with problems that history have already posed. In this regard, the authors are convinced that the materials contained in the article will help readers to assess the political motives and goals of Armenia and Russia based on historical lessons and realities.

Keywords: Armenia; Russia; Transcaucasia; state; nation; historical lessons.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Committee on Higher Education and Science of the Republic of Armenia within the framework of the scientific project 24SSAH-6A021 «Migrations and deportations of Armenians; historical analysis» and the state scientific research programme «Society and humanitarian security of the Belarusian state» within the framework of the research work «The Soviet past in the concept of modern historical policy of the Republic of Belarus» (state registration No.1.06.14).

Введение

Интерес к истории армян и Армении в России обнаруживается еще в период существования Древней Руси. Армения, гора Арарат и армяне многократно упоминаются в древнерусских летописях. Конечно, русские знали об Армении из библейских текстов и народных преданий. Легенда о Ноевом ковчеге, многочисленные упоминания Арарата как библейской горы вызвали интерес к истории Армении. Так, автор знаменитой летописи «Повесть временных лет», указывая на Библию, подтвердил, что в Великой и Малой Армении правил сын библейского Ноя Абет. В былине «Илья Муромец» Арарат также дважды упоминается как святая гора [1, с. 6].

Во времена, когда официальных отношений между двумя народами еще не было, сбор сведений об Армении и армянах в России диктовался прежде всего интересами внешней политики Российского государства. Для решения возникавших проблем правящие элиты России стремились укрепить и развить связи с народами, населявшими Кавказ. Армяне были союзниками России в вопросах выхода на восточные рынки и распространения ее политики в Закавказье. Более того, подчеркнутая пророссийская ориентация армян и желание России видеть в них верного союзника существенно способствовали росту интереса правящих элит России к армянскому народу, который в отношениях с Россией видел шанс на освобождение от персидского и турецкого владычества. Другими словами, военно-политические планы Российской империи совпадали с устремлениями армянского освободительного движения.

Вскоре Закавказье оказалось важным элементом внешнеполитического ландшафта России. При решении восточного вопроса Российское государство придавало большое значение углублению и развитию отношений с местными народами. В этом плане особенно выделяется период правления Петра Великого. Государственная, дипломатическая и военная деятельность этого монарха всегда строилась на накоплении фактов и сведений о регионах, которые были особенно важны для достижения внешнеполитических целей Российской империи: «По прямому повелению Петра Великого арабские, армянские и татарские надписи в бывшей столице волжских болгар были переведены на русский язык, что, возможно, было первым востоковедным трудом в России»[1] [2, с. 119]. Знакомство с Закавказьем в целом и Арменией в частности имело при Петре Великом статус государственной политики. Императору принадлежит идея переселения персидских армян на российские территории. Стремясь развивать прикаспийские регионы, Петр Великий считал, что наилучшим способом достижения этой цели является укрепление в них христианства.

Материалы и методы исследования

При рассмотрении истории армяно-российских отношений использовалось сочетание нескольких методологических подходов, что позволило получить более полное и глубокое понимание сложных долговременных взаимодействий. При подготовке исследования были использованы факты политической, социально-экономической, культурной истории, обеспечившие необходимый контекст для понимания вопросов идентичности и культурного наследия. При анализе стратегических задач Армении и России, взаимодействия государств в рамках международной системы, в том числе влияния геополитических факторов, применялась теория международных отношений. Такой комбинированный подход позволил учитывать различные аспекты армяно-российских отношений, способствовал проведению более комплексного и точного анализа.

Результаты и их обсуждение

Экономические, политические и культурные мотивы сближения Армении и Российской империи. Поначалу отношения между двумя народами выражались в форме торгово-экономических связей. Многие армянские купцы принимали участие в торговле на Волго-Донском канале, заключая сделки в Нижнем Новгороде, Казани и Москве. Переселившись в Крым и Поволжье в X–XI вв., армяне принесли туда с собой христианскую культуру.

На Крымском полуострове была основана крупная армянская колония. Там поселилось столько армян, что юго-восточную прибрежную часть полуострова

[1]Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением особенностей оригинала. – *А. О.*, *В. М.*

стали называть великой Арменией (морской Арменией) [3, с. 10]. В Кафе (Феодосия) армяне построили 29 церквей, а в предместьях города – 10. По данным академика М. Тихомирова, начиная с XIV в. армяне вместе с представителями русских земель принимали деятельное участие в торговле на Востоке. Русские летописи сохранили сведения о пожаре 1390 г. в Москве, который вспыхнул в доме армянина Авраама – жителя квартала купцов и ремесленников слободы. Основание армянской колонии в Москве датируется началом XV в., а уже в конце XVII в. число проживавших в городе армян составляло около двух тысяч. «Простые русские люди не чувствовали больших различий между православием и армянской верой, охотно общались и пили с армянами, допускали их в свои церкви, дружили и женились на них» [4, с. 143].

Армянский купеческий дом в Москве был основан в XVI в. В имущественных ведомостях, составленных Иваном IV, упоминаются армяне Рамадановы, Мартыновы, Мурадовы, Амиревы и др. Армяне торговали не только в Москве, но и в Новгороде и Архангельске. Имеются также упоминания об армянских купцах, проживавших в 1552 г. в Казани. В документе 1647 г. отмечается, что крупный купец-армянин Тавакалов много лет жил в Астрахани и привозил в Москву товары, общая стоимость которых составляла большую сумму. Его сыновья находились на дипломатической службе в Москве.

В 1660 г. в Москву из персидского города Новая Джуга прибыл известный армянский купец Захар Саградов. Царю Алексею Михайловичу он привез подарок, известный как алмазный трон, который и поныне украшает Оружейную палату Московского Кремля и считается ценным образцом Алмазного фонда России. Трон изготовлен из алтайского дерева и украшен золотом, серебром и ценными камнями (для этих целей были использованы 897 алмазов, 1298 рубинов и сапфиров, 18 300 камней бирюзы, около 12 кг золота и 3,2 кг серебра) [1, с. 49]. Другой дар купца также символичен: на медном слитке изображена композиция «Тайная вечеря». Подарок так понравился царю, что он приказал пригласить автора этого произведения в Москву. Ходжа Захар был принят при русском дворе, как посол, с большими почестями, а около его дома был выставлен почетный караул [1, с. 49].

В результате переговоров с русским двором Армянское торговое общество заключило договор от 31 мая 1667 г., который впоследствии был утвержден царем Алексеем Михайловичем. Согласно этому договору армянские купцы получили право вести транзитную торговлю с Европой и Азией по Волжскому пути, уплачивая только 5-процентную пошлину. Отметим, что все иностранные купцы платили 10-процентную пошлину без права транзита [1, с. 50].

Армяно-русский торговый договор 1667 г. открыл новые перспективы для развития армянских колоний в России. Правящие элиты России всячески поощряли торговлю и проживание армян в России, так как эта торговля приносила большие доходы в казну. Вместе с тем после заключения торгового договора армяне были связаны с Московским государством в сфере не только торгово-экономических, но и реальных политических интересов. Россия постепенно все активнее включалась в антитурецкую борьбу, поскольку была заинтересована в защите южных и западных границ.

Взаимоотношения Армении и Российской империи. В конце XVIII – начале XIX в. Закавказье вновь затронули внешнеполитические планы России. Возрос интерес к истории местных народов, в том числе и к истории армян. После присоединения восточной Армении к России в 1828 г. наступил относительно мирный период в экономическом и культурном развитии армян. Они доказали, что не утратили свой нравственный потенциал и научно-просветительские традиции. Армянские книги печатались в Амстердаме и Константинополе, Венеции и Париже, Иерусалиме и Мадрасе, Калькутте и Измире, Ливорно и других городах мира.

Постепенно экономические и политические процессы создали основу для развития культурных связей. Такие города Российской империи, как Москва, Санкт-Петербург, Тифлис, Казань, Астрахань, Новая Нахичевань стали крупными центрами армянской культуры. Известный русский публицист В. Герье пишет об армянах: «Дайте этой нации свободу действий, помогите ей расти нравственно и духовно, и все будут поражены таким развитием… Главная задача России – содействовать дальнейшему развитию армян, чтобы они стали полезным элементом в мировой политике России» [5, с. 245].

Важным результатом этого прогресса стало создание новых армянских школ, которые более века обслуживали армян России и армянскую диаспору. Так, в 1810 г. в Астрахани открылось училище Агабабяна, в 1815 г. – знаменитый Лазаревский институт восточных языков в Москве, в 1824 г. – училище Нерсесян в Тифлисе. Из года в год увеличивалось число армянских студентов в университетах Санкт-Петербурга и Москвы. В 1809 г. на русский язык были переведены и изданы книга основоположника армянской историографии Мовсеса Хоренаци «История Армении» и труды других древнеармянских историков. Неслучайно в издании «Кавказский календарь» за 1890 г. отмечалось: «Армянская историческая литература очень богата. У армян много знаменитых летописцев, произведения которых переведены на разные европейские языки, в том числе и на русский»[2].

[2]Кавказский календарь. Тифлис : Тип. Гл. упр. кавк. наместника, 1890. С. 2.

Ежегодно в России увеличивалось количество публикаций об Армении, поскольку было важно создать общественное мнение об Армении. Так, в одной из изданных на русском языке книг по истории Армении, написанной под покровительством Ованеса Лазаряна, писатель-публицист Сергей Глинка высказал такую мысль: «Есть народы, которые, несмотря на различные превратности судьбы, хотя и подвергались насильственной чужой власти в пределах своей родины, тем не менее в течение столетий сохраняют не только свое имя, но и свою нравственность, язык, веру… Среди этих народов армяне занимают блистательное положение. Несмотря на все волнения в Азии, которые более трех тысяч лет бурным приливом действовали на Армению, армяне остались армянами» [6, с. 2].

Однако следует отметить, что все эти процессы происходили в очень сложный период истории Армении. Разделенный между двумя соседями – Персией и Турцией – армянский народ на протяжении столетий вел борьбу за независимость. Было очевидно, что армяне не смогут освободить свою родину собственными силами. Поэтому им потребовалась военная поддержка извне. Армянское освободительное движение на протяжении XVII–XVIII вв. стремилось найти такую силу. Поначалу сторонниками реализации этой задачи считались страны Западной Европы, но они ограничились лишь обещаниями и словами поддержки.

Иначе говоря, если связи армянских деятелей с отдельными государствами Западной Европы были лишь неудачными попытками, то русская помощь была реальной и удовлетворяла как национально-освободительные стремления армян, так и внешние потребности Российского государства. Правящие элиты России прекрасно понимали, что армяне являются лучшими союзниками для выхода на восточные рынки и укрепления позиций на Южном Кавказе. Последующее углубление армяно-русских исторических отношений привело к тому, что в начале XIX в. в результате кавказских войн против Персии, а затем и против Турции восточная часть исторической Армении по Туркманчайскому договору 1828 г. была присоединена к России.

После присоединения восточной Армении к России часть армянского населения была спасена от опасности неминуемой ассимиляции, если не истребления. Накануне объединения в восточной Армении коренное население не составляло большинства, что представляло серьезную демографическую угрозу. Демографические сдвиги в восточной и западной Армении были вызваны многочисленными депортациями и гонениями, предпринятыми персидскими ханами и турецкими правителями. Поэтому переселение почти 150 тыс. армян из Персии и Турции в восточную Армению после русско-персидской и русско-турецкой войн 1828–1829 гг. [7, с. 214, 254] мы считаем неоспоримым положительным результатом. Точно так же бесспорен вклад армянских переселенцев из других регионов в экономическую и политическую жизнь восточной Армении. Так, накануне объединения с Россией, в 1827 г., армянское население восточной Армении составляло всего 25 151 человек, а через три года, в 1831 г., его число достигло 82 377 человек [8, с. 337–338]. В последующие годы количество армянского населения вновь возросло, и восточная Армения стала центром собирания армянского народа.

В свою очередь, правящие элиты России не скрывали своей заинтересованности в политической и экономической выгоде от присоединенных к империи армянских областей. Обратимся к А. Сазонову, который пишет: «…бесспорные интересы России в Средней Азии очевидны и не должны подвергаться сомнению. Мы уже сейчас считаем свободный и безопасный выход в Черное море нашим невозвратным богатством. С другой стороны, если исторические события вернут нас к Южному океану, то кратчайший путь к нему лежит через Армению, любую страну, которая наиболее соответствует нашим интересам. И что это зависит только от отношений с армянами… Вот страна, которая наиболее соответствует нашим целям…» [9, с. 108].

Российский двор также прекрасно понимал, что у армян в регионе «в промышленном отношении мало соперников: они терпеливы, трудолюбивы, сметливы» [10, с. 709]. Один из русских авторов – Сергей Глинка в своей книге, посвященной переселению восточных армян в 1828 г., рассматривая результаты переселения, в первую очередь подчеркивал роль армян в укреплении южных границ России: «Ожидаемая выгода всегда будет значительна. Тем более, что умножение христианского населения на границе с Россией будет способствовать созданию надежной преграды против враждебных действий со стороны соседних стран, особенно в борьбе с Турцией и горцами… Поддерживая это новое начинание, Россия может рассчитывать на большие выгоды от заселения этих земель… Инициатива армян, их деловые способности будут способствовать развитию азиатской торговли и станут потенциальным источником русского богатства» [11, с. 93].

Несомненно также, что после присоединения восточной Армении Россия стала играть решающую роль в судьбе армянского народа. Наряду с необходимостью провести четкую границу между колониальной политикой правящих элит России и национальными интересами армянского народа дальнейшее укрепление связей с Россией следует рассматривать как объективное выражение общих политических интересов двух народов.

Заключение

Исторические уроки прошлого всегда поучительны. Общеизвестно, что главной гарантией безопасности армянского народа является его экономическая и политическая мощь, только с ее помощью армянский народ сможет противостоять внешнеполитическим вызовам, которые возникают так часто в его истории. Анализируя итоги присоединения восточной Армении к Российской империи, можно выделить основные элементы этого исторического акта.

Во-первых, присоединяясь к России, восточная Армения избавлялась от опасности ассимиляции армянского народа. Были созданы определенные условия для развития экономики и культуры армян. Освобождение восточной Армении от персидского ига в результате русских военных побед создало объективные условия для всестороннего развития армянского народа.

Во-вторых, в контексте исторической ситуации, когда армянский народ был буквально разорван между Персией и Турцией, его историческое развитие объективно совпадало с внешнеполитическими интересами Российской империи. Конечно, царизм проводил колониальную политику по отношению к народам Российской империи, и, присоединившись к России, армяне не добились полного социального и политического освобождения. Этот путь национального освобождения не был идеальным для армян, но давал реальный шанс на сохранение нации.

В-третьих, несмотря на колониальную политику царизма по отношению к армянскому народу, после присоединения к России экономическая, политическая и культурная жизнь Армении ознаменовалась значительными улучшениями, что ранее было невозможно из-за многовековой жесткой политики Персии и Турции.

В-четвертых, восточная Армения в результате присоединения к России стала центром притяжения армянского народа.

В-пятых, соприкосновение с развитыми традициями русской культуры оказало благотворное влияние на развитие всей армянской культуры XIX–XX вв.

Библиографические ссылки

1. Оганесян А. Россия и армяне. *Уроки истории и реалии*. Ереван: Ереванский государственный университет; 2015. 301 с.

2. Соловьев П. Восточная словесность и русские востоковеды. *Русский вестник*. 1856;2:119–120.

3. Bardukharyan V, Aleksanyan G. *History of Armenian diasporas in Russia*. Yerevan: Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia; 2015. 441 p. Armenian.

4. Тихомиров М. *Древняя Москва (12–15 вв.)*. Москва: Государственный университет имени М. В. Ломоносова; 1947. 224 с.

5. Герье В. *Призвание России на Востоке*. В: Типолитография К. Ф. Александрова. Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Москва: Типолитография К. Ф. Александрова; 1898. с. 235–247.

6. Глинка С. *Обозрение истории армянского народа. Том 1*. Москва: Типография Лазаревского института восточных языков; 1832. 273 с.

7. Bardukharyan V, editor. *Armenian history: new time (second half of 17th century – the end of the 19th century). Volume 3, book 1*. Yerevan: Zngak; 2010. 704 p. Armenian.

8. Yeritsyan AI. *The Catholicosate of all Armenians and Armenians of the Caucasus of the 19th century. Volume 1*. Tbilisi: M. Martirosyan and Co. Publishing House; 1894. 690 p. Armenian.

9. Сазонов А. Европа и Турция в армянском вопросе. *Русская мысль*. 1896;11:106–112.

10. Шопен И. *Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук; 1852. 1232 с.

11. Глинка С. *Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении*. Москва: Типография Лазаревского института восточных языков; 1831. 142 с.

Получена 02.01.2025 / исправлена 02.04.2025 / принята 02.04.2025.
Received 02.01.2025 / revised 02.04.2025 / accepted 02.04.2025.

УДК 93/94.392.364

ПРОЯВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭМПАТИИ УЗБЕКСКИМ НАРОДОМ

А. Г. МУМИНОВ[1)]***, О. У. МУМИНОВ***[1)]

[1)]*Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека,*
ул. Университетская, 4, 100174, г. Ташкент, Узбекистан

Аннотация. Раскрывается содержание понятия «эмпатия». Рассматриваются особенности ее проявления узбекским народом в разные периоды истории. Указывается, что население Туркестанского края проявляло сопереживание, доброту, толерантность, милосердие и щедрость по отношению к народам, переселившимся на данную территорию после ее завоевания Российской империей. Уделяется большое внимание периоду Второй мировой войны, когда Узбекистан стал родной страной для многих эвакуированных с прифронтовых регионов людей. Описывается поведение народов СССР во время землетрясения в Ташкенте.

Ключевые слова: историческая эмпатия; толерантность; восточные мыслители; узбекский народ; Туркестан; Центральная Азия; Вторая мировая война; землетрясение в Ташкенте.

ПРАЯВА ГІСТАРЫЧНАЙ ЭМПАТЫІ ЎЗБЕКСКІМ НАРОДАМ

А. Г. МУМІНАЎ[1*]***, О. У. МУМІНАЎ***[1*]

[1*]*Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека,*
вул. Універсітэцкая, 4, 100174, г. Ташкент, Узбекістан

Анатацыя. Раскрываецца змест паняцця «эмпатыя». Разглядаюцца асаблівасці яе праявы ўзбекскім народам у розныя перыяды гісторыі. Указваецца, што насельніцтва Туркестанскага краю праяўляла суперажыванне, дабрыню, талерантнасць, міласэрнасць і шчодрасць у адносінах да народаў, якія перасяліліся на дадзеную тэрыторыю пасля яе заваёвы Расійскай імперыяй. Удзяляецца вялікая ўвага перыяду Другой сусветнай вайны, калі Узбекістан стаў роднай краінай для многіх эвакуіраваных з прыфрантавых рэгіёнаў людзей. Апісваюцца паводзіны народаў СССР падчас землетрасення ў Ташкенце.

Ключавыя словы: гістарычная эмпатыя; талерантнасць; усходнія мысліцелі; узбекскі народ; Туркестан; Цэнтральная Азія; Другая сусветная вайна; землетрасенне ў Ташкенце.

Образец цитирования:
Муминов АГ, Муминов ОУ. Проявление исторической эмпатии узбекским народом. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;2:21–27.
EDN: GKFKXS

For citation:
Muminov AG, Muminov OU. Manifestation of historical empathy by Uzbek people. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;2:21–27. Russian.
EDN: GKFKXS

Авторы:
Алишер Гаффарович Муминов – доктор политических наук; профессор кафедры истории Узбекистана исторического факультета, декан исторического факультета.
Отабек Уктамович Муминов – старший преподаватель кафедры археологии и этнологии исторического факультета.

Authors:
Alisher G. Muminov, doctor of science (politics); professor at the department of history of Uzbekistan, faculty of history, and dean of the faculty of history.
alisher.nuuz@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-3441-5338
Otabek U. Muminov, senior lecturer at the department of archeology and ethnology, faculty of history.
o.muminov@nuu.uz
https://orcid.org/0000-0002-7166-618X

CC BY NC

Журнал Белорусского государственного университета. История. 2025;2:21–27
Journal of the Belarusian State University. History. 2025;2:21–27

MANIFESTATION OF HISTORICAL EMPATHY BY UZBEK PEOPLE

***A. G. MUMINOV*[a], *O. U. MUMINOV*[a]**

[a]*National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, 4 Universitetskaya Street, Tashkent 100174, Uzbekistan*

Corresponding author: O. U. Muminov (o.muminov@nuu.uz)

Abstract. The content of the concept «empathy» is revealed. The peculiarities of its manifestation by Uzbek people in different periods of history are considered. It is pointed out that the population of the Turkestan region showed empathy, kindness, tolerance, mercy and generosity towards the peoples who moved to this territory after its conquest by the Russian Empire. Much attention is paid to the period of the World War II when Uzbekistan became a second homeland for many people evacuated from front-line regions. The behaviour of the peoples of the USSR during the Tashkent earthquake is described.

Keywords: historical empathy; tolerance; Eastern thinkers; Uzbek people; Turkestan; Central Asia; World War II; Tashkent earthquake.

Введение

В современном мире доминирует принцип индивидуализма, вследствие чего актуализируются проблемы одиночества и безразличия. Эмпатия, будучи стремлением сопереживать, оказывать помощь и поддержку, является ведущим признаком личностного роста. Готовность помочь как близким, так и незнакомым людям свидетельствует о наличии у индивида следующих качеств: человечности, уважения, терпимости, доброжелательности. Кроме того, эмпатия выражается в самопожертвовании. Она позволяет людям быть социально развитыми и активными. Степень развитости этой способности зависит от множества субъективных и объективных факторов: нравственного уровня, эмоциональности и опыта человека, его включенности в общественную жизнь и т. д. Отсутствие эмпатии – признак эгоизма, душевной черствости, а иногда и психического расстройства.

Чувственное сопереживание выступает одним из регуляторов отношений людей, поскольку для полноценного взаимодействия необходимо уметь предсказывать их мысли, позицию и решения. В период раннего развития эмпатия позволяет детям учиться через имитацию поступков и реакций окружающих. Обладающий данной способностью человек имеет возможность посмотреть на ситуацию под другим углом, обнаружить значимые детали.

К исследованию чувственного сопереживания обращались представители различных наук, в первую очередь психологи и социологи. Настоящая работа посвящена изучению эмпатии в историческом контексте. В своем исследовании [1] американские ученые К. Перротта и Ш. Х. Бон рассмотрели вопрос о том, как в период холодной войны деятельность образовательных организаций и руководителей ряда государств повлияла на трансформацию исторической эмпатии.

Российский ученый и педагог Н. П. Красноборова [2] проанализировала опыт использования документов времен Великой Отечественной войны с целью сформировать у учащихся средней школы способность сопереживать людям из далекого прошлого. Она указала, что, помимо прочего, данная практика направлена на развитие личностных качеств подростка и содействие его эмоциональному росту.

Узбекские исследователи Р. Муртазаева, А. Адилов, К. Саипова и С. Атаджанова [3] изучили процессы формирования и развития принципов толерантности в общественно-политической и духовной жизни народов Центральной Азии в Античности и раннем Средневековье, подчеркнув важную роль проявления эмпатии узбекским народом. Они отметили, что культурно-исторические особенности данного региона и произошедшие миграционные процессы повлияли на структуру центральноазиатских государств, которая характеризуется как многонациональная. Б. Б. Хайназаров [4] также уделил внимание исторической эмпатии, рассмотрев данный феномен наряду с факторами, оказавшими воздействие на миграцию уйгуров в Узбекистане, а также на структуру, ассимиляцию и аккультурацию уйгурской диаспоры. Следует отметить книгу А. Тешаева «Маленькие свидетели войны», в которой собраны воспоминания детей из узбекских семей о Великой Отечественной войне и рассказано, как узбекский народ приютил более 200 тыс. детей-сирот в тяжелое время.

В настоящей работе для освещения проблемы проявления исторической эмпатии узбекским народом использовались сравнительно-исторический, ретроспективный и нарративный методы исследования.

Основная часть

Развитие эмпатии предполагает проведение работы над эмоциями и формирование нравственных мотивов для оказания помощи другим людям. В восточной философии подчеркивалась ценность наличия у человека таких качеств, как гуманность, милосердие и сострадание. Гуманность выражается в проявлении сострадания и желании делать добро. Характеристиками милосердия выступают категории любви, преданности и благодарности, на которые повлияли ценности конкретной нации. Не менее важным качеством является великодушие, выражающееся в щедрости души, благородстве, открытости, толерантности и сострадании к ближнему.

Народы Востока имеют богатые духовные традиции. На их мировоззрение и действия значительно влиял ислам. В основе данной религии лежат идеи добра и милосердия. То, как необходимо поступать в жизни, указано в Коране: «Любое добро, которое вы раздаете, должно достаться родителям, близким родственникам, сиротам, беднякам, путникам… Что бы вы ни сделали доброго, Аллах знает об этом» [5, с. 215]. Пророк Мухаммед наставлял: «Поддерживай отношения с тем, кто прервал их с тобой, давай тому, кто лишил тебя чего-либо, и прощай того, кто обидел тебя»[1] [6, с. 133]. Также следует упомянуть о том, что он запретил двум людям говорить тайно в присутствии третьего человека, поскольку это может причинить ему боль.

Идеями о любви и человечности пронизаны произведения А. Н. аль-Фараби. В трактате [7] в качестве лучшего города он назвал тот, в котором живут добродетельные, гуманные, уважающие друг друга люди [7, с. 41]. Помимо рассмотрения темы разума, мыслитель поднял вопрос о нравственных чувствах: «Умными называются люди добродетельные, проницательные, увлеченные полезными делами, помогающие людям, избегающие плохого. Тех, кто обладает умом, чтобы обдумывать плохие дела, нельзя считать умными. Их следует называть скупцами, хитрецами, обманщиками» [7, с. 45–46].

О важности взаимоуважения также писал А. Навои в произведении «Вакфия»: «…каждый человек наряду с уважением к себе должен считать других людей жемчужинами мира, проявлять к ним любовь и уважение» [8, с. 57–58]. Бессердечного человека мыслитель приравнивал к животному.

А. Р. аль-Бируни подчеркивал значимость получения знаний и развития нравственности для совершенствования личности. По его мнению, чтобы приносить пользу своему народу, человек должен обладать следующими качествами: щедростью, добротой, честностью, благородством, милосердием, состраданием, дружелюбием и т. д. Путь к достижению добра – это постоянная борьба между сопереживанием и безразличием, любовью и ненавистью, дружбой и враждой, смелостью и страхом, милосердием и подлостью. Ученый отмечал, что она требует большого труда, терпения, крепкой воли и высокой нравственности [9, с. 24]. Именно в этой борьбе можно достичь совершенства [10, с. 55–57].

Влияние нравственных качеств на психику человека с психолого-педагогической точки зрения изучал А. А. ибн Сина. Так, он описывал эмпатию как человеческую силу, которая помогает нуждающимся людям, а дружбу как источник взаимной заботы и сотрудничества. В своих произведениях философ подчеркивал, что совершенствование предполагает овладение такими положительными качествами, как щедрость, терпение, любовь, мудрость, осторожность, решительность, верность, скромность, исполнительность [11, с. 96–97].

Эмпатия узбекского народа, корни которой уходят в прошлое, была неразрывно связана с ценностями благотворительности, милосердия и щедрости. В разные периоды истории Туркестанского края, в том числе до его завоевания Российской империей, существовали различные взгляды на данные ценности.

В конце XIX – начале XX в. в Туркестанском крае эмпатия проявлялась в виде оказания социальных услуг и безвозмездной помощи населению со стороны богатых представителей социума, которые впоследствии создавали различные общества, союзы и учреждения. Изначально нуждающиеся получали помощь в натуральном виде: им раздавали продукты питания, одежду и обувь [12, с. 46]. Также богатые люди посещали их дома, знакомясь с условиями проживания, делали им пожертвования и поддерживали добрыми словами. Особое внимание уделялось вдовам и сиротам. Данная практика позволяла нуждающимся не чувствовать себя одинокими, понять, что они являются частью общества и могут надеяться на лучшее будущее, поскольку в любой сложной ситуации есть тот, кто готов помочь.

Джадиды – представители интеллигенции, зародившейся в конце XIX в. в Туркестанском крае, – продолжили благотворительное движение и внесли в него некоторые изменения. В частности, И. Гаспринский, один из идейных лидеров, побуждал своих последователей создавать детские дома, финансируемые за счет средств благотворительных обществ. Деятельность таких обществ заключалась в оказании материальной помощи малообеспеченным мусульманам, предоставлении беспроцентных займов, открытии ремесленных учебных заведений, содействии садоводам и дехканам и т. д. [13, с. 4].

В 1892 г. А. Хусаинов взял на попечительство 300 нуждающихся мусульман и основал в Оренбурге

[1]Здесь и далее перевод наш. – *А. М., О. М.*

благотворительную организацию. Кроме того, в 1894 г. по инициативе городского казия Х. Низомиддина было собрано 1500 руб., после чего был создан Дом неимущих [12, с. 54]. В 1896 г. жители Оша открыли первый в Туркестане Дом милосердия. Цель этих благотворительных заведений состояла в обеспечении жильем и питанием всех нуждающихся [12, с. 54]. В начале XX в. джадиды открыли на свои средства около 30 школ.

Для обеспечения единства народа Туркестана и просвещения молодого поколения группа джадидов во главе с А. Авлони 12 мая 1909 г. открыла объединение «Общество благотворительности». Его устав, состоящий из 41 статьи, разработали ученые-правоведы У. Ходжаев и Т. Норбутабеков. Основными задачами данного общества являлись организация бесплатных школ для обучения всех слоев населения, оказание помощи сиротам, бедным детям и малоимущим студентам, открытие больниц, домов милосердия, амбулаторий, чайхан, общежитий, домов для пожилых людей и инвалидов, улучшение материального и духовного положения нуждающихся мусульман на территории края, а также спонсирование образования молодежи в школах и отправка одаренных молодых людей за рубеж для дальнейшего обучения в университетах. Члены объединения платили по 6 руб. в год, а его сотрудники – по 1 руб. 50 коп. в год. По состоянию на 1 июля 1910 г. число членов составляло около 300 человек, уставной капитал общества превышал 4000 руб. Для его организации было израсходовано около 500 руб., нуждающимся было выдано 200 руб. Размер пособий малоимущим варьировался от 2 до 5 руб., а учащимся предоставлялось 50 коп. в месяц на оплату за обучение [14, с. 102].

В документах, касающихся деятельности Туркестанского генерал-губернаторства, указано, что в рассматриваемый период некоторые торговцы одаривали нуждающихся, а также тех жителей, которые воспитывали детей-сирот. Правительство уделяло особое внимание таким людям, вручая им государственные награды за щедрость и благородство души. Например, А. Абдуалиев, проживавший и работавший в Ташкенте долгое время, был удостоен серебряной медали с надписью: «За хорошие большие заслуги» [15, с. 70].

Необходимо отметить, что со стороны Туркестанского генерал-губернаторства также предпринимались попытки материально поддерживать переселенцев из Российской империи. Большая помощь была оказана Ташкентскому детскому приюту имени генерал-губернатора Туркестана К. П. фон Кауфмана, а также Дому инвалидов и учреждению «Охрана материнства», названным в честь императора Александра II [12, с. 56].

В 1909 г. по инициативе П. И. Мищенко при Доме инвалидов были открыты 11-местный Дом вдов для детей-сирот и Дом материнства и детства для женщин, которым выделялось по 10 руб. в месяц на питание. Кроме того, 6 декабря 1914 г. было создано общежитие для нуждающихся и бездомных, выступающее ночлегом [16, с. 421–422].

Важно упомянуть о землетрясении 3 декабря 1902 г., в результате которого Андижан был почти полностью разрушен, много людей погибло и лишилось дома. Отделения Туркестанского благотворительного общества в Коканде и Маргилане оперативно организовали поставку первой помощи андижанцам. Туркестанское генерал-губернаторство 8 декабря 1902 г. направило в Сырдарьинское военное губернаторство требование о создании группы по ликвидации последствий стихийного бедствия, и в скором времени специальный комитет сформировали. В качестве пожертвования пострадавшим из Ташкентского уезда было собрано и передано 5186 руб. 42 коп., из Чимкентского уезда – 2386 руб. 62 коп., из Казалинского уезда – 1187 руб. 8 коп. Кроме того, средства поступали от частных спонсоров [12, с. 73]. Помощь оказывалась и людям, которые желали переехать в другие регионы Туркестанского края, однако их количество было невелико по сравнению с числом людей, переселившихся из Российской империи в центральные районы Туркестана. Русский историк и исследователь Средней Азии И. И. Гейер был участником переселения в кишлаках Сырдарьинской области и опубликовал записки, в которых рассказал о событиях этого времени [17, с. 84].

В 1920-х гг. происходили сложные процессы, связанные с преодолением последствий стихийных бедствий. Народ Туркестана помогал людям различных национальностей, полов и возрастов с эвакуацией в Туркестан, обеспечивал их жильем и пропитанием, проявляя верность общечеловеческим ценностям. Например, в соответствии с постановлением Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета от 21 июля 1921 г. при Центральном исполнительном комитете Туркестана была создана Центральная комиссия помощи голодающим. В ее задачи входили открытие бесплатных пунктов питания, сбор пожертвований и отчислений с заработной платы, решение вопросов, которые связаны с продовольственной продукцией, отправляемой в голодные губернии Российской империи, а также проведение благотворительных мероприятий. В июле 1921 г. было принято решение о выделении извозчикам края и работникам полиграфии суммы, равной заработной плате за 5 дней (2,5 и 1,5 млн руб. соответственно). Железнодорожникам Ташкента выдали хлебные пайки за 3 дня. В это же время из Ташкента в Оренбург было отправлено 10 вагонов зерна и 6 вагонов замороженной рыбы. На расширенном собрании текстильщики Туркестана решили передать из фабричных фондов 5 тыс. аршин мануфактуры и от каждого члена

профсоюза сумму в размере заработной платы за 5 дней [12, с. 84–85].

В годы Второй мировой войны из северо-западных районов Советского государства в Узбекистан были эвакуированы почти 1 млн жителей оккупированных немцами территорий, из которых 200 тыс. человек были детьми [18, с. 28]. Узбекский народ помогал фронту и тылу, заботился о нуждающихся и сиротах [19, с. 92]. Позже население республики оказывало помощь братским народам в восстановлении экономики и налаживании культурного строительства. Мощный патриотизм был свидетельством духовной щедрости узбекского народа.

В октябре 1941 г. в соответствии с постановлением Правительства Узбекистана был открыт Центральный пункт приема эвакуированных детей в целях упорядочения этого процесса. В декабре 1941 г. были созданы республиканские, областные, городские и районные комиссии для координации размещения эвакуированных детей. Специальные штабы круглосуточно действовали в Ташкенте, Самарканде и других крупных городах Узбекистана. Согласно официальным данным с ноября 1941 по октябрь 1942 г. через эвакуационные пункты республики было перевезено 15 649 детей. Только до февраля 1942 г. в Ферганскую область эвакуировали 924 155 человек, из которых 48 802 человека были расселены в Фергане, Коканде и Маргилане [20, с. 59]. Переселенные дети и дети тех родителей, которые ушли на фронт, ежедневно получали бесплатное питание в столовых. Также им была оказана необходимая медицинская помощь.

Первым начальником Центрального пункта приема эвакуированных детей, отвечавшим за деятельность детских домов, стала Н.П. Крафт. Затем должность руководителя пункта заняла А. И. Авдеева, которая позже с теплотой вспоминала этот период: «Условия были тяжелыми. Работали, не считая времени и не думая об отдыхе. Но главным вызовом были детская психика и ответственность за их [детей] жизнь» [21, с. 149]. Дети, находившиеся несколько недель в дороге, отличались как по возрасту, так и по состоянию здоровья: многие из них болели пневмонией, дизентерией и т. д. [21, с. 149]. Сотрудники пункта самоотверженно помогали размещать детей, старались создать дружескую, теплую атмосферу: «…детям требовалось не только физическое восстановление, но и духовная поддержка. Ужасные тени убийств, пожаров и взрывов преследовали их долгое время. Они остались молчаливыми. Даже самое лучшее лекарство не помогло бы в этом, только доброта и забота могли бы проникнуть в их сердца. <…> Сотрудники приносили из домов книги, шахматы, игрушки, картины и краски. Удивительно, но старая кукла, разрисованный мяч, игрушечный котенок ручной работы дарили ребенку уже забытую радость» [21, с. 150]. Однако среди членов данного пункта имелись тяжелые потери. Только с декабря 1942 по март 1943 г. тифом и туберкулезом заболели 13 его руководителей, из которых 3 человека умерли [21, с. 7].

На заседании Совета женщин-активисток, состоявшемся 2 января 1942 г. в Ташкенте, было подчеркнуто, что ни один ребенок, прибывший в Узбекистан, не должен остаться без приюта, материнской любви. В течение нескольких дней 643 семьи жителей Узбекистана приняли на воспитание мальчиков и девочек, эвакуированных из 69 различных городов. К сентябрю 1942 г. на воспитание было принято 1015 детей, усыновлено 303 ребенка [22, с. 19]. В частности, ташкентский кузнец Ш. Шамахмудов и его жена Б. Акрамова усыновили и воспитали 14 детей разных национальностей, тем самым проявив истинную человечность.

Ни один регион Узбекистана не остался в стороне от общенародного движения. Так, в 1942 г. в Термезе на станцию вокзала в ожидании детей пришли женщины, эвакуированные с близлежащих к фронту мест и потерявшие при этом родителей. В поезде были больные дети, измученные холодом. Главный врач городской больницы А. И. Евсеева выступила с такими словами: «Детские слезы – это слезы и страдания, которые испытал ребенок. Мы, матери, не допустим этого! Мы, советские женщины, покажем всему миру, на что мы способны» [23, с. 16]. Жители Шерабадского района усыновили более 50 детей. Две девушки-активистки были откомандированы в Ташкент. Благодаря их содействию дети-сироты были переданы П. Г. Никитиной и К. С. Искандаровой, которые немедленно вернулись в Термез с 13 детьми.

Также желание принять детей выразили фронтовик К. Киселева, врачи Туманова, Журавлева и Менглиева, а также учитель термезской школы Ю. Холмуродов. К началу 1942 г. в Сурхандарьинскую область было доставлено 534 ребенка школьного возраста и 83 ребенка дошкольного возраста. Они были взяты на индивидуальное и коллективное воспитание [23, с. 17].

В годы войны Узбекистан превратился в «общесоюзный госпиталь»: жители республики принимали раненых бойцов Красной армии и заботились о них. Здесь действовали сотни различных медицинских учреждений. В Ташкенте и других крупных городах Узбекистана под эвакуационные госпитали были выделены лучшие здания. Всего в конце 1942 г. функционировало 113 госпиталей. Большую поддержку сотрудникам эвакуационных госпиталей оказывали трудовые коллективы и члены общественных организаций. Например, отличились рабочие Ташкентского текстильного комбината и Ташкентского электролампового завода, служащие Ташкентского государственного драматического театра имени М. Горького, студенты Среднеазиатского государственного университета и ученики различных школ (ребята украшали палаты цветами

и окружали раненых солдат заботой и любовью). Приемом, распределением и транспортировкой раненых в больницы занимались в том числе санитарные дружины, организованные обществами Красного Креста и Красного Полумесяца [24, с. 148]. Самоотверженный труд населения Ташкента является ярким примером духовного мужества, честности и человечности.

Узбекский народ организовывал полноценное питание для лечащихся бойцов. Каждый день из всех частей республики люди отправляли продовольствие. Например, в ноябре 1941 г. из Андижана раненым воинам было отправлено более 5000 бутылок вина, 7000 кг свежих и сушеных фруктов, 2000 кг риса, 1800 кг меда, а также большое количество кукурузы и табака. Крестьяне Бухарской области передали им 18 вагонов продовольствия. Таким образом, благотворительность носила массовый характер.

Следует упомянуть о разрушительном землетрясении, произошедшем в 1966 г. в Узбекистане. Поведение людей в данной ситуации является примером демонстрации душевной доброты. Так, для восстановления Ташкента приехали отряды добровольцев из всех городов СССР. Среди них были строители, архитекторы и другие квалифицированные кадры, часть из которых после завершения работ остались жить в Узбекистане. Белорусские специалисты создали многие здания Ташкента, украсили скульптурами станции метро «Космонавты» и «Алишер Навои», библиотеку Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека, а также Ташкентский университет информационных технологий имени Мухаммада аль-Хорезми. Кроме того, большой вклад в развитие науки Узбекистана внесли белорусские профессора, в частности отец и сын Ихедиевские [25, с. 12].

Для всех народов мира, в том числе для узбеков, 2020 год стал годом испытаний. В условиях распространения коронавирусной инфекции в Узбекистане наблюдались рост сознания граждан, консолидация общества, повышение желания помочь больным и нуждающимся людям, вовлеченность в решение социально-экономических проблем. Люди, ценящие доброту, милосердие, солидарность и бескорыстие, сформировали общенародное движение «Щедрость и помощь». За небольшой период в его фонд поступило 194,625 млрд сумов. В настоящее время на нужды 300 383 семей потрачено более 118,995 млрд сумов, в частности более 48,0 млрд сумов пришлось на продукты питания, медицинские препараты и другие виды продукции.

Заключение

Эмпатия является способностью сопереживать другому человеку, понимать его психическое состояние. Она выступает определяющим аспектом межличностных отношений.

В результате исследования было установлено, что в трудные времена общество сплачивается, активизирует весь свой потенциал и начинает самосовершенствоваться. Действия узбекского народа выступают примером того, как проявление эмпатии приводит к спасению огромного количества человеческих жизней.

Сегодня сопереживать и помогать ближнему необходимо как никогда ранее. Благополучное функционирование общества возможно только при наличии у людей чувств доброты и сострадания. Встает вопрос: «Что важно делать для развития эмпатии у людей?» Например, для достижения этой цели создаются волонтерские организации. В настоящее время данные объединения существуют в более чем 80 странах мира. Так, в декабре 2020 г. в Узбекистане в целях развития гражданских инициатив, поддержки гуманизма и доброты была создана Ассоциация волонтеров Узбекистана. Кроме того, для поддержки волонтерской деятельности в этой стране принят закон, согласно которому необходимо оказывать помощь малообеспеченным, многодетным семьям, бездомным, престарелым, больным, лицам с инвалидностью, а также организовывать спортивные, культурные и иные мероприятия, осуществлять благотворительную деятельность.

Библиографические ссылки

1. Perrotta K, Bohan CH. Can't stop this feeling: tracing the origins of historical empathy during the cold war era, 1950–1980. *Educational Studies*. 2020;56:1–20. DOI: 10.1080/00131946.2020.1837832.

2. Красноборова НП. Мечты и чувства: формирование исторической эмпатии посредством архивных документов. В: Неганов СВ, редактор. *Ноябрьские историко-архивные чтения в Пермском партархиве – 2020. Материалы Международной научно-практической конференции «Изучение истории Великой Отечественной войны: источники, методы исследований и результаты. Итоги научно-исследовательской деятельности к 75-летию Победы»; 5–6 ноября 2020 г.; Пермь, Россия.* Пермь: Пермский государственный архив социально-политической истории; 2021. с. 585–588.

3. Murtazaeva R, Adilov A, Saipova K, Atadjanova S. Formation and development of the principles of tolerance in Central Asia (on the example of Ancient and Early Middle ages). *International Journal of Scientific & Technology Research.* 2020;9(4):4–21.

4. Khaynazarov BB. *The Uighur diaspora in Uzbekistan: history and present paperback.* UK: GlobeEdit; 2023. 200 p.

5. Крачковский ИЮ, переводчик. *Коран: смысловой перевод И. Ю. Крачковского.* Москва: Эксмо; 2025. 736 с.

6. аль-Бухари М, аль-Джами С. *Закирджон Исмаил.* Ташкент: Главная редакция словарей; 1991. 403 с. (на араб.).

7. аль-Фараби АН. *Город добродетельных людей.* Ташкент: Народное наследие; 1993. 224 с. (на узб.).

8. Навои А. *Фонд Махбуба уль-Кулуба Муншаата. Собрание фундаментальных трудов. Том 14.* Ташкент: Наука; 1998. 315 с. (на узб.).
9. аль-Бируни АР. *Реликвии древних народов. Избранные произведения.* Ташкент: Фан; 1957. 243 с. (на узб.).
10. аль-Бируни АР. *О духовности, воспитании и образовании.* Ташкент: Учитель; 1992. 65 с. (на узб.).
11. Рахимов С. *Абу Али ибн Сина об образовании и воспитании.* Ташкент: Учитель; 1967. 105 с. (на узб.).
12. Абдуллаев ДН. *История развития благотворительности и спонсорства в Узбекистане (вторая половина XIX – начало XXI в.)* [диссертация]. Ташкент: Ташкентский государственный педагогический университет; 2019. 159 с. (на узб.).
13. Абдирашидов З. *Аннотированная библиография туркестанских материалов в газете «Таржуман» (1883–1917).* Токио: Центральноевразийские исследования; 2011. 234 с.
14. Косимов Б. *Национальное пробуждение: мужество, просвещение, жертвенность.* Ташкент: Духовность; 2002. 400 с. (на узб.).
15. Тайронов Ё. Общественно-политическая деятельность местных предпринимателей Ташкента в начале XX в. В: Алимова ДА, редактор. *Актуальные проблемы истории Узбекистана: основные направления и подходы. Материалы первой научной конференции молодых ученых республики; 1–2 мая 2009 г.; Ташкент, Узбекистан.* Ташкент: Институт истории Академии наук Республики Узбекистан; 2009. с. 70–81 (на узб.).
16. Добросмыслов АИ. *Ташкент в прошлом и настоящем: исторический очерк.* Ташкент: Электропаровая типо-литография О. А. Порцева; 1912. 520 с.
17. Гейер ИИ. *По русским селениям Сырдарьинской области: письма с дороги. Том 1, Чимкентский уезд.* Ташкент: Типолитография бр. Каменских; 1893. 176 с.
18. Вахабов МГ, редактор. *Коммунистическая партия Узбекистана в годы Великой Отечественной войны: летопись событий. Часть 5, Июнь 1941–1945 гг.* Ким ПГ, Дмитриева СА, Зотова ЛП, Урманова СВ, составители. Ташкент: Узбекистан; 1980. 200 с.
19. Расулов АН. *Толерантность туркестанского народа (на примере детей, эвакуированных из России в начале 1920-х гг.).* Ташкент: Новое издание; 2011. 140 с. (на узб.).
20. Алматинская АВ, Авдеева АМ. *Свет наших очей: очерк о работе с эвакуированными детьми в УзССР в годы Великой Отечественной войны.* Ташкент: Узбекистан; 1971. 133 с.
21. Хайназаров ББ. Медицинская помощь Узбекской ССР эвакуированным народам в годы войны. В: Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». *Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. Материалы III Международной научно-практической конференции; 1–2 октября 2021 г.; Волгоград, Россия.* Волгоград: Сфера; 2021. с. 145–151.
22. Турдиев С. *Забота узбекских рабочих о детях-переселенцах в годы Великой Отечественной войны.* Ташкент: Наука; 1987. 160 с. (на узб.).
23. Муртазаева РХ. *Межнациональные отношения и толерантность в Узбекистане.* Ташкент: Университет; 2019. 223 с. (на узб.).
24. Джораев М, составитель. *Новая история Узбекистана. Книга 2, Узбекистан в советский колониальный период.* Ташкент: Восток; 2000. 688 с. (на узб.).
25. Далимова НМ. Особенности вступления в брак представителей разных поколений, а также совместимость семейных и профессиональных обязанностей у женщин. *Общество, гендер и семья в Центральной Азии.* 2022;1:10–14 (на узб.).

Получена 08.04.2025 / исправлена 17.04.2025 / принята 17.04.2025.
Received 08.04.2025 / revised 17.04.2025 / accepted 17.04.2025.

УДК 94(5)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВОСТОКА ИСТОРИКОМ ХЕТУМОМ КОРИКОССКИМ

Г. Л. КАРАГЕЗЯН[1)]

[1)]*Институт литературы им. М. Абегяна НАН Республики Армения, ул. Григора Лусаворича, 15, 0015, г. Ереван, Армения*

Аннотация. Рассмотрена первая часть произведения государственного и политического деятеля Киликийской Армении, историка Хетума Корикосского «Цветник историй стран Востока», написанного в 1307 г. по распоряжению папы Климента V. Установлено, что в ней описаны 14 восточных стран, подвластных Монгольской империи или граничащих с ней, и населяющие их народы, в частности их конфессиональная принадлежность и способность к боевым действиям. Отмечено, что при подборе историко-географического и культурологического материала Хетум Корикосский руководствовался интересами читателей из Западной Европы, поэтому в его очерке присутствуют черты западноевропейских травелогов, например чередование фактологических данных с занимательными рассказами. Указано, что первая часть труда проникнута идеей автора о необходимости армяно-монгольского единения и освобождения восточного христианского мира от язычников.

Ключевые слова: «Цветник историй стран Востока»; Хетум Корикосский; травелог; авторский замысел; интертекст.

КАНСТРУЯВАННЕ ГЕАПАЛІТЫЧНАЙ ПРАСТОРЫ ЎСХОДУ ГІСТОРЫКАМ ХЕТУМАМ КАРЫКОСКІМ

Г. Л. КАРАГЕЗЯН[1*]

[1*]*Інстытут літаратуры імя М. Абегяна НАН Рэспублікі Арменія, вул. Рыгора Лусаворыча, 15, 0015, г. Ерэван, Арменія*

Анатацыя. Разгледжана першая частка твора дзяржаўнага і палітычнага дзеяча Кілікійскай Арменіі, гісторыка Хетума Карыкоскага «Кветнік гісторый краін Усходу», напісанага ў 1307 г. па распараджэнні папы Клімента V. Устаноўлена, што ў ёй апісаны 14 усходніх краін, якія з'яўляюцца падуладнымі Мангольскай імперыі або мяжуюць з ёй, і іх народы, у прыватнасці іх канфесійная прыналежнасць і здольнасць да баявых дзеянняў. Адзначана, што пры падборы гісторыка-геаграфічнага і культуралагічнага матэрыялу Хетум Карыкоскі кіраваўся інтарэсамі чытачоў з Заходняй Еўропы, таму ў яго нарысе прысутнічаюць рысы заходнееўрапейскіх травелогаў, напрыклад чаргаванне факталагічных звестак з займальнымі апавяданнямі. Указана, што першая частка працы прасякнута ідэяй аўтара аб неабходнасці армяна-мангольскага яднання і вызвалення ўсходняга хрысціянскага свету ад язычнікаў.

Ключавыя словы: «Кветнік гісторый краін Усходу»; Хетум Карыкоскі; травелог; аўтарская задума; інтэртэкст.

Образец цитирования:
Карагезян ГЛ. Конструирование геополитического пространства Востока историком Хетумом Корикосским. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;2:28–33.
EDN: DZDHOT

For citation:
Karagyozyan GL. Constructing the Eastern geopolitical space by historian Hetum of Corycus. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;2:28–33. Russian.
EDN: DZDHOT

Автор:
Гоар Левоновна Карагезян – кандидат филологических наук; старший научный сотрудник отдела зарубежной литературы, литературных связей и теории литературы.

Author:
Gohar L. Karagyozyan, PhD (philology); senior researcher at the department of foreign literature, literary relations and literary theory.
gkaragyozian@gmail.com
https://orcid.org/0009-0005-3038-5735

CONSTRUCTING THE EASTERN GEOPOLITICAL SPACE BY HISTORIAN HETUM OF CORYCUS

G. L. KARAGYOZYAN[a]

[a]*Institute of Literature after M. Abeghyan, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, 15 Grigor Lusavoritch Street, Yerevan 0015, Armenia*

Abstract. The first part of the work of the state and political figure of Cilician Armenia, historian Hetum of Corycus «La flor des estoires de la terre d'Orient», written in 1307 by order of Pope Clement V, is considered. It is established that it describes 14 eastern countries, subject to the Mongol Empire or bordering it, and the peoples inhabiting them, in particular their confessional affiliation and ability to fight. It is noted that when selecting historical-geographical and cultural material, Hetum of Corycus was guided by the interests of Western European readers, so his sketch has features of Western European travelogues, such as alternation of factual data with entertaining stories. It is indicated that the first part of the work is imbued with the author's idea of the necessity of Armenian-Mongol unity and liberation of the Eastern Christian world from the heathen.

Keywords: «La flor des estoires de la terre d'Orient»; Hetum of Corycus; travelogue; author's intention; intertext.

Введение

Чтобы понять действия монголов, флорентийский историк Джованни Виллани предлагает обратиться к «книге монаха Айтона, государя Колха Армянского» [1, с. 124]. Монах Айтон – это Хетум Корикосский, выходец из армянского царского рода (кузен царя Киликийской Армении Хетума I), правитель Корикоса, известный армянский государственный и политический деятель, историк, один из образованнейших людей эпохи. Он является автором книги «Цветник историй стран Востока» («La flor des estoires de la terre d'Orient»), которая была написана в августе 1307 г. в Пуатье по распоряжению папы Климента V [2, p. 113] и пользовалась большим успехом в Средневековье. Данное произведение было записано Николой Фальконом по-французски, а затем переведено им на латинский язык. В 1351 г. монах-бенедиктинец Жан де Лонг из Ипра (в последующем аббат монастыря Сен-Бертен, расположенного в Сен-Омере), не зная о существовании французского оригинала, перевел книгу с латинского языка на французский. Впоследствии труд Хетума Корикосского многократно переиздавался и был переведен на различные европейские языки. Он вошел в популярные сборники, например в итальянский сборник Дж. Б. Рамузио «О плаваниях и путешествиях» и французский сборник Г. Бержерона «Записки путешествий к татарам». На это произведение опирались многие европейские авторы: Джованни Виллани, Детмар Любекский, Марино Сануто, Занфлит, Себастиан Мюнстер, Франческо Тьеполо, Клемент Галлан, Джон Мандевиль и др.

Сочинение «Цветник историй стран Востока» считается достоянием как армянской, так и французской истории. Труд базируется на восточной историко-географической и западноевропейской историко-литературной традициях. Его создатель «принадлежит к культурному миру, который сегодня называется космополитическим»[1] [3, p. 249]. Следует отметить, что в сборнике «История литературы Франции» Хетум Корикосский фигурирует как французский национальный писатель, который занял «заметное место в литературе XIV в.» [4, p. 480]. Таким образом, историк получил признание прежде всего во Франции, а не у себя на родине. Только через пять столетий, в 1842 г., М. Авгерян открыл армянам Хетума Корикосского, сделав перевод его книги на армянский язык[2].

В предисловии к книге «Цветник историй стран Востока» Хетум Корикосский, помимо справки о себе, обстоятельствах и месте создания труда, описал принципы отбора материала, особенности построения сюжета, структуру произведения. Так, данное сочинение имеет строго организованную композицию, состоящую из четырех взаимосвязанных частей. В первой части «рассказывается о странах Азии (включая Армению. – *Г. К.*), составляющих треть Земли, об их числе и протяженности, а также о народах, которые их населяют» [2, p. 121]. Вторая часть посвящена правителям восточных государств: описывается, «к какому народу они принадлежали, как пришли к власти, сколько длилось правление каждого из них согласно историям различных народов

[1]Здесь и далее перевод наш. – *Г. К.*

[2]Переведенный М. Авгеряном с латинского языка текст «Хетум – историк татар» является неполным: последние главы четвертой части отсутствуют. Кроме того, он значительно отличается от оригинала, часто сохранен лишь смысл предложений. В 1938 г. армянский общественный деятель, переводчик А. Чобанян указал на необходимость перевода старофранцузского варианта текста на современный армянский язык.

Востока» [2, p. 136]. Кроме того, читатели могут познакомиться с историей стран восточного христианского мира, которые поработили персы, арабы и турки, являвшиеся угрозой для Европы. В третьей части повествуется об истории и национальных особенностях монголов, покоривших многие восточные страны, а также на примере армяно-монгольских отношений обосновывается возможность союза этих народов, христианизации монголов и привлечения их к борьбе с «неверными» – язычниками. Четвертая часть представляет собой план организации крестового похода армян и народов Западной Европы в союзе с монголами для освобождения Святой земли и восточного христианского мира от «неверных».

Таким образом, благодаря масштабности кругозора и отсутствию партикуляризма Хетум Корикосский систематизированно описал в своей книге историю не только родины – Киликийской Армении, но и соседних стран – государств Латинского Востока и Монгольской империи. Все части труда «Цветник историй стран Востока» подчинены идее освобождения стран восточного христианского мира от «неверных».

Результаты и их обсуждение

В настоящей статье рассматривается первая часть произведения «Цветник историй стран Востока». Хетум Корикосский описал 14 восточных государств, которые являются подвластными монголам или граничат с землями, завоеванными ими. К таким государствам относятся Катай, Тарс[3], Туркестан, Хорезм, Кумания (Комания), Индия, Персия, Мидия, Армения, Грузия, Халдея, Месопотамия, Турция и Сирия. Данная часть делится на соответствующие главы. Следует отметить, что обычно в армянской географической литературе значительное место занимает описание Армении. Например, в историко-географическом памятнике V–VII вв. «Ашхарацуйц» («Древнеармянская география»), авторство которого приписывают Ананию Ширакаци, акцент делается на рассмотрении исторической географии Армении и стран Кавказского региона, хотя сведения о других странах Азии, государствах Европы и Либии (Африки) также присутствуют. Однако Хетум Корикосский заострил внимание именно на Монгольской империи и подвластных ей странах, поскольку учел всевозрастающий интерес Западной Европы к этому государству. Армения и страны Кавказского региона выступают лишь частью описанного им политического и географического ландшафта.

Если рассматривать текст первой части как не имеющее продолжения автономное произведение, то он является грамотно составленным путевым очерком, историко-географическим обзором. При написании Хетум Корикосский использовал широкий круг источников, которые самостоятельно подобрал и обобщил. Он скомбинировал сведения историко-географического, этнографического, конфессионального, культурологического и лингвистического характера, продумав их взаимосвязь для достижения исследовательской цели – ознакомления читателей со странами Востока.

Трудно установить, был ли автор во всех описанных им государствах. Однако можно предположить, что Хетум Корикосский, будучи профессиональным политиком, воином, дипломатом, а также родственником царя Хетума I и военачальника Смбата Спарапета (Гундстабля), мог сопровождать последних во время поездок по Востоку или быть посланным к монголам по определенным государственным делам (близость к царскому двору позволяла иметь неограниченный доступ к любым сведениям).

При подборе материала Хетум Корикосский руководствовался в первую очередь интересами западноевропейских читателей, поэтому представлял информацию таким образом, чтобы она соответствовала их ожиданиям. Следует отметить, что население Западной Европы было обеспокоено вопросом расширения католического влияния и христианизации монголов. По этой причине автор приводил данные о вероисповедании народов, населявших Монгольскую империю, и рассуждал о вероятности их обращения в христианскую веру. Так, согласно сведениям историка в Тарсе «…проживают уйгуры, которые всегда были идолопоклонниками и остались ими по сей день; только потомки трех царей по указанию звезд почитали Иисуса Христа. Из рода этих царей среди татар имеются влиятельные сеньоры, непоколебимые в своей вере в Иисуса Христа» [2, p. 122]. Народ, населяющий Туркестан, составляют «нечестивцы и приверженцы ложного учения Мухаммеда» [2, p. 123]. Хорезм является «…страной язычников, хотя на этих землях встречаются люди, исповедующие христианство, – soidains (по предположению Ш. Кёлера, имеются в виду несториане, подчинявшиеся епископству г. Султание. – *Г. К.*). Вера их на манер греческой, подчиняются они патриарху Антиохии» [2, p. 123–124]. В Индии «святой апостол Фома обратил в христианскую веру много областей… однако сейчас лишь один город населен христианами, в остальных проживают идолопоклонники» [2, p. 125]. Что касается народов Персии, то «…в старину все были идолопоклонниками и поклонялись огню. После того как нечестивое племя Мухаммеда пришло в эти края, оно сделало всех

[3]Согласно комментариям критического издателя сочинения «Цветник историй стран Востока» Ш. Кёлера под царством Тарс (Teras, Telas) подразумевается страна, расположенная к северу от области Фергана и к востоку от Трансоксианы [2, p. 122].

сарацинами и приверженцами ложной веры Мухаммеда» [2, p. 126–127]. В Мидии население делится на «сарацин и курдов», в Халдее – на «несториан и почитающих Мухаммеда», в Месопотамии – на «христиан, сирийцев и армян, остальные – сарацины» [2, p. 131]. Турцию населяли «греки, армяне, якобиты и турки» [2, p. 133], Сирию – «греки, армяне, якобиты, несториане, а также сирийцы и мароните, исповедовавшие христианство» [2, p. 134].

Поскольку четвертая часть книги «Цветник историй стран Востока» посвящена детальной разработке плана организации крестового похода армян и народов Западной Европы в союзе с монголами, то Хетума Корикосского, как и представителей Западной Европы, интересовали следующие вопросы: «Насколько народы, принимающие участие в военных операциях монголов, склонны к военному делу?»; «Каковы их боевые способности?». В связи с этим он выделил ключевые аспекты военного дела каждого народа. Так, народ Катая «силен не столько умением вести бой, сколько своими изобретениями: он имеет различные виды оружия» [2, p. 121]. Люди, населяющие Тарс, безразличны к военному делу [2, p. 123]. Жители Мидийского царства являются отличными лучниками [2, p. 127]. Население Месопотамии (армяне, сирийцы, сарацины) «не приучено к военному делу» [2, p. 131], «проживающие же в местности Меридин люди – отличные лучники» [2, p. 132]. Народ Турции «ловко ведет бой и на коне, и без коня» [2, p. 133]. Персы в отношении военной службы нейтральны. В Сирии встречаются «доблестные воины среди маронитов» [2, p. 134]. Что касается жителей Армении, то они храбрые воины как с конями, так и без них [2, p. 128].

Следует отметить, что при написании первой части произведения Хетум Корикосский опирался на положения, во многом схожие с представлениями Константина VII Багрянородного о принципах управления народами. Они изложены в трактате императора «Об управлении империей»: «Учти, для тебя я пишу поучение, чтобы в нем соединились опыт и знание для выбора лучших решений и чтобы ты не погрешил против общего блага. Сначала – о том, какой иноплеменный народ и в чем может быть полезен ромеям, а в чем вреден… каким образом каждый из них и с каким иноплеменным народом может успешно воевать и может быть подчинен. Затем – о хищном и ненасытном их нраве и [о том,] что они в своем безумии домогаются получить, потом – также и о различиях меж иными народами, об [их] происхождении, обычаях и образе жизни, о расположении и климате населенной ими земли, о внешнем виде ее и протяженности, а к сему – и о том, что случалось когда-либо меж ромеями и разными иноплеменниками» [5, с. 269].

Труд «Цветник историй стран Востока» – это не только результат «опыта и знания», но и демонстрация умения автора подчинить материал ожиданиям западноевропейских читателей, изложить его сообразно этикетным требованиям западноевропейских путешествий по восточным землям. Очевиден факт ознакомления Хетума Корикосского с сочинениями западноевропейских авторов, в частности с их путевыми записками. Они повлияли на форму изложения и характер информации во всей книге в целом и в ее первой части в частности.

Исследователи зафиксировали текстуальные совпадения фрагментов произведения «Цветник историй стран Востока» с частями сочинений западноевропейских авторов. Так, имеющая широкое бытование в литературе Средневековья история о Хулагу-хане, приказавшем подать багдадскому халифу вместо еды накопленные им богатства, фигурирует как в книге Хетума Корикосского, так и в трудах Джованни Виллани, Марино Сануто, Занфлита, Марко Поло, Джона Мандевиля, Жана де Жуанвиля, Гийома де Нанжи, Георгия Пахимера. Этот мотив восходит к рассказу Геродота о царе Мидасе, которому Дионис обещал исполнить любое желание в обмен на освобождение Силена. Мидас захотел, чтобы все, к чему он притрагивался, превращалось в золото. Однако пища также становилась золотом, что грозило Мидасу голодной смертью. По этой причине он обратился к Дионису за спасением[4].

Хетум Корикосский изложил упомянутую выше историю следующим образом: «После того как Хулагу собрал свое войско… и завоевал Багдад, он приказал привести к нему халифа, а также [принести] все его сокровища. И сказал он халифу: “Признаешь ли ты, что эти сокровища твои?” Халиф ответил: “Да”. Хулагу сказал ему: “Тогда почему ты не создал большую армию и не защитил землю от нашего завоевания?” Халиф ответил, что он думал, что старые женщины смогут защитить страну. Тогда Хулагу сказал: “Поскольку ты учитель и повелитель веры Мухаммеда, мы заставим тебя объедаться этими сокровищами…” И приказал Хулагу, чтобы поставили перед ним все его сокровища и чтобы он их съел… Таким образам кончил свою жизнь скверный халиф, и никогда с тех пор не было халифов в Багдаде» [2, p. 169]. К его рассказу максимально приближен фрагмент книги инока Магакии «Истории народа стрелков»: «Гулаву приказал подать блюдо, наполненное червонцами, и, поставив перед халифом, сказал ему: “Бери, ешь золото, чтоб утолить свой голод и жажду и насыться им”» [6, с. 28–29].

Рассказ Хетума Корикосского о последнем халифе Багдада отличается от рассказов названных выше авторов тем, что историк обвинил халифа не только в его алчности, но и в его приверженности к учению Мухаммеда, тем самым подчеркнув дихотомичность мира. В создавшейся ситуации монголы не вписывались в оппозицию «христианин – нехристь».

[4]Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. Т. 1. А – К / ред.: М. Н. Ботвинник [и др.]. М. : Сов. энцикл., 1982. С. 149–150.

Идолопоклонники являлись маргинальным религиозным образованием, находившимся между христианством и исламом. Таким образом, историк причисляет монголов к «своим», поскольку рассматривает их в качестве потенциальных союзников в борьбе с сарацинами, а также как возможных почитателей Иисуса Христа. Этническая и религиозная характеристика становится осознанной политической характеристикой. Багдадский халиф, в отличие от монгола Хулагу, включен в оппозиции «они – нечестивцы», «они – сребролюбцы», «они – враги Христа».

При сравнении произведений «Цветник историй стран Востока» и «Книга Марко Поло» были обнаружены следующие общие моменты: наличие истории об основании Хубилай-ханом г. Джонга [2, p. 160; 7, с. 108], присутствие рассказа о Железных Воротах [2, p. 128; 7, с. 87] и упоминание о бумажных деньгах [2, p. 121–122; 7, с. 119]. Привлекает внимание тождественность некоторых фрагментов сочинения Хетума Корикосского и рассказов Плано Карпини о монголах, а именно отрывков об особенностях нравов татар [2, p. 217; 8, с. 33–36], структуре войск [2, p. 123; 7, с. 90], тактиках боя [2, p. 217; 8, с. 49] и т. д.

Историк включил в свой труд сюжет о горе Арарат, характерный для западноевропейского жанра путешествия, и связанные с этой горой легенды [2, p. 128]. Следуя западноевропейским образцам, Хетум Корикосский иногда вносил коррективы в существующие сюжеты и создавал оригинальную версию рассказа, обогащая тем самым литературу Западной Европы. Французский историк и литературовед П. Парис отметил ценность освещенного автором материала: «Анализ книги Хетума Корикосского в сочетании с анализом книги венецианца (Марко Поло. – *Г. К.*) позволяет устранить некоторые досадные неясности» [4, p. 479]. Так, Марко Поло описал расположенную к северу от царства Кончи «страну тьмы», в которой «всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд» [7, с. 226]. В соответствии с литературным этикетом Западной Европы Хетум Корикосский также ввел в книгу рассказ о «стране тьмы», которая располагается в Грузии, в области Амшен: «Я был там и видел это. В Грузии имеется область, которую можно обойти за три дня и которую называют “Амшен”. На всем протяжении области такая тьма, что ни один человек не в состоянии ничего узреть и ни один человек не смеет пойти на те земли, ибо не сможет вернуться обратно. Жители этих земель рассказывают, что оттуда иногда доносятся человеческие голоса, петушиный крик и ржание лошадей. Река, протекающая по этой местности, являет признаки того, что где-то там обитают люди» [2, p. 129–130].

Хетум Корикосский в форме агиографической легенды представил события армянской истории, относящиеся к концу VIII в., а именно переселение армян в Грецию во главе с принцем Шапухом Аматуни и его сыном Амамом, а также образование армянского княжества Амшен на юго-восточном побережье Черного моря. Упоминание об этих исторических фактах можно найти в произведении [9] армянского историка Вардапета Гевонда. По его свидетельству, Шапух и Амам Аматуни, потеряв в сражении с арабами владения в Артазе, вместе с 12 тыс. армян переселились на земли, подчиненные Византийской империи. При сопоставлении данных рассказов обнаруживается общая сюжетная линия: преследование христиан иноверцем (персом у Хетума Корикосского, арабом у Вардапета Гевонда) – бегство христиан в Грецию через Амшен – обезвреживание врага (благодаря божественному вмешательству у Хетума Корикосского, в результате боевых действий у Вардапета Гевонда) – удачный исход [10, с. 195].

Несмотря на множество совпадений, выявленных при сравнении книги Хетума Корикосского и записок западноевропейских путешественников, вопрос об использовании историком их свидетельств остается спорным. Против данной теории выступил Ш. Кёлер. Он пришел к заключению, что Хетум Корикосский, как и его предшественники, «лишь рассказывает… забавные истории, бытовавшие на Востоке, и указывает на некоторые достопримечательности азиатского мира, способные произвести впечатление на европейцев» [2, p. 149]. Следует отметить, что тематическая и композиционная общность рассмотренных выше фрагментов может быть обусловлена жанром историко-географического обзора. Кроме того, на их схожесть повлиял тот факт, что труды западноевропейских авторов служили для армянского историка литературными образцами, своеобразными шаблонами, с помощью которых он выстраивал повествовательную структуру первой части своей книги.

Труд Хетума Корикосского «Цветник историй стран Востока», адресованный западноевропейским читателям, был удостоен высокой оценки со стороны исследователей, которые отметили превосходство его историко-географического обзора над работами о Востоке, выполненными современниками историка. Востоковед С. М. Мирный назвал данную книгу «непревзойденным географическим описанием стран Востока» [11, с. 82], а востоковед и географ Г. Юль – «лучшим географическим обобщением об Азии» [12, p. 131].

Заключение

Первая часть труда Хетума Корикосского «Цветник историй стран Востока» представляет собой краткий, но информативный очерк, стилизованный под травелог. Она построена по образцу хождений западноевропейских путешественников по восточным землям. С точки зрения жанра данная часть

сочетает черты итинерария и путевых записок. Во время работы историк следовал признанному в Западной Европе литературному этикету и ориентировался на интеллектуальные вкусы западноевропейских читателей.

Хетум Корикосский представил ценный историко-географический и этнографический материал о странах Востока, подвластных Монгольской империи или граничащих с ней, и населяющих их народах, заостряя внимание на их конфессиональной принадлежности и способности к боевым действиям. Подобная подача пространственного континуума, а именно представление взаимосвязанных геокультурных образов данных стран, вполне оправданна, поскольку она дает возможность разработать определенные стратегии, которые в последующем (в четвертой части произведения) легли в основу плана организации крестового похода армян и народов Западной Европы в союзе с монголами по освобождению Святой земли и восточного христианского мира от «неверных».

Несмотря на ряд текстуальных совпадений, сочинение историка отличается от записок западноевропейских путешественников лаконизмом, научностью, энциклопедичностью охвата историко-географических и культурологических сведений и т. д. В то же время фактологические данные перемежаются с занимательными рассказами, имевшими широкое распространение в западноевропейской литературе о путешествиях (например, с рассказами о последнем халифе Багдада, «стране тьмы», горе Арарат). Хетум Корикосский переработал некоторые из этих сюжетов в соответствии с культурными традициями и ценностями своего этноса, предложив тем самым оригинальные версии рассказов. Как правило, эти сюжеты, призванные оживить повествование, были вставлены не нарочито. С их помощью автор реализовал свой замысел – идею двухполярного мира и необходимости христианско-монгольского союза. В этом отношении концепция Хетума Корикосского перекликается с концепцией противостояния стран французского историка XV в. Филиппа де Коммина: «Вообще говоря, мне кажется, что Господь не сотворил в этом мире ни одного человека, ни одного животного, которым не дал бы какую-либо противоположность. <…> Ибо французскому королевству он дал в противники англичан, англичанам дал шотландцев, испанскому королевству – Португалию» [13, с. 206]. Если бы этот ряд антиномий предложили продолжить Хетуму Корикосскому, то наверняка он в противовес христианам поставил бы мусульман.

Библиографические ссылки

1. Виллани Дж. *Новая хроника, или История Флоренции*. Рутенбург ВИ, редактор; Юсим МА, переводчик. Москва: Наука; 1997. Книга пятая; с. 108–132.

2. Hayton. La flor des estoires de la terre d'Orient. En: Kohler Ch. *Recueil des historiens des Croisades: documents arméniens. Tome 2, Documents latins et francais relatifs a l'arménie*. Paris: Imprimerie nationale; 1906. p. 113–253.

3. Soulier G. Le moine arménien Hethoum et les apports d'Extrême-Orient à la fin du XIIIe siècle et au début du XIVe. *Revue des Etudes Arméniennes*. 1928;9(1):239–249.

4. Paris P. *Histoire littéraire de la France. Tome 25, Quatorzieme siecle*. Paris: Firmin Didot; 1869. Hayton, prince d'Arménie, historien; p. 479–507.

5. Багрянородный К. *Об управлении империей*. Литаврин ГГ, Новосельцев АП, редакторы. 1-е издание. Москва: Наука; 1989. 496 с.

6. Магакия А. *История монголов инока Магакии XIII века*. Патканов КП, переводчик. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук; 1871. 124 с.

7. Поло М. *Книга Марко Поло*. Магидович ИП, Кумкес СН, редакторы; Минаев ИП, переводчик. Москва: Государственное издательство географической литературы; 1956. 376 с.

8. Карпини П, Рубрук Г. *Путешествия в восточные страны*. Шастина НП, Богоявленский ГП, редакторы. Москва: Государственное издательство географической литературы; 1957. 272 с.

9. Гевонд В. *История халифов Вардапета Гевонда, писателя VIII века*. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук; 1862. 116 с.

10. Термези Ходжа Самандар. *Дастур ал-мулук*. Москва: Наука; 1971. 616 с.

11. Мирный СМ. «La flor des estoires de la terre d'Orient» Гайтона как историко-географический источник по Востоку и по истории монголов. *Советское востоковедение*. 1956;5:72–82.

12. Yule H, editor and translator. *Cathay and the way thither. Volume 2*. London: Hakluyt Society; 1866. 600 p.

13. де Коммин Ф. *Мемуары*. Бессмертный ЮЛ, редактор; Малинин ЮП, переводчик. Москва: Наука; 1986. 499 с.

Получена 28.12.2024 / исправлена 03.04.2025 / принята 03.04.2025.
Received 28.12.2024 / revised 03.04.2025 / accepted 03.04.2025.

УДК 94

ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

Л. А. АЛИЕВА[1)]

[1)]*Бакинский государственный университет, ул. З. Халилова, 23, AZ1148, г. Баку, Азербайджан*

Аннотация. Изучается религиозная трансформация в период раннего Средневековья на Восточном Кавказе, в основном на территории современной Республики Азербайджан, путем детального анализа исторических хроник и других письменных источников. Тщательно интерпретируются и комбинируются работы мусульманских историков и географов, а также армянские и грузинские хроники. При помощи комплексного подхода к исследованию раскрывается постепенная религиозная трансформация в регионе.

Ключевые слова: Азербайджан; Восточный Кавказ; христианство; зороастризм; иудаизм; ислам; арабское завоевание; религиозная трансформация.

ВЫВУЧЭННЕ РЭЛІГІЙНАЙ ТРАНСФАРМАЦЫІ Ў РАННІМ СЯРЭДНЕВЯКОЎІ НА ЎСХОДНІМ КАЎКАЗЕ

Л. А. АЛІЕВА[1*]

[1*]*Бакінскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. З. Халілава, 23, AZ1148, г. Баку, Азербайджан*

Анатацыя. Вывучаецца рэлігійная трансфармацыя ў перыяд ранняга Сярэдневякоўя на Усходнім Каўказе, у асноўным на тэрыторыі сучаснай Рэспублікі Азербайджан, шляхам дасканалага аналізу гістарычных хронік і іншых пісьмовых крыніц. Уважліва інтэрпрэтуюцца і камбінуюцца працы мусульманскіх гісторыкаў і геаграфаў, а таксама армянскія і грузінскія хронікі. З дапамогай комплекснага падыходу да даследавання раскрываецца паступовая рэлігійная трансфармацыя ў рэгіёне.

Ключавыя словы: Азербайджан; Усходні Каўказ; хрысціянства; зараастрызм; іўдаізм; іслам; арабскае заваяванне; рэлігійная трансфармацыя.

Образец цитирования:
Алиева ЛА. Изучение религиозной трансформации в раннем Средневековье на Восточном Кавказе. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2025;2:34–39 (на англ.).
EDN: HUZCDJ

For citation:
Aliyeva LA. Tracking the religious transformation in the early Medieval Eastern Caucasus. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2025;2:34–39.
EDN: HUZCDJ

Автор:
Лала Агамирзоевна Алиева – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Азербайджана исторического факультета.

Author:
Lala A. Aliyeva, PhD (history), associate professor at the department of the history of Azerbaijan, faculty of history.
lalaaliyeva@bsu.edu.az
https://orcid.org/0000-0002-4831-6915

TRACKING THE RELIGIOUS TRANSFORMATION IN THE EARLY MEDIEVAL EASTERN CAUCASUS

L. A. ALIYEVA[a]

[a]*Baku State University, 23 Z. Khalilov Street, Baku AZ1148, Azerbaijan*

Abstract. The author of the article studies the religious transformation in the early Medieval Eastern Caucasus, mostly in the territories of contemporary Republic of Azerbaijan, by the thorough analysis of the historical chronicles and other written sources. Muslim historians and geographers works, Armenian and Georgian chronicles are interpretated and combined. The article embarks upon a comprehensive research, unraveling gradual religious transformation in the region.

Keywords: Azerbaijan; Eastern Caucasus; Christianity; Zoroastrianism; Judaism; Islam; Arab conquest; religious transformation.

Introduction

In the Medieval era, when the political salience of religion had a considerable impact on any society, regardless of whether it was a European or Middle Eastern, conversion from one to another religion had a crucial effect on the identity and cultural transformation. The history of humanity witnessed numerous instances of religion being used as a tool for conquest and domination, leading to mass conversions by force and invasion. The expansion of the Arab caliphate in the 7th and 8th centuries was accompanied by the forced conversion of many countries in the Middle East, North Africa, and parts of Europe. Azerbaijan is one of those countries where Islamisation began as a result of the Arab conquest.

Aiming to study the transition from one religion to another in the case of early medieval Azerbaijan, this research attempts to contribute to a better understanding of the process by which Islam was able to become a major religion in many countries in the Middle East. For this purpose, it is necessary to examine the written sources of the time in combination with the archeological findings that testify the conversion process. Based on the goal, the study seeks to scrutinise factual material from various historical written sources, applying method of comparative historical analysis. Moreover, combination of written sources and archaeological evidence helps to track a more complete picture of religious transformation in early medieval Azerbaijan. For example, al-Baladhuri suggests a dominance of Islam during the reign of Ali ibn Abi Talib and states that when his appointee governor ibn al-Ash'ath arrived Azerbaijan, he found that most of its residences had converted to Islam and were reading the Quran [1, p. 460; 2, p. 332]. However archaeological data reveal the coexistence of multiple religious traditions in the region [3; 4].

It should be underlined that the research bases on the archaeological data, related largely to the territory of the modern Azerbaijan Republic (the historical Azerbaijan includes the northern regions of modern Iran) and the southern part of the Republic of Dagestan (Russian Federation). Due to this, the data from the written sources of the period under study also mostly relate to these territories, mainly to Arran and historical Shirvan and Shaki.

To identify the political, social and cultural aspects of religious transformation, medieval Arabic, Persian, Armenian, Georgian and other sources are of great importance. Undoubtedly, one of the most important sources for the tracking of the religious picture of the region, in particular Christianity, is the Caucasian Albanian palimpsest of Mount Sinai [5], which proves existence of the Bible in one of the languages of the local Albanian population. Also «The History of the Caucasian Albanians» by Movses Kaghankatvatsi[1] provides enormous information about the events of the region until the 10th century. C. J. Dowsett's English translation has been used in the paper [6].

In order to deeply understand the reasons of religious transformations and dynamics in the early medieval Eastern Caucasus, as well as shed light on the motives and factors that prompted people to change their faith, it is also important to consider the socio-cultural context of that time, which could influence people's decision to change their religion. This case requires considering the reports of medieval historical texts through the prism of sociology and cultural anthropology. In respect to this statement of problem, the methodological framework of the study is determined.

Studying the difference between people who changed religion due to a genuine shift in beliefs and those who switch religions for other reasons, R. M. Carrothers terms the first group as conversion and the second one as alternation. The latter group represents the people who fulfill all the requirements to join a new religion, but does so primarily for external benefits, like gaining social status. In contrast, the conversion group is motivated by a personal change in beliefs. The convert seeks a religious community that aligns with their newfound faith and values. Simply, alternation means a change

[1]We can speak about Kingdom or Principality of Shakin, as al-Masudi calls it «Mamalakat».

in religion for practical reasons, while conversion is a change driven by a personal transformation in belief [7, p. 151]. The results of this study provide the basis for our research efforts to understand the social and cultural aspects of religious conversion.

In modern historiography, studying the reasons for the conversion to Islam by the local population of conquered countries, in some works there is an opinion that in order to avoid the payment of the jizya poll tax, non-Muslims were forced by the economic reasons to adopt a new religion. And other authors completely reject this idea and consider it as unthinkable [8, p. 134]. The study shows Mawali, despite the adoption of Islam, were not exempt from the jizya tax for a long time. Of course, some people may have their own interests, mainly economical, for conversion to Islam, but it could not be simply for a tax exemption or other economical benefits. First of all, the local elites could quickly accept the new rules and new religion of the conqueror in order to preserve their property and social status in the new conditions. In addition, the adoption of Islam could have been facilitated by a simple desire to survive, since it is known that by the middle of the 9th century, many local nobles were taken to Samarra and executed.

Modern historiography also indicates the fact of the gradual adoption of Islam by many non-Arab countries. E. A. Belyaev writes that in the 9th century the overwhelming majority of the population in Egypt were local Christians (Copts), and Muslims began to dominate no earlier than the 13th century [9]. Scrutinising the Islamic conversion in Zoroastrian Iran, T. Daryaee came to the conclusion that the period between the 8th and 10th centuries is the age of conversion in Iran [10, p. 103]. In the case of Azerbaijan nearly the same period can be considered as a period of religious transformation. Although Christian communities continued to exist in later periods, the dominant position of Islam in the country had already become a fact by the end of the early Middle Ages.

Religious processes in the early Islamic Eastern Caucasus

Islam in Azerbaijan could not occupy a dominant position in the first stage of its spread for many reasons, if only because the very concept of religion does not allow forcible introduction. Although this postulate soon turned into a farce, the first treaties, signed between the Arabs and the local population, prove that the main concept of Islam was respected at first. To this we also need to add the fact that Islam treated Ahl al-Kitab, Christians and Jews that have the holy book, with a special position. And all these moments could be considered as the reasons for the gradual spread of Islam in the first stage.

The text of the peace treaty with the Dabil dwellers and the Arab commander Habib ibn Maslama states that its Christian (Nasara), Zoroastrian (Majus) and Jews (Yahud) population will be in safety, as well as their temples for worship and city walls, if they pay the jizya and the kharaj [1, p. 282; 2, p. 212]. In short, after conquering a country, the Arabs demanded obedience and payment of a special tax, without requiring them to adopt a new religion. Considering that similar agreements were signed with the residents of other cities, the picture becomes clear. In addition, this quote from al-Baladhuri clearly shows a presence of different religions in the region on the eve and during the period of the Arab invasions, as he mentions adherents of three religions. So, it evidences quite diverse religious picture and most likely preserved for reasonably a long time.

As we see from the reports of al-Masoudi, a mid-10th century author, to the north of the country in the Shaki region, the majority of the population were Christians. He states that after the Kingdom of the Sanariye, comes the Kingdom of Shakin[2], which residence are Christians, and among them are a group of Muslims, included merchants and others, and their king at that time, as mentioned in our book, is named Azer ibn Nabih ibn Muhajir [11, p. 156]. Al-Masoudi's report confirms the conclusions of modern historiography that urban merchants and artisans were the first to accept Islam. Taking into account that medieval cities were mainly centres of trade and crafts, then this information confirms that the urban population adopted Islam earlier than the population of villages, especially mountainous ones. As al-Masoudi particularly emphasises the Muslim merchants among the Christian population, this suggests that merchants, local and foreign, could convert to Islam to move freely and safely throughout the territories of the Abbasid Caliphate, the vast areas with the political dominance of Islam.

According to the works of Arab authors, it is clear that by the beginning of the 10th century in the north of the country Islam was not yet the dominant religion. However, at the same time, part of the population, as indicated previously, mostly city dwellers, were already followers of the new religion. Ibn Rustah in his book «Kitab al-Alaq al-Nafisa» describing Sarir, a Christian state in the Northern Caucasus, gives an account of a neighbouring country and its local ruler, Adarnerse (Azernerse). The author reports a situation when the ruler hesitates to change his religion from one to another. Ibn Rustah writes: «He adheres to three religions: he prays with the Muslims on Friday, then he prays with the Jews on Saturday, and prays on Sunday with the Christians»[3] [12, p. 147–148]. And it should be noted that he explains this by the desire to contemplate all religions. Moreover, this description shows what religions «competed» in the region in the early Islamic period. Compellingly, the name of the ruler derives from the Zoroastrian root «-atr-/-adr-» ('sacred fire'). Most likely, the

[2]Hereinafter translated by us. – *L. A.*
[3]He is called Siwnik in C. J. Dowsett's edition.

name of Shaki ruler, Azer ibn Nabih, also comes from the same Zoroastrian root, although the name Adrnerse is written with ذ [ðaːl] and Azer with ز [zaːj].

Along with the north of the country, the same picture can be observed in the western and central regions, where by the mid of the 9th century Christianity still had a strong position. The local Christian nobles are mentioned by al-Baladhuri in his work «Futuh Al-Buldan» in connection with the Khurramite movement led by Babak. Bugha al-Kabir carried out the Christian nobles of Arran, who were rebelling and resisting, to Samarra, where they were executed in the mid of the 9th century [1, p. 297; 2, p. 220].

It is necessary to pay attention to the fact that the Arab conquest had a strong influence on Barda. In 552, due to the Khazar raids [6, p. 70], the patriarchal throne of Albania was transferred from Chola to the city of Partav (Barda in Arabic sources), hence the city became the centre of Christianity in Caucasian Albania. After the Arab conquest, the city lost this status, which was passed to Ganja. Describing the Arab conquest Movses of Kaghankatvatsi wrote: «Great privations occurred in Albania for the Tajiks [Arabs] wrested the capital Partav from the Albanian princes» [6, p. 213].

Transfer of the centre of Christianity from Barda to Ganja demonstrates the religious transformation of the region: in the east the position of Islam was strengthening and enlarging, and in the west Christianity still persisted until approximately the 9th–10th centuries. Lord Esayi, lord Sahl-i Smbatean Eranshahik, lord Vasak[4] and other Christian princes and nobles are mentioned in connection with the events of the 9th century by the author of «History of Albanians» [6, p. 214]. The tragic end of the Christian aristocracy of Albania is known to us from the account of al-Baladhuri.

This period is not only characterised by religious diversity, but also linguistic diversity. Ibn Hawqual writes that more than seventy languages are spoken here [13, p.159]. Among the ethno-linguistic diversity in the region, it must be noted out that there was a strong Turkic pattern in this mass, and as ibn Hisham points out, they owned Azerbaijan during the reign of Umayyad Caliph Muawiyah I [14, p. 199]. There is no doubt that this obviously speaks of the Khazar possession of the country.

The reports of Muslim sources create a picture that in the initial stage, Islam was accepted by local elites of society, merchants, wealthy city dwellers, most likely for the purpose of preservation their status and property, and local rulers their power, and all of them, simply, for the physical survival. It is obvious that the long lasting political dominance and rule of Muslim dynasties is one of the reasons for the further Islamisation of the region. That part of the aristocracy that escaped execution with the adoption of Islam could assimilate among the masses of the Muslim community. Nevertheless, partially some of them re-converted to Christianity. Hasan Jalal, who built monastery Gandzasar [15, p. 80] is a prime example of the re-conversion. His Arab-Muslim name gives us reason to believe that his dynasty adopted Islam at some point in its existence, but later they returned to Christian principles.

Therefore, Islamisation began with the Rashidun caliphs and continued with the rule of the Umayyad and Abbasid dynasties. Subsequently, the political strengthening of Muslim dynasties undoubtedly led to the fact that Islam became the dominant factor. There is no doubt that at the first stage of spread of Islam, among the masses could be real converts, who sincerely accepted Islam as a believer. However, in general, written sources describe the situation in such a way that clearly, majority of the local population accepted Islam for their own benefit and were alternators. Muhammad Narshakhi, Central Asian historian of the 10th century, gives us a valuable account of how Arab commanders tried to maintain and increase the number of converts. After the first fitna, during the reign of the Umayyad dynasty, the Arab commanders tried their best to convert the locals to Islam. Although it might seem outwardly that the population had accepted Islam and become Muslim, inside they remained pagans [16, p. 89]. For this reason, Qutayba ibn Muslim, the Arab commander, built mosque in the places where the idols were kept. Muhammad Narshahi writes what specific order was given: «He ordered the people of Bukhara to gather there every Friday, and in the same way he ordered the herald every Friday [to announce]: "I will give two dirhams to everyone who attends the Friday prayer"» [17, p. 53].

Despite the fact that his report is about Bukhara, a city in Central Asia, and does not directly apply to the Caucasus and Azerbaijan, however this conversion practice could be used anywhere in the invaded countries by the Arab commanders. It is a clear example of alternation, when person adopts religion for reason other than faith.

Compared to Shaki in the north and the regions on the west of Arran, such cities as Ganja, Shamkir, Beylagan and others, Shirvan underwent Islamisation earlier, as archaeological data indicate. This is primarily due to the strategic location of Shirvan and the roads leading to Derbend to the north, which was taken control by the Arab army. Written Arab sources of this period do not report the existence of a broad and stable Christian community in Shirvan, although it took place here as well as in other regions of Caucasian Albania. However, firstly, the Sassanids resettled Iranian peasants in the region as a base and implanted Zoroastrianism, somehow weakening position of Christianity. Then the Arab Caliphate provided the same politics. We can assert with confidence that the resettlement policy of the Arabs played a decisive role in the Islamisation of Shirvan and Mughan. As a way to take control of the strategic routes and prevent danger from the Khazars, the Arabs first established a garrison in Derbend and most likely the first mosque was built here for them to pray at the beginning of the 8th century.

[4]He is called Siwnik in C. J. Dowsett's edition.

The migration and settlement of Arabs to the occupied countries began only after the establishment of complete control over these countries, leading to strengthen the Arab power in the newly captured territory. By giving land to the first Arab colonists in the region, the Umayyad caliphs achieved two goals simultaneously: firstly, they freed the treasury from the cost of paying pensions, and secondly, they strengthened the power of the Arabs in the newly conquered provinces. However if earlier migrations took place individually, then soon the entire tribes began to move to the new lands [18, p. 215–216]. Al-Baladhuri states that when the Arabs conquered Azerbaijan, their families came to them from al-Misreyn[5] and Syria, and each group captured everything they could, and some bought land from non-Arabs, that is, the local residence. Native peasants asked for their protection (khifara) and became their sharecroppers [1, p. 460; 2, p. 332].

The Caucasian Albanian Church in the early Islamic period

The position of Christianity in Azerbaijan in the early stages of Islamisation was weakened because of multiple reasons. In the period of political turmoil in the Eastern Caucasus, between the late 6th and early 7th centuries, when first, Sassanids, later the Arab Caliphate, waged wars with the Byzantine Empire, the Albanian Church, a Christian denomination in the region, was forced by the conditions to change its doctrines from the monophysite to dyophysite and vise-versa several times. This instability stemmed from two sources. On the one hand, powerful empires in the region sought to use religion as a tool to exert political control. On the other hand, rivalry and in many cases, enmity between different teachings of Christianity caused more problems than invasions. The Armenian Miaphysite Church, trying to subordinate the Albanian Church and struggling against dyophysite Byzantinian and Georgian churches, colluded with the authorities of Arab Caliphate. These conflicts weakened positions of Christianity in the Eastern Caucasus, and Islam, spread as a results of Arab invasions, eventually replaced Christianity as the dominant religion [19, p. 15].

After fateful events of 704–705, the Armenian Catholicos Elia was finally able to subordination of the Albanian Church. However the Albanians continued struggle for their church independence. In accordance to Michael the Syrian's «Chronicle», Albanian bishop did not participate in the Manaskert Council of 726 [20, p. 20]. The struggle of Albanian aristocracy for independence was supported by the Georgian Orthodox Church. As Movses Kaghankatvatsi writes, Michael, who succeeded to the throne of the patriarchate of Albania, did not recognise the marriage of Varazoy to his first cousin Vardanuhi, both grandchildren of Varazman, and excommunicated them. In these conditions, Varazoy sought support from T'alile (Talale), Catholicos of Georgia, asking him to bless their marriage. The latter's response actually demonstrates attempts of the Georgian Church to support Albanian's efforts for independence even by endorsing the marriage between blood relatives, which is unacceptable to all Christian denominations. Then Movses of Kaghankatvatsi describes the horrible end of this attempt. Varazoy was decapitated by the Arabs, who were in alliance with the Armenian Church, and they killed the other son by dragging him behind a horse [6, p. 204].

Despite the struggle to preserve an independent Albanian Church, it found itself in a position of subordination to the Armenian Monophysite Church.

Position of Islam in the consequent period

Transformation of Islam into the dominant religion in Azerbaijan became an accelerating factor in the integration of various ethno-linguistic groups in one ethnocultural unity. Even after the weakening of the Abbasid Caliphate from the second half of the 9th century and soon reduction of its authority as the figurehead of the Muslim world, throughout the region political power was largely in the hands of Muslim dynasties, such as Shirvanshahs, Sajids, Salarids, Shaddadids and Ravvadids, which contributed to the strengthening of Islam. And with the arrival of the Seljuks and their approval by the Abbasids, the dominance of Islam further intensified.

After the Seljuk influx, the role of the Turks was so indoctrinated that in Europe, as well as in the Caucasus, the name Turk began to unambiguously mean Muslim. The locals who were converted to Islam were considered to be Turks and those, who preserved Christianity, were considered Armenian [21, p. 83], as Albanian Church subordinated to the Armenian Church and this led to the Armenianisation for the part of Caucasian Albanians. The same can be observed in Georgia. A person of Georgian heritage, who might adopt Islam, while still speaking Georgian, was not even acknowledged as Georgian, but as Tartarised [22, p. 183]. J. de Thevenot, a French traveler and author, writes that Armenians believe that it is better to be a Turk than a Catholic [23, p. 112]. Here, attention is drawn to the fact that the name «Turk» was considered almost synonymous with the word «Muslim». The identification of the words «Turk» and «Muslim» had such a scope that further in the 19th century the Azerbaijani Turks called themselves «Muselman» (Muslim) and language «Muselman dili» (Muslim language). Of course, this is due to the influence of religion on the ethnic identity during the Middle Ages.

[5]In accordance to Ziya Bunyadov, al-Misreyn refers to Kufa and Basra [18].

Conclusions

Considering and comparing historical written sources of Middle Ages we see that Islamisation was a gradual process, in the lands of historical territories of Arran, Shirvan, Shaki and other regions of the modern Azerbaijan Republic.

In the east of the country, in regions closer to the Caspian Sea, Islam, brought as a result of the conquest, faced with Zoroastrianism, pagan rituals, and partly with Judaism and Christianity. The wars between the Arab Caliphate and the Khazars and also the goal of taking power over the Derbend fortress, a key point in the north, required full control of Shirvan. To strengthen here, the migration policy of the Arabs played a decisive role and this in turn strengthened the position of Islam in Shirvan by the 8th century. However, even after this, other religious practices are observed from archaeological data.

And to the west and north of the country, Christianity had a stable position for a long time. Only towards the end of the early Middle Ages did the new religion begin to surpass these previously dominated religions.

Although Christianity community of Azerbaijan was weakened, it was able to survive as the Christian minority of Udis in the Qabala and Oghuz districts of Azerbaijan Republic. Judaism, represented by the Jewish community of Azerbaijan, has been preserved in the same form. In the case of Zoroastrianism, it should be noted that there is a lack of evidence about the preservation of Zoroastrian communities throughout the country in the medieval Islamic Azerbaijan with the exception of Surakhany village with the Zoroastrian temple in Absheron peninsula.

References

1. Baladhuri Futuh al-Buldan. *Book of the conquest of lands.* Abdullah Anis al-Tabbaa, editor. Beirut: Al-Maaref Foundation; 1987. 768 p. Arabic.

2. Kennedy H. *History of the Arab invasions: the conquest of the lands. A new translation of al-Baladhuri's Futuḥ al-Buldan.* London: I. B. Tauris; 2002. 597 p.

3. Dostiyev TM. *Şimal-Şərqi Azərbaycan IX–XV əsrlərdə*. Bakı: Bakı universiteti nəşr; 2001. 396 s.

4. Гаджиев МС. Зороастрийский погребальный комплекс близ Дербента. *Российская археология*. 2007;4:51–63.

5. Gippert J, Schulze W, Aleksidze Z, Mahe J, editors. *The Caucasian Albanian palimpsest of Mount Sinai. Volume 1–2*. Turnhout: Brepols; 2008. 530 p.

6. Dowsett CJ. *The history of the Caucasian Albanians by Movses Dasxurançi*. Oxford: Oxford University Press; 1961. 252 p.

7. Carrothers RM. Identity consequences of religious changing: effects of motivation for change on identity outcomes. *Sociological Focus*. 2010;43(2):150–162. DOI: 10.2307/41633855.

8. Morimoto Kosei. *The fiscal administration of Egypt in the early Islamic period*. Kyoto: Kyoto University; 1981. 305 p.

9. Беляев ЕА. *Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее Средневековье*. Москва: Наука; 1966. 280 с.

10. Daryaee T. Zoroastrianism under Islamic rule. In: Stausberg M, Sohrab-Dinshaw Vevaina Yu, editors. *The Wiley blackwell companion to Zoroastrianism*. New York: John Wiley & Sons; 2015. p. 103–118.

11. Al-Masoudi. *Meadows of gold and mines of gems. Volume 1.* Kamal Hassan Mara'i, editor. Beirut: Al-Maktab Al-Asri; 2005. 296 p. Arabic.

12. de Goeje MJ. *The book of precious clots by Ibn Rustah and the book of countries by Yaqubi.* Leiden: Brill; 1892. 392 p. Arabic.

13. Ibn Haukal. *Kitab Masalik wa-Mamalik.* Ouseley W, editor. London: Oriental Press; 1800. 373 p.

14. Ağayev R. Azərbaycan Türkləri haqqında məlumatlar Yəmən hökmdarlarına həsr olumuş yazılı mənbələrdə. *Strateji Təhlil jurnalı*. 2015;1:191–201.

15. Gandzaketsi K. *History of the Armenians*. Bedrosian R, translator. New York: Sources for the Armenian Tradition; 1986. 116 p.

16. Əliyeva N. Xəlifələrin Azərbaycanda Islam Siyasəti. *Bakı Dövlət Universitetinin İlahiyyat Fakultəsinin Elmi Məcmuəsi*. 2011;15:85–92.

17. Абу Бакр Мухаммад ибн Джафар ан-Наршахи. *История Бухары*. Ташкент: SMIA-SIA; 2011. 600 с.

18. Buniyadov Z. *Azərbaycan VII–IX əsrlərdə.* Baku: Elm; 2007. 489 s.

19. Aliyeva L. Religion and political power in the Caucasian Albania prior to and during the Arab conquests. *Reconstructing the Past: Journal of Historical Studies.* 2023;1(2):5–19. DOI: 10.54414/PFYV4062.

20. Bedrosian R, translator. *Chronicle of Michael the Great, Patriarch of the Syrians.* Long Branch: [s. n.]; 2013. 378 p.

21. Aliyeva L. The Ethnic and religious diversity of Azerbaijan in the Middle Ages. In: Bajor P, editor. *Contemporary Azerbaijan in social and political dimension.* Krakow: Księgarnia Akademicka; 2016. p. 79–89.

22. Aleksidze N. *The narrative of the Caucasian Schism: memory and forgetting in Medieval Caucasia.* Louvain: Peeters; 2018. 264 p.

23. de Thevenot J. *The travels of Monsieur Thevenot into the Levant.* London: H.; 1687. 678 p.

Received 24.11.2024 / revised 04.04.2025 / accepted 04.04.2025.

УДК 94(575) + 334.7(575)(09)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ РЕМЕСЛЕННЫМИ ИЗДЕЛИЯМИ В ТУРКЕСТАНЕ (НА ПРИМЕРЕ ЗАРАФШАНСКОЙ ДОЛИНЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.)

О. А. ОСТОНОВ[1)]

[1)]*Ташкентский государственный аграрный университет, ул. Университет, 2а, 100140, г. Ташкент, Узбекистан*

Аннотация. Раскрываются некоторые особенности развития внутренних и внешних торговых связей в Туркестане на примере истории Зарафшанской долины в конце XIX – начале XX в. Анализируются состояние торговли, происходящие в ней изменения, определяются ее основные характеристики в этот период. Расширение местных рынков в долине и активизация торговли свидетельствуют о развитии мелкого товарного хозяйства. Утверждается, что изготовленные в долине товары продавались сначала во всех регионах Туркестана, а затем и на внешних рынках. В результате развития рыночных отношений к началу XX в. значительная часть населения разорвала связь с сельским хозяйством и начала зарабатывать на жизнь производством товаров и торговлей. Совершенствование ремесленного сектора способствовало появлению первых простых фабрик, формированию капиталистического способа производства. Развитие ремесел и товарно-денежных отношений создало прочную основу для возникновения единой рыночной системы в долине. Постепенно увеличивалось число частных промышленных предприятий, которые специализировались на производстве многих видов продукции, играющей важную роль в повседневной жизни населения. После установления капиталистических отношений в местной промышленности Зарафшанской долины и активизации притока готовой продукции, производимой на фабриках и заводах Российской империи, многие местные ремесленные производства столкнулись с кризисом. Со второй половины XIX в. долина была административно разделена на две части из-за установления власти Российской империи. Рассматривается влияние этого обстоятельства на торговлю и коммерцию, а также анализируются произошедшие изменения и их место в торговой сфере на территории Туркестанского генерал-губернаторства.

Ключевые слова: Туркестан; Зарафшанская долина; торговля; чайная торговля; купец; предпринимательство; ремесленник.

НЕКАТОРЫЯ АСАБЛІВАСЦІ РАЗВІЦЦЯ ГАНДЛЮ РАМЕСНЫМІ ВЫРАБАМІ Ў ТУРКЕСТАНЕ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ЗАРАФШАНСКАЙ ДАЛІНЫ Ў КАНЦЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.)

О. А. АСТОНАЎ[1*]

[1*]*Ташкенцкі дзяржаўны аграрны ўніверсітэт, вул. Універсітэт, 2а, 100140, г. Ташкент, Узбекістан*

Анатацыя. Раскрываюцца некаторыя асаблівасці развіцця ўнутраных і знешніх гандлёвых сувязей у Туркестане на прыкладзе гісторыі Зарафшанскай даліны ў канцы XIX – пачатку XX ст. Аналізуюцца стан гандлю, змены, што адбываліся ў ім, вызначаюцца яго асноўныя характарыстыкі ў гэты перыяд. Пашырэнне мясцовых рынкаў у даліне і акты-

Образец цитирования:
Остонов ОА. Некоторые особенности развития торговли ремесленными изделиями в Туркестане (на примере Зарафшанской долины в конце XIX – начале XX в.). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2025;2:40–47 (на англ.).
EDN: MGYFLC

For citation:
Ostonov OA. Some features of the development of trade in handicrafts in Turkestan (on the example of the Zarafshan Valley in the late 19th and early 20th centuries). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;2:40–47.
EDN: MGYFLC

Автор:
Ойбек Аликулович Остонов – доктор исторических наук, доцент; заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук факультета права и туризма.

Author:
Oybek A. Ostonov, doctor of science (history), docent; head of the department of social and humanitarian sciences, faculty of law and tourism.
ostonovo@rambler.ru

візацыя гандлю сведчаць аб развіцці дробнай таварнай гаспадаркі. Сцвярджаецца, што вырабленыя ў даліне тавары прадаваліся спачатку ва ўсіх рэгіёнах Туркестана, а затым і на знешніх рынках. Да пачатку XX ст. у выніку развіцця рыначных адносін у даліне значная частка насельніцтва разарвала сувязь з сельскай гаспадаркай і пачала зарабляць на жыццё вытворчасцю і гандлем. Удасканаленне рамеснага сектара спрыяла з'яўленню першых простых фабрык, фарміраванню капіталістычнага спосабу вытворчасці. Паказана, што развіццё рамёстваў і таварна-грашовых адносін стварыла трывалую аснову для ўзнікнення адзінай рыначнай сістэмы ў даліне. Паступова павялічвалася колькасць прыватных прамысловых прадпрыемстваў, якія спецыялізаваліся на вытворчасці многіх відаў прадукцыі, важнай у штодзённым жыцці насельніцтва. Пасля ўстанаўлення капіталістычных адносін у мясцовай прамысловасці Зарафшанскай даліны і актывізацыі прытоку гатовай прадукцыі, якая выраблялася на фабрыках і заводах Расійскай імперыі, многія мясцовыя рамесныя вытворчасці сутыкнуліся з крызісам. З другой паловы XIX ст. даліна была адміністрацыйна падзелена на дзве часткі па прычыне ўсталявання ўлады Расійскай імперыі. Разглядаецца ўплыў гэтай акалічнасці на гандаль і камерцыю, а таксама аналізуюцца змены і іх месца ў гандлёвай сферы на тэрыторыі Туркестанскага генерал-губернатарства.

Ключавыя словы: Туркестан; Зарафшанская даліна; гандаль; гандаль гарбатай; купец; прадпрымальніцтва; рамеснік.

SOME FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF TRADE IN HANDICRAFTS IN TURKESTAN (ON THE EXAMPLE OF THE ZARAFSHAN VALLEY IN THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES)

O. A. OSTONOV [a]

[a]*Tashkent State Agrarian University, 2a Universitet Street, Tashkent 100140, Uzbekistan*

Abstract. This study focuses on certain aspects of the development of internal and external trade relations in Turkestan during the late 19th and early 20th centuries, using the example of the Zarafshan Valley. It examines the history of trade activities in the Zarafshan Valley, highlighting the role of internal and external trade in the socio-economic life of the region. The study analyses the state of trade during this period, identifying changes, unique characteristics, and general features of commercial activities. The expansion of local markets and the growth of trade indicate the advancement of small-scale commodity production. Manufactured goods began to be sold not only throughout Turkestan but also in foreign markets by the early 20th century. As a result of the development of market relations, a significant portion of the urban population shifted away from agriculture and adapted to earning a livelihood through commodity production and trade. The improvement of craftsmanship led to the emergence of simple forms of early manufactories, the establishment of capitalist production methods, and the development of craft industries and monetary relations, which created a solid foundation for the formation of an integrated market system in the region. New industrial sectors emerged, and the number of private industrial enterprises specialising in the production of various goods essential to daily life steadily increased. The establishment of capitalist relations in the local industries of the Zarafshan Valley, as well as the influx of factory-made products manufactured in the industrial facilities of the Russian Empire, resulted in the decline of many local craft industries. The study also discusses the administrative division of the Zarafshan Valley into two parts following the Russian Empire's conquest in the second half of the 19th century and analyses both the positive and negative impacts of this process on the trade sector within the territories governed by the Turkestan General Governorship.

Keywords: Turkestan; Zarafshan Valley; trade; tea trade; merchant; entrepreneurship; artisan.

Introduction

Economically the Zarafshan Valley has always occupied a special place as one of the widespread trade areas. Considering significant political, socio-economic changes have taken place in the part of the valley that joined the Russian Empire, it is important to interpret trade processes in a new way with the help of relevant sources, archival documents and literature, and to analyse changes in internal and external trade relations.

It is known, that in the last quarter of the 19th and the beginning of the 20th century complex socio-economic processes took place in the Zarafshan Valley. One part of it remained under the rule of the Bukhara Emirate, and the other part fell under the colonial policy of the Russian Empire. The author of the article studies a trading activity in the valley and puts ahead a few necessary conclusions based on a comparison of that activity positive and negative sides.

Our wide attention, paid to handicrafts, entrepreneurship and trade during the years of independence, shows that, even with the transition to modern market relations, those areas have not lost their positions and importance in the socio-economic life of the country.

It is known from history that domestic and foreign trade have always been considered as an integral part of trade. Even today the measures, implemented by the government for the development of entrepreneurship have their primarily aim at the improvement of entrepreneurship and trade. From this point of view, scientific study and analysis of achievements and mistakes of the past will increase the relevance of the topic.

Materials and methods

The author of the article uses the methods of scientific abstraction, analysis and expert assessment. In the historiography of Central Asia, a number of works have been carried out to study the socio-political processes that had taken place in the late 19th and early 20th centuries. However, the very history of the development of the Zarafshan Valley internal and external trade relations in Turkestan in the late 19th and early 20th centuries has been still out of study as an independent object. Some sides and aspects of this issue were researched as a part of other issues, and some aspects of the present topic got their relative reflection in a number of general works.

The present paper also analyses the existing researches on the history of the development of internal and external trade relations of the Zarafshan Valley in the late 19th and early 20th centuries, regarding their level of studies and the methods of approach. For example, some sources contain the information about coming of Russian travelers, traders and researches to Turkestan on the eve of its conquest by the Russian Empire [1]. The works contain many comments that enrich our understanding of trade relations of the Zarafshan Valley. The authors, who travelled across the area after the occupation of Turkestan by the Russian Empire, illustrate entrepreneurship and trade in detail. These areas are represented in the works of P. Ch. Pashino [2], L. F. Kostenko [3], N. F. Petrovskii [4], L. N. Sobolev [5], V. V. Radlov [6], M. M. Virskii [7], A. F. Gubarevich-Radobylskii [8], I. I. Geier [9], D. Logofet [10], S. R. Konopka [11], V. I. Masalskii [12], A. I. Chicherov [13], M. Aldous [14], R. Kazemi [15], S. Ibbotson [16], etc.

Accentuating the significance of the works of mentionied authors, it should be emphasised that they saw the life of that time with their own eyes and made the necessary conclusions. In these works, along with interesting information about the invasion of the Russian Empire in Turkestan, in particular about domestic and foreign trade in the Zarafshan Valley, some confusing ideas and inaccurate conclusions were developed.

A number of scientific studies on the issue were conducted and a lot of studies were published during the Soviet era. It is also worth noting that unilateral approach serving for the interests of communist ideology and a social class principle is used in these works. Such approach did not allow to analyse the problem thoroughly and truthfully. The works of I. A. Remez [17], G. Spasskii [18], O. A. Sukhareva [19], A. M. Aminov [20], E. V. Bunakov [21], R. Ya. Rassudova [22] can be added to this list. During the work on the article, a number of documents stored in the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan were studied and analysed. In particular, materials from the office of the Turkestan General Governor (Fund И-1) and the office of the head of the Zarafshan District (Fund И-5) were an important source. The above-mentioned funds contain official documents, reports and orders, government decrees, letters and notices related to the history of domestic and foreign trade of the Zarafshan Valley in the late 19th and early 20th centuries. Many of them were firstly introduced into scientific use. In addition, when replenishing the source base of the article, we have analysed and introduced into scientific circulation such sources as «Review of the Samarkand Region»[1], «Handbook of the Samarkand Region»[2] which made up 23 collections dating back to 1889–1912.

Results and discussion

Bukhara was a historical place of transregional Asian trade with the participation of traders from the region who traveled to Iran, Muscoviya, Siberia, China and India [23]. On 23 June 1868, the Zarafshan Valley was divided into two parts between the Russian Empire and the government of the Emirate of Bukhara. Thus, the Emirate of Bukhara lost its significant part in the Zarafshan Valley, which had had a huge economic and political significance. Soon, the Zarafshan District was formed on the territory that was separated from the Emirate of Bukhara[3]. The new-appointed Turkestan General Governor developed and approved the document called «The temporary rules for the management of the Zarafshan District».

According to these rules, Zarafshan District has been administratively divided into Samarkand and Kattakurgan parts. However, the document «Regulation on the administration of the Turkestan territory», approved on 12 June 1886, abolished the Zarafshan District and created the Samarkand Region. In its turn, the Samarkand Region was divided into Khujand, Jizzakh, Kattakurgan and Samarkand counties[4].

[1]Rewiew of the Samarkand Region. Samarkand : Samarkand Regional Stat. Committee, 1912 (in Russ.).
[2]Handbook of the Samarkand Region. Samarkand : Samarkand Regional Stat. Committee, 1901. Issue 3 (in Russ.).
[3]Central State Archive of the Republic of Uzbekistan (CSARU). Fund И-1. Inv. 16. File 2264. Sh. 7.
[4]Ibid. Inv. 20. File 513. Sh. 7.

In the middle of the 19th century, in the markets of Samarkand, as well as in the markets of Bukhara and Karshi, the price of goods was determined by the value of coins in circulation[5]. The Samarkand market was considered the largest trading centre of the valley, but, in terms of cotton trade, none of the markets could compare with the Kattakurgan market. This view is proven by the fact that 12 595 batmans of cotton were sold in the market in 1868. At that time, large retail shops appeared in Samarkand, and there were 2414 retail shops in the city. Wholesale and retail trade were carried out at the retail shops. In addition, more than 50 stores in Samarkand sold goods imported from Russia, and 394 shops operated seasonally[6].

In 1868, there were 35 caravanserais in Samarkand, and 9 of them belonged to Indian merchants[7]. In particular, the caravanserai «Jun serai», owned by a big entrepreneur Mullah Orifboy, specialised mainly in the wool trade. Up to 8 batmans of wool were kept in each of the 15 shops of the caravanserai[8]. Woolen goods and carpets were sold in 50 retail shops located on the waqf lands belonging to the Guri Amir mosque. In total, 712 retail shops operated in caravanserais[9].

The sale of products made by artisans of the valley was also active in Samarkand markets. Samarkand entrepreneurs established active trade relations with neighbouring regions and foreign countries. For example, cloth robes of various colours were imported from Afghanistan, Iran and Kashmir, while Indian carpets were imported mainly from Karshi and Bukhara, and partly from India itself[10]. Since the second half of the 19th century, Samarkand's trade relations with Russian Empire expanded. The newspaper «Golos» wrote: «Annually, 150 thousand poods of food were brought to Samarkand via Yekaterinburg, Troitsk, Petropavlovsk, Okmulla, Turkestan and Tashkent on 7500 camels and more than 3000 carts»[11].

The internal trade in the valley consisted mainly of market trade. Private individuals with certain investments operated there[12]. By 1872, there were 33 regularly operating markets in the Zarafshan District and 3166 merchants engaged in regular trade. In addition, 9500 people were engaged in temporary trading in the markets [24, p. 26]. Rich merchants operated mainly in urban caravanserais. The central market of Samarkand set the prices of goods from other markets of the Zarafshan District.

With the development of trade, a stratification of merchants appeared, and individuals with large investments stood out among them. According to S. P. Mansyrev, there were 183 merchants of mentioned type in Samarkand County in 1896, 93 merchants in 1897, and 232 merchants in 1898. Fifth part of them borrowed goods from local wholesale markets at a discount of 10–15 % to Samarkand. The loan amount made 1.0–2.5 % of the monthly working capital. The profit from it made 2.0–2.5 thsd rubles or 12–25 % of the average annual income of an entrepreneur [24, p. 125–128].

Perfumery and haberdashery merchants occupied a special position in the market trade too: 193 perfumery and haberdashery merchants worked in Samarkand County in 1897, and 205 merchants worked there in 1898. Their average sales volume was 600–900 rubles, and each of them made a profit of 20–25 % of the annual turnover. Another category of merchants was engaged in retail trade. The merchants, who were mainly engaged in the sale of local fabrics, earned an average of 400–500 rubles a year and their net profits reached 15 %. In 1897, the number of such merchants was 132, and in 1898 it reached 148 [24, p. 128].

Grocery stores, located mainly at lively crossroads and roadsides sold dried fruits, agricultural and flour products. In 1897, 104 grocers operated in Samarkand County and in 1898 their number was 92. Each of them received up to 20 % profit from their investments of 600–700 rubles.

The increase of sales of goods, the revival of trade, in turn, led to an increase of the number of people engaged in entrepreneurship and trade. The process was especially evident in the period between 1888 and 1898. For example, 8687 people in the Samarkand Region received official permission giving them the right to deal with merchandising (103 of the merchants received their licenses for the 1st and the 2nd categories, and 56 received permits for mobile trade, 18 357 people received licenses for trade in 1898, 450 of them were 1st and the 2nd category merchants, 143 were engaged in internal mobile trade, the rest were small trade agents).

The above data show that the number of people engaged in small-scale trade steadily increased due to the development of domestic trade. It means that even people with a little income ran operations in free enterprise. Besides, it was difficult to observe such a process in the lower Zarafshan Valley. Despite the oppression of colonialism, market relations began to penetrate deeper into the lives of the inhabitants of that part of the valley.

In Samarkand County, that trade turnover has been developing relatively well. For example, 4206 licenses were issued for trade in the county (the share of the county in the region was 47.2 %) in 1888, and 10 years

[5]CSARU. Fund И-1. Inv. 11. File 16. Sh. 109.
[6]Ibid. Fund 5. Inv. 1. File 12. Sh. 124.
[7]Samarkand. Military collection. 1870. No. 12. P. 390 (in Russ.).
[8]CSARU. Fund 5. Inv. 1. File 12. Sh. 107.
[9]Ibid. Sh. 114.
[10]Ibid. Sh. 115.
[11]Turkestan collection. 1873. Vol. 151. P. 111 (in Russ.).
[12]Turkestan vedomosti. 1871. No. 5. P. 555 (in Russ.).

after, 6918 entrepreneurs received such documents (the share of the county in the region made 51.8 %)[13].

During that period, the share of imported industrial goods made 64.5 % of the total turnover in local markets. In short, in 1897, the total trade turnover of Samarkand made 15 699 750 rubles, and its net profit made 1 412 035 rubles[14].

In Samarkand County, Dahbet market with its shopping malls and caravanserais was the second famous centre after Urgut. The total turnover in Dahbet was 1 mln rubles [25, p. 138]. There was a market on Wednesday (Oktepa market) and on Saturday (Jom market). Various goods loaded on about 1 thsd carts, as well as on 3–5 thsd horses were brought to the market. In addition, an average of 1 thsd camels and black cattle, as well as about 4 thsd of small cattle were brought to those markets from distant and nearby towns and villages for sale [25, p. 140].

The Jomboy market was mainly specialised in agricultural products' trade and it ran constant communication with the Chukur market in Dahbet (Samarkand Region), the bazaars of Sarich, Boygatepa, Juma, Chuyantepa and Oktepa. The total trade turnover of area was 2.5 mln rubles, 900 thsd rubles of which accounted for the Jomboy market and 1.5 mln rubles for the Oktepa market.

The share of rural markets in Samarkand County was 21.3 % of the total turnover of the valley [25, p. 141]. A trade with foreign and local goods flourished also in the very city of Samarkand intensively, which had become a major trading centre in the valley. The increase of the number of caravanserais, trading houses, handicraft enterprises and factories in the city facilitated seriously the trade and entrepreneurship in the city.

The grocery commerce occupied the first plase in the general trade turnover of the Samarkand District. In 1897, the total volume of that kind of trade reached 1 247 700 rubles. The total turnover of factories and the flourmills production took the second place and made 511 thsd rubles[15]. At the same time, the gross volume of food sales took the third place and made 470 800 rubles. The volume of small-scale trade made 603 600 rubles. The volume of commercial and industrial production in the county reached 2 833 100 rubles. In the same 1897, the total trade turnover at that territory reached 18 532 850 rubles, its net profit made 1 754 790 rubles[16].

Compared to the lower part of Zarafshan, the development of trade and entrepreneurship in the colonial part of the Zarafshan Valley was caused mainly with the abolition of the zakat tax that had been earlier collected from trade. Another reason was the closure of illegal trading shops in accordance with the law on payments from handicrafts and trade, adopted on 1 January 1875 in the Russian Empire[17]. Those procedures, which had been new in the economic life of the valley, made an impact to domestic and foreign trade and entrepreneurship. Tsarist officials of that time expressed their opinions regarding that situation.

In particular, the protocol of the Turkestan Governor General dated 19 October 1874 indicated that the production of local factories had been able to meet the needs of the rural population. In its turn, a special emphasis stimulated the issue of providing some benefits to the population engaged in trade like exempting them from taxes[18]. Of course, Russian authority did not want to lose any small profit earned from taxes. Therefore, the Turkestan General Governor K. von Kaufmann seriously rejected to all projects.

According to G. A. Arandarenko, 22 wealthy merchants lived in the Urgut District of Samarkand County in 1875, but their number was decreased by 12 by the end of 1890. At the same time, the number of traders working in the markets also decreased by 50 %. However, the wholesale turnover of those 12 traders in the markets was more than the whole turnover of the previous 22 rich people [26, p. 37].

Indeed, the development of trade influenced significantly the changes in the lives of representatives of the sector. A layer of merchants with large amounts of money began to appear. They earned a good income by providing their investments at interest, while doing wholesale trade. It must be noted that new trade rules of the Russian authority were very beneficial for that category of traders. This process caused serious obstacles to small entrepreneurs and led them to bankruptcy. The figures below also prove this fact. If 13 357 patents were issued for trade in the Samarkand Region in 1888, then their number decreased to 11 707 in 1896. Compared with 1896, the number of patents issued for trade in 1906 decreased by 1650. However, if the trade turnover in 1888 was 9 771 372 rubles, then in 1906 it reached 63 mln rubles. It proves that the trade turnover in the Samarkand Region increased almost 6.5 times in 20 years. Despite that, by 1906, small traders produced a significant part of the trade turnover in the valley. For example, out of 11 707 patents issued for trade in 1906, 3615 marked the merchants of the 3rd guild, and 6628 belonged to the 4th guild, 10 243 licenses were issued for small-scale commercial agents[19].

The tea trade developed significantly in Samarkand and other areas of the valley. The exemption of the taxes levied on Russian tea merchants by Turkestan General

[13]Rewiew of Samarkand Region for 1889. Samarkand : Samarkand Regional Stat. Committee, 1891. P. 13 (in Russ.).
[14]Rewiew of Samarkand Region for 1897. Samarkand : Samarkand Regional Stat. Committee, 1898. P. 30 (in Russ.).
[15]Ibid. P. 31.
[16]Ibid. P. 36.
[17]CSARU. Fund 1. File 16, 94. Sh. 38.
[18]Ibid. File 815. Sh. 12.
[19]Rewiew of Samarkand Region for 1906. Samarkand : Samarkand Regional Stat. Committee, 1907. Application 9 (in Russ.).

Governor K. von Kaufmann in 1868 became a significant tool in the policy. However, the total amount of taxes on tea sales increased twofold: 50 shops, selling tea and products imported from Russian Empire, were opened in Samarkand[20] and 13 shops were opened in Kattakurgan at the end of 1869[21]. Besides, the tea trade played an important role in domestic and foreign trade of Turkestan. By the end 1880s, Bukhara occupied a leading place in the tea trade: 100 thsd poods of tea were brought there annually from different cities of India, Bombay and Peshawar via Kabul. The merchants of Peshawar made a great contribution to the tea trade [27, p. 68].

Furthermore, local merchants were actively involved in the production and trade of tea. However, their trading activity was low. Large companies such as «Vogov», «Popova», «Bauer», «Kuznetsova», «Gonshina», «Guseva», «Danilova», «Sharovskii», «Tsendel and K», Russian merchants Filatov, brothers Kamenskie, local merchants such as Pinkhasov, Mullakandov, Kalantarov and others kept the wholesale tea trade in the valley.

The city of Samarkand, due to its convenient geographical location and the presence of railways connections, occupied a leading place in the tea trade not only in the valley, but also throughout Turkestan. In 1899, out of a total of 7 816 119 poods of tea, sold in the cities of Turkestan and Samarkand had 35.4 %. In general, in terms of wholesale tea trade, the city of Samarkand was the second in the Russian Empire after the city of Tyumen where the wholesale tea trade was 3 263 423 poods.

After 1895, when the Emirate of Bukhara had been included in integrated customs territory of Russia, there were some changes in the transit of tea. In particular, because of it, Russian entrepreneurs began to make large income from wholesale tea trade. The development of tea trade in Samarkand led to the development of industries related to tea production. For example, an artel for the production of tea boxes of various sizes and a printing house for the production of various lithographic seals began to operate in Samarkand. The annual income of them reached 7200 rubles[22].

According to K. Palen, 16 tea-packaging factories worked in the Samarkand Region, they supplied production worth about 9 mln rubles to the market, and 731 people were employed at them. Due to the expansion of the production of goods, the integration of the markets of the Samarkand Region with the markets of Russian Empire increased. As a result, new industries began to appear in trade in the valley. The volume of agricultural and handicraft products in the Zarafshan Valley and their export to Russian Empire increased.

Fabrics mainly from Kokand, Bukhara, Kabul and Mashhad were brought to Kattakurgan market. V. V. Radlov wrote about following costs on this market: 5 rubles for 12 arshins of ordinary Kokand calico fabric, 4 rubles for 3.5 arshins of semi-silk fabric, called daraya, 5–6 rubles for 8 arshins of silk, 15–18 rubles for 18 arshins of Bukhara silk, 7–8 rubles for 18 arshins of semi-silk fabric, called hemlines, 110–120 rubles for 100 pieces of printed calico, 56–60 rubles for 1 pood of lotus paint, 5–6 rubles for 24 arshins of gauze fabric, 100 rubles for 7 arshins of silk fabric, called kamhat. Various fabrics produced in England were brought there from Kabul [6, p. 49].

Although the local merchants were not major actors of market relations, they made a great contribution to the development of trade and entrepreneurship in the valley.

Conclusions

Based on the above data and an in-depth analysis of information about the history of domestic and foreign trade of the Zarafshan Valley in the late 19th and early 20th centuries presented in archival documents and published in literature, we can probably put forward the following conclusions.

Since the middle of 19th century, the Zarafshan Valley became a territory that had occupied a special position in the emirate in terms of territory, population, development of production and the agricultural sector. Despite the dominant position of land ownership and industrial relations in the colonial system of the Russian Empire in Turkestan, including the Zarafshan Valley, local entrepreneurship and trade adapted to the new colonial conditions that caused administrative-political, social and economic division of Turkestan into two parts. In the early years of colonialism, trade and commerce in the valley underwent complex historical processes from the very beginning. The penetration of Russian-made industrial goods into many valley markets were brought many industries to the brink of crisis. Trade processes, along with the continuation of centuries-old traditions, remained under the yoke of the colonial system.

Traders of the valley conducted intensive trade relations with the countries of the West and the East since ancient times. However, during the researched period, trade relations acquired a unilateral character, in particular, the volume of trade relations with Russian Empire sharply expanded. In the late 19th and early 20th century, the Russian Empire intensified its policy to keep the economy of the Zarafshan Valley under its influence. Because of the construction of railways, the turnover of Russian goods increased dramatically. The import of

[20]CSARU. Fund 5. Inv. 1. File 12. Sh. 124.
[21]Ibid. File 11. Sh. 105.
[22]Handbook of Samarkand Region for 1901. Samarkand : Samarkand Regional Stat. Committee, 1901. Issue 3. P. 54 (in Russ.).

yarn, metal and semi-finished products from Russian Empire led to an improvement of the variety and quality of products, and it caused the crisis of the handicraft markets in the valley.

Trade, entrepreneurship, and economic development accelerated the process of formation of the national bourgeoisie. Although national bourgeoisie was growing, it faced many obstacles to take a leading role in the economic and political life of the valley. The main reason was the economic and financial dependence of the interests of national bourgeoisie on the Russian bourgeoisie. Besides, there was a cooperation between local entrepreneurs and Russian bourgeoisie. The formation of the stratification of local entrepreneurs intensified.

Changes in production served the interests of the colonial regime. As it was in the entire Turkestan Region, production in Zarafshan Valley supplied the Russian Empire with raw materials. They were introduced to various economic policy of colonial management system. The processes led to new changes in the economic life of the valley residents. The changes in the valley's foreign trade became significant. The influx of foreign products increased to a certain extent. The Russian bourgeoisie benefited more from the export of goods. They became the main buyers of cheap local products.

Thus, during the period under the study, local owners made money by usury, landowning, stock breeding, industry had high influence on the socio-economic and political life of the Zarafshan Valley. No matter how many proprietors were there, they were unable to occupy a leading position in the economic and political life of the valley. The interests of the Russian Empire prevented local owners from integration.

The reactionary nature of the local proprietors manifested itself in the desire to accumulate more wealth by oppressing compatriots. Although the local owners did not become organisers of market relations, they made a great contribution to the development of trade and entrepreneurship in the valley.

References

1. Бутенов КФ. Заводское дело в Бухарии. *Горный журнал*. 1842;4(9):20–26.
2. Пашино ПЧ. *Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки*. Санкт-Петербург: Типография Тиблена и К°; 1868. 176 с.
3. Костенко ЛФ. *Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году.* Санкт-Петербург: Издательство Бортневского; 1871. 109 с.
4. Петровский НФ. Моя поездка в Бухару. *Вестник Европы.* 1873;2(3):209–248.
5. Соболев ЛН. *Географические и статические сведения о Зеравшанском округе.* Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук; 1874. 561 с.
6. Радлов ВВ. Средняя Зеравшанская долина. *Записки Русского географического общества по отделению этнографии.* 1880;6:[92].
7. Вирский ММ. *Выставка сельского хозяйства и промышленность в Самарканде в 1884 г.* Самарканд: Самаркандский областной статистический комитет; 1895. 110 с.
8. Губаревич-Радобыльский АФ. *Экономический очерк Бухары и Туниса, опыт сравнительного исследования двух систем протектората.* Санкт-Петербург: Типография В. Киршбаума; 1905. 204 с.
9. Гейер ИИ. *Туркестан.* Ташкент: Типолитография В. М. Ильина; 1909. 255 с.
10. Логофет Д. *Бухарское ханство под русским протекторатом.* Санкт-Петербург: Типография В. Березовского; 1911. 340 с.
11. Конопка СР. *Туркестанский край.* Ташкент: Электропечатня при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора; 1912. 448 с.
12. Масальский ВИ. *Туркестанский край. Россия. Том 19.* Санкт-Петербург: Издательство А. Ф. Деврина; 1913. 861 с.
13. Chicherov AI. A contribution to the description of the socio-economic structure of India on the eve of the colonial conquest (handicraft production from the 17th to the early 19th century). *Soviet Studies in History.* 1970;9(2):133–154. DOI: 10.2753/RSH1061-19830902133.
14. Aldous M. From traders to planters: the evolving role and importance of trading companies in the 19th century Anglo-Indian indigo trade. *Business History.* 2019;65(5):803–820. DOI: 10.1080/00076791.2019.1623787.
15. Kazemi R. The modern silk road: trade in Persian opium across Central Asia in the long nineteenth century. *British Journal of Middle Eastern Studies.* 2022;51(1):172–188. DOI: 10.1080/13530194.2022.2113502.
16. Ibbotson S. Kwangmin Kim. Borderland capitalism: Turkestan produce, Qing Silver, and the Birth of an Eastern market. *Asian Affairs.* 2018;49(1):143–144. DOI: 10.1080/03068374.2018.1416020.
17. Ремез ИА. *Внешняя торговля Бухары до мировой войны.* Ташкент: Центральное статистическое управление Туркестанской республики; 1922. 45 с.
18. Спасский Г. Новейшее описание великой Бухары. *Азиатский вестник.* 1825;5:[380].
19. Сухарева ОА. *К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки).* Ташкент: Издательство Академии наук Узбекской ССР; 1958. 147 с.
20. Аминов АМ. *Экономическое развитие Средней Азии.* Ташкент: Госиздат УзССР; 1959. 298 с.
21. Бунаков ЕВ. Тенденции развития капиталистических отношений в Средней Азии накануне присоединения ее к России. *Проблемы востоковедения.* 1960;9:93–101.
22. Рассудова РЯ. Занятия населения. В: Васильева ГП, Хармышева БХ, редакторы. *Этнографические очерки узбекского сельского населения.* Москва: Наука; 1969. с. 50–62, 66–113.
23. Marsden M. Beyond Bukhara: trade, identity and interregional exchange across Asia. *History and Anthropology.* 2018;29:84–100. DOI: 10.1080/02757206.2018.1496915.

24. Мансырев СП. Базарная торговля в Самаркандском уезде. В: Самаркандский областной статистический комитет. *Справочная книжка Самаркандской области на 1898 год. Выпуск 6.* Самарканд: Типография К. М. Федорова; 1899. с. 94–152.
25. Бржезицкий ИА. *Самаркандский уезд.* Ташкент: Издательство статистического комитета; 1909. 172 с.
26. Арандаренко ГА. *Досуги в Туркестане. 1874–1882.* Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича;1889. 666 с.
27. Пален К. *Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Часть 1.* Санкт-Петербург: Сенатская типография; 1911. 262 с.

Received 13.01.2025 / accepted 16.04.2025.

УДК 94(5)

ИЗ АНТИЭЛИТЫ В ЭЛИТУ: НОВАЯ СИРИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Р. Ш. МАМЕДОВ[1)]

[1)]*Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, 107031, г. Москва, Россия*

Аннотация. Предпринята попытка проанализировать сущность решений новых властей Сирии после свержения в декабре 2024 г. президента Башара Асада. Представлены ключевые акторы данной ситуации, составившие элиту страны в постасадовский период, а также рассмотрены заявления и действия новых властей во главе с руководителем администрации военных операций и лидером террористической организации «Хайят Тахрир аш-Шам» (запрещена в России) Ахмадом аш-Шараа. Сделан вывод о том, что новая элита в Дамаске сформирована из числа его доверенных лиц. Указано, что такая ситуация может вызвать негативную реакцию со стороны других групп бывшей сирийской оппозиции в случае отказа группировки «Хайят Тахрир аш-Шам» от проведения политического диалога. Описан состав временного правительства Сирии до марта 2025 г. Приведены оценки региональных и глобальных последствий сирийских событий, произошедших в декабре 2024 г.

Ключевые слова: Сирия; Асад; антиэлита; элита; Ближний Восток.

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 24-78-00056).

З АНТЫЭЛІТЫ Ў ЭЛІТУ: НОВАЯ СІРЫЯ ВА ЎМОВАХ ГЛАБАЛЬНЫХ ТРАНСФАРМАЦЫЙ

Р. Ш. МАМЕДАЎ[1*]

[1*]*Інстытут усходазнаўства РАН, вул. Раждзественка, 12, 107031, г. Масква, Расія*

Анатацыя. Прынята спроба прааналізаваць сутнасць рашэнняў новых улад Сірыі пасля звяржэння ў снежні 2024 г. прэзідэнта Башара Асада. Прадстаўлены ключавыя актары дадзенай сітуацыі, якія склалі эліту краіны ў постасадаўскі перыяд, а таксама разгледжаны заявы і дзеянні новых улад на чале з кіраўніком адміністрацыі ваенных аперацый і лідарам тэрарыстычнай арганізацыі «Хаят Тахрыр аш-Шам» (забаронена ў Расіі) Ахмадам аш-Шараа. Зроблена выснова аб тым, што новая эліта ў Дамаску сфарміравана з ліку яго даверaных асоб. Указана, што такая сітуацыя можа выклікаць негатыўную рэакцыю з боку іншых груп былой сірыйскай апазіцыі ў выпадку адмовы групоўкі «Хаят Тахрыр аш-Шам» ад правядзення палітычнага дыялогу. Апісаны склад часовага ўрада Сірыі да сакавіка 2025 г. Прыведзены ацэнкі рэгіянальных і глабальных наступстваў сірыйскіх падзей, якія адбыліся ў снежні 2024 г.

Ключавыя словы: Сірыя; Асад; антыэліта; эліта; Блізкі Усход.

Падзяка. Праца выканана пры фінансавай падтрымцы Расійскага навуковага фонду (праект 24-78-00056).

Образец цитирования:
Мамедов РШ. Из антиэлиты в элиту: новая Сирия в условиях глобальных трансформаций. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2025;2:48–60.
EDN: JUCTWZ

For citation:
Mamedov RSh. From anti-elite to elite: new Syria amid global transformations. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;2:48–60. Russian.
EDN: JUCTWZ

Автор:
Руслан Шакирович Мамедов – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований.

Author:
Ruslan Sh. Mamedov, PhD (history); senior researcher at the Center for the Arab and Islamic Studies.
rshmamedov@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-9783-5500

FROM ANTI-ELITE TO ELITE: NEW SYRIA AMID GLOBAL TRANSFORMATIONS

R. Sh. MAMEDOV [a]

[a]*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka Street, Moscow 107031, Russia*

Abstract. An attempt is made to analyse the essence of the decisions of the new Syrian authorities after the overthrow of president Bashar Assad in December 2024. It presents the key actors of this situation who made up the country's elite in the post-Assad period, and analyses the statements and actions of the new authorities led by the head of the military operations administration and leader of the terrorist organisation «Hayat Tahrir al-Sham» (is prohibited in Russia) Ahmad al-Sharaa. It is concluded that the new elite in Damascus is formed from among his proxies. It is pointed out that this situation may cause a negative reaction from other groups of the former Syrian opposition if organisation «Hayat Tahrir al-Sham» refuses to hold a political dialogue. The composition of the Syrian caretake government until March 2025 is described. Assessments of the regional and global implications of the Syrian events of December 2024 are considered.

Keywords: Syria; Assad; anti-elite; elite; Middle East.

Acknowledgements. This work was carried out with financial support of the Russian Science Foundation (project 24-78-00056).

Введение

Сирийские антиправительственные группировки во главе с организацией «Хайят Тахрир аш-Шам» (ХТШ*; здесь и далее знаком * отмечены организации, запрещенные в России), которую Совет Безопасности ООН признал террористической, начали наступление на позиции Сирийской арабской армии 27 ноября 2024 г.[1] В течение нескольких дней в рамках операции по сдерживанию агрессии пали Алеппо, Хама и Хомс. Южные регионы Сирии также были охвачены восстанием. В ночь на 8 декабря 2024 г. антиправительственные силы вторглись в Дамаск и заявили о свержении президента Башара Асада. Вместе с семьей он покинул страну. «Исходя из соображений гуманитарного характера», в Москве им было предоставлено политическое убежище[2].

В Сирии новой властью де-факто стала коалиция группировок во главе с ХТШ* и ее лидером Ахмадом аш-Шараа (Абу Мухаммедом аль-Джулани[3] – международно признанным террористом, бывшим членом организаций «Исламское государство Ирака»* (позже была переименована в «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ*)) и «Аль-Каида»*). На северо-востоке страны протурецкие сирийские группировки развивали наступление на позиции курдской коалиции «Сирийские демократические силы» (СДС) и захватили Манбидж (впоследствии появилась противоречивая информация о контроле над городом).

Сирия оказалась разделенной на две зоны. В первую зону входили территории центральной части страны и побережья Средиземного моря, контролируемые Дамаском во главе с А. аш-Шараа. Во многих районах власть была номинальной: отдельные группировки, особенно те, которые расположены на юге Сирии, не всегда подчинялись публичным указаниям новых властей в Дамаске. Ко второй зоне относились территории, контролируемые Автономной администрацией севера и востока Сирии (ААСВС), которая находилась под руководством курдских вооруженных организаций.

Сирийский кризис вызвал серьезный интерес у ученых из России и других стран. Основным трудом по новейшей истории Сирии следует назвать монографию Э. П. Пир-Будаговой [1]. Стоит отметить работу В. М. Ахмедова [2], посвященную внутриполитическому и региональному измерению сирийского конфликта, монографию М. С. Ходынской-Голенищевой [3], в которой сирийский конфликт рассматривается с точки зрения международной политики, а также книгу Л. М. Исаева и его коллег [4].

В исследовательских кругах большое внимание уделяется выявлению роли бизнес-элиты в политической жизни Сирии (см. работы А. Сихама [5] или И. А. Матвеева [6]). О состоянии изучения сирийской элиты в русскоязычной литературе А. А. Филиппов сказал следующее: «К сожалению, в русскоязычной литературе практически нет работ, посвященных изучению сирийской элиты. Хотя и признается, что основу политической власти в Сирии составляют "сложные

[1]*Lennon C.* The de facto authority in Syria is a designated terrorist group: what happens now? // United Nations : site. URL: https://news.un.org/en/story/2024/12/1158126 (date of access: 20.11.2024).

[2]Башар Асад прибыл в Москву с семьей // Интерфакс : сайт. URL: https://www.interfax.ru/world/996596 (дата обращения: 20.12.2024).

[3]Фамилия Джулани (Голани) является демонимом, указывающим на то, что предки А. аш-Шараа проживали на территории Голан. Его семья бежала из этого региона после оккупации Израилем в ходе Шестидневной войны (1967). А. аш-Шараа рос в Саудовской Аравии, где до 1989 г. его отец Хусейн Али аш-Шараа работал инженером-нефтяником. Затем семья вернулась в Сирию, а именно в Дамаск. Отец был выходцем из семьи землевладельцев из Фика (Голаны), экономистом, последователем панарабизма, насеризма, автором ряда научных работ по экономике и политике стран арабского мира. Считается, что бывший вице-президент Сирии Фарук аш-Шараа (2006–2014) приходится Х. А. аш-Шараа двоюродным братом, однако данная информация требует дополнительного подтверждения.

сочленения межобщинных, клановых, семейных равновесий, построенных на межличностных взаимных обязательствах"… как правило, изучение элит подменяется анализом власти семьи Асадов» [7, с. 118]. Несмотря на то что в настоящем исследовании обозначенная проблема не решается, оно может рассматриваться как попытка проанализировать группы, правящие в Сирии в постасадовский период.

Изучение элиты любой страны, в том числе Сирии, требует описания той политической системы, в рамках которой функционируют элементы и институты общества. В настоящее время российскую школу элитологии вслед за Г. К. Ашиным [8] развивают многие исследователи, среди которых стоит выделить О. В. Гаман-Голутвину [9].

Существуют позиционный, репутационный и децизионный (метод анализа участия) подходы к выделению политической элиты. Позиционный подход предполагает отнесение того или иного лица к элите на основании занимаемой им позиции в иерархии власти[4]. Этот подход имеет свои недостатки, но представляется наиболее применимым к изучению новой элиты Сирии на современном этапе. Кроме того, в целях уточнения отдельных выводов автор настоящей работы провел интервью с экспертами и учеными. Данный метод является наиболее оптимальным в условиях ограниченного доступа к респондентам из Сирии. Также в исследовании использовались ретроспективный метод и метод исторической реконструкции.

Ключевые акторы ситуации в Сирии в постасадовский период

В первые дни после свержения президента Б. Асада Сирией в основном управляла администрация военных операций во главе с А. аш-Шараа, в состав которой вошли лидеры группировок, захвативших власть в стране. Премьер-министр Сирии при бывшем президенте Мухаммеде Гази аль-Джаляли выступил с заявлением о том, что готов передать власть мирным путем. С 9 на 10 декабря 2024 г. стало известно, что Мухаммед аль-Башир, который являлся премьер-министром правительства спасения Сирии (ПСС), подконтрольного коалиции группировок Идлиба, назначен главой временного правительства Сирии до марта 2025 г.

Рассмотрим ключевых акторов ситуации в Сирии по состоянию на декабрь 2024 г. Затяжной характер войны в Сирии привел к радикализации ряда антиправительственных группировок. Наиболее заметной из них стала ХТШ*, которая образовалась в 2017 г. в результате слияния различных радикальных исламистских сил. Множество стран признали данную организацию террористической, связанной с другими радикальными объединениями региона, хотя члены ХТШ* публично утверждали, что они отошли от своих экстремистских истоков. Рассматриваемая группировка продолжила дело организаций «Джебхат ан-Нусра»* и «Джебхат Фатх аш-Шам»* (до 2013 г. лидеры ХТШ* находились в подчинении ИГИЛ*). До 2016 г. объединение «Джебхат ан-Нусра»* было официальным представителем организации «Аль-Каида»* в Сирии. После объявления о прекращении связей с организацией «Аль-Каида»*, что может расцениваться как прагматичный шаг ее лидеров для «обеления» сирийского отделения, оно стало называться «Джебхат Фатх аш-Шам»* [10, с. 52]. Турецкое руководство поддерживало сирийскую вооруженную оппозицию и тем самым повлияло на повышение боеспособности террористов Идлиба. За последние 2–3 года ХТШ* и другие вооруженные оппозиционные группировки вложили значительные средства в наращивание своего потенциала. В 2021 г. в Идлибе ХТШ* открыла военную академию, которую за 1 год окончили 400 офицеров. Организация развила свои возможности в системах командования и управления, усилила координацию между вооруженными группировками, а также улучшила сбор разведывательной информации и проведение операций с дронами[5].

Самым известным на международном уровне политическим оппозиционным движением является объединение «Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил» (НКСРОС). Данная коалиция была основана в ноябре 2012 г. и включала участников гражданских, исламистских и либеральных течений. Сегодня ее возглавляет Хади аль-Бахра. В Сирии представительством НКСРОС выступает временное правительство Сирии (до декабря 2024 г. оно действовало в Идлибе, однако в основном власть в этом городе принадлежала ПСС, подконтрольному ХТШ*), ее вооруженной ветвью – Сирийская национальная армия (СНА) (представительство носит условный характер, поскольку часть группировок могут действовать автономно). НКСРОС включает 12 движений: «Братство», «Представительные советы мухафаз», «Туркменский совет», «Курдский национальный совет», «Сирийское национальное движение», «Движение за будущее Сирии», «Ассирийская демократическая организация», «Совет арабских племен и кланов», «Местные советы северной Сирии», «Ассоциация независимых сирийских курдов», «Независимые личности» и «Военное представительство»[6].

[4]*Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты: подходы к определению, сущность, функции // Внутренняя политика России и международная политика : онлайн-библиотека. URL: http://polit-discourse.ru/articles/1077 (дата обращения: 13.03.2021).

[5]Американский эксперт: поведение новых правителей Сирии успокаивает Америку, но открытие посольства еще не скоро // Аль-Джазира : сайт. URL: https://www.aljazeera.net/politics/2024/12/13/خبير-أميركي-عن-تطورات-سوريا-أهم-تحول-في (дата обращения: 13.12.2024) (на араб.).

[6]Наиболее известные военные группировки и политические силы в Сирии // Новости Аль-Шарка : сайт. URL: https://asharq.com/politics/109348/تعرف-على-أبرز-الفصائل-العسكرية-والقوى-السياسية-في-سوريا/ (дата обращения: 09.12.2024) (на араб.).

До декабря 2024 г. СНА контролировала территорию на севере Идлиба и зону на севере Сирии, граничащую с Турцией. Она ведет борьбу с курдскими группировками. К ключевым группировкам СНА относятся «Национальный фронт освобождения Сирии», «Ахрар аш-Шам»*, «Джейш аль-Ислам»*, «Нур ад-Дин аз-Зенки», «Джейш аль-Изза» и т. д.[7] Турецкое руководство и военные значительно влияют на действия и организацию СНА, оказывают ей финансовую поддержку. Нужно отметить, что ее отдельные группировки являются автономными. Например, объединения «Ахрар аш-Шам»*, «Джейш аль-Ислам»* и «Аль-Джебхат аш-Шамия» имеют богатый опыт боевых действий. СНА и ее группировки участвовали в совместных операциях с ХТШ* против бывших правительственных сил Б. Асада.

Сирийская свободная армия (ССА) позиционируется как светская суннитская организация. Эта небольшая группировка подконтрольна США, которые действовали на сирийско-иорданской границе с базы в Эт-Танфе. Периодически ССА взаимодействовала с курдскими силами. Она захватила западные части Сирийской пустыни и также выступила против сил Б. Асада в декабре 2024 г. Указанная организация находится в зависимости от материально-технической и воздушной поддержки США, при этом после прихода к власти Д. Трампа в данном вопросе присутствует неопределенность. В настоящее время ССА ожидает решений центральных властей и ХТШ* относительно своей роли в новой Сирии[8].

Организация «Южный оперативный штаб» представляет собой объединение группировок в южной части Сирии, а именно в мухафазах Дараа, Эль-Кунейтра и Эс-Сувейда. В ее состав входят многие группы этнических меньшинств Сирии, однако основу составляют арабы-сунниты и друзы. Различные средства массовой информации распространяли новости о желании друзов присоединиться к Израилю, но поступали и противоположные данные. Несмотря на это, более важной являлась ситуация продвижения израильских военных на юге Сирии, которые де-факто меняли ситуацию на местах, получая власть над территориями. Друзский фактор сохранит свою значимость при установлении контроля над друзскими районами со стороны внешних сил.

Курдские интересы представлены ААСВС (курды называют эти территории «Рожава») и контролирующим ее военным альянсом СДС, в котором выделяется Рабочая партия Курдистана. СДС пользуются материально-технической и воздушной поддержкой США, они были эффективны в борьбе против террористов ИГИЛ*. До декабря 2024 г. данный альянс контролировал восточную часть Сирийской пустыни, включая границу с Ираком, Дейр-эз-Зор и населенные курдами районы северо-восточной части Сирии. Тем не менее СДС пришлось оставить свои позиции в Алеппо, Манбидже и Дейр-эз-Зоре вследствие атаки со стороны протурецких группировок СНА. Крупнейшим курдским политическим движением является Партия демократического союза, ставшая главной на севере Сирии. Она переняла и воплотила в жизнь идею Рожавы (западной части Курдистана). Партия отрицает наличие каких-либо тенденций к сепаратистскому национализму, но призывает к установлению федеральной системы в Сирии[9].

Перед новыми властями в Дамаске встал вопрос о поддержании уровня жизни населения в условиях распада государственности. Многое зависело от правительства. Предыдущее правительство выразило готовность передать все необходимые полномочия и информацию, но этот процесс требовал (особенно на первом этапе) прагматизма новых властей, изменения структуры и способа интеграции институтов «бывших параллельных Сирий». Наиболее сложный вопрос касался институтов безопасности. Новое руководство могло начать репрессировать членов армии, специальных служб и полиции, функционировавших в период нахождения у власти Б. Асада. Стоит отметить, что в новой Сирии меняется этноконфессиональный баланс в политическом процессе: алавиты перестали доминировать в военно-политическом блоке, поскольку страной управляют сунниты. Кроме того, еще в 2010-х гг. отмечалось, что трансформируются демографическая структура населения и его расположение: принадлежащие к тем или иным религиозным меньшинствам лица, которые ввиду конфликта вынуждены изменить место проживания, поселяются только среди единоверцев [11, с. 79]. Также важным вопросом являются отношения Дамаска с региональными и глобальными державами.

Экономические нужды Дамаска требовали внимания к северо-восточным районам страны, богатым нефтью и зерном. Действующая под эгидой членов Рабочей партии Курдистана ААСВС вела переговоры с Дамаском во главе с А. аш-Шараа. Однако для последнего данный вопрос оказался сложным, поскольку курдский проект пользовался поддержкой США и Израиля. Стоит отметить, что ААСВС и А. аш-Шараа исходили из необходимости получения курдами автономии. Однако Дамаск был готов предоставить ее на территориях, населенных курдами, что требовало определения и сужения района, на который они претендовали. Само руководство ААСВС собиралось получить автономию на тех территориях, которые были им подконтрольны. Этот конфликт вместе с нарастающим давлением Турции на Дамаск, скорее всего, привел бы к дальнейшим боевым действиям и противоречиям между сторонами.

[7] Who are Hayat Tahrir al-Sham and the Syrian groups that took Aleppo? // Al-Jazeera : site. URL: https://www.aljazeera.com/news/2024/12/2/hayat-tahrir-al-sham-and-the-other-syrian-opposition-groups-in-aleppo (date of access: 02.12.2024).

[8] *Arraf J.* Syria's US-trained opposition fighters wait to learn of their role in a new Syria // NPR : site. URL: https://www.npr.org/2024/12/31/g-s1-39955/syria-opposition-fighters-hts-military-us (date of access: 31.12.2024).

[9] Наиболее известные военные группировки и политические силы в Сирии // Новости Аль-Шарка : сайт. URL: https://asharq.com/politics/109348/تعرف-على-أبرز-الفصائل-العسكرية-والقوى-السياسية-في-سوريا/ (дата обращения: 09.12.2024) (на араб.).

Временное правительство Сирии и состояние военно-политического блока страны

В литературе, посвященной анализу политической элиты, употребляется понятие «контрэлита», которое обозначает группу лиц, ориентированных на замещение правящей элиты. Однако в сирийском контексте радикальную вооруженную оппозицию режиму Б. Асада следует определить термином «антиэлита», который обозначает группу лиц, радикально настроенных по отношению к правящей элите и ставящих целью разрушение существующей политической системы (переговоры и компромиссы с правящей властью исключаются) [12, с. 40]. Таким образом, бывшая антиэлита является новой правящей в Сирии элитой. Важно отметить, что элиту часто делят на бизнес-элиту, политическую и военную элиту. В рамках настоящей статьи анализируется военно-политический блок при новых властях. Вместе с тем фиксируется необходимость дальнейшего изучения новой бизнес-элиты Сирии, поскольку исследование экономических процессов требует большого количества времени ввиду того, что их направленность еще не ясна. С учетом наличия связи между новыми властями и сирийско-британским предпринимателем Айманом Асфари[10] предполагается, что в Сирии значительное внимание будет уделяться бизнес-интересам Турции, Катара и Великобритании.

Политический блок. В Сирии политический блок управления связан с администрацией военных операций и подконтрольным ей временным правительством Сирии (бывшим ПСС) с центром в Дамаске с одной стороны и руководством ААСВС с другой стороны. Вместе с тем 16 декабря 2024 г. в ходе встречи руководителя новой администрации А. аш-Шараа со специальным посланником ООН в Сирии Г. Педерсеном обсуждалась необходимость «пересмотра резолюции 2254 (принята Советом Безопасности ООН 18 декабря 2015 г. – *Р. М.*) с учетом изменений, произошедших на политической сцене и делающих важным обновление резолюции, чтобы она соответствовала новой реальности»[11] (здесь и далее перевод наш. – *Р. М.*). А. аш-Шараа призвал подойти к вопросу политического транзита «без спешки».

В декабре 2024 г. временное правительство Сирии взяло на себя функции и полномочия правительства, существовавшего при Б. Асаде. Политики НКСРОС, находящиеся в разных ближневосточных и европейских странах, были лишены таких возможностей, хотя и продолжали публично поддерживать новое правительство в Дамаске. Соответственно, данные действия А. аш-Шараа могут рассматриваться как заявка на закрепление его движения в качестве центральной силы в новой Сирии. Верность этого мнения подтверждается решением лидеров вооруженных группировок и администрации военных операций от 29 января 2025 г., состоящим в объявлении А. аш-Шараа президентом страны на переходный период, а также в прекращении действия прежней конституции и роспуске парламента[12].

Временное правительство Сирии. Состав временного правительства Сирии представлен в таблице.

Состав временного правительства Сирии

Composition of the Syrian caretaker government

Должность	Ответственное лицо	Характеристика
Премьер-министр (с 10 декабря 2024 г.)	Мухаммед аль-Башир	Член ХТШ*. Родился в 1986 г. в мухафазе Идлиб. В Алеппском университете получил несколько квалификаций в сфере инженерии и административного планирования. В 2021 г. в Идлибском университете получил образование в области шариата (диплом с отличием). В ПСС занимал пост премьер-министра
Министр административного развития, министр социальных и трудовых дел (с 10 декабря 2024 г.)	Фади аль-Касем	Член ХТШ*. Родился в 1980 г. в мухафазе Идлиб. В 2003 г. в Алеппском университете получил степень бакалавра гражданского строительства и продолжил обучение в аспирантуре, где изучал городское планирование и управление проектами. Работал инженером в государственном и частном секторах, участвовал в реализации проектов по развитию инфраструктуры в различных сирийских мухафазах. В ПСС занимал пост министра развития и гуманитарных вопросов

[10]Автор настоящей статьи предлагает уделить особое внимание фигуре А. Асфари, занимающего руководящие позиции в энергетических компаниях *Petrofac* и *Venterra Group Plc*), поскольку он финансировал оппозиционные и радикальные группировки в Идлибе и имел прямые контакты с А. аш-Шараа (см.: Кто займет пост главы нового правительства Сирии? // Калибр.аз : сайт. URL: https://caliber.az/post/kto-zajmet-post-glavy-novogo-pravitelstva-sirii (дата обращения: 25.02.2025)).

[11]Лидер новой администрации Сирии Ахмад аш-Шараа обсудил с Гейром Педерсеном необходимость пересмотра резолюции 2254 // Сирийское арабское информационное агентство : сайт. URL: https://sanasyria.org/?p=2177895 (дата обращения: 16.12.2024) (на араб.).

[12]Официальное заявление о победе сирийской революции // Сирийское арабское информационное агентство : сайт. URL: https://sana.sy/?p=2186367 (дата обращения: 30.01.2025) (на араб.).

Продолжение таблицы
Continuation of the table

Должность	Ответственное лицо	Характеристика
Министр сельского хозяйства и аграрных реформ (с 10 декабря 2024 г.)	Мухаммед аль-Ахмад	Член ХТШ*. Родился в 1982 г. в Хаме. В 2007 г. в Алеппском университете получил степень бакалавра сельскохозяйственного машиностроения. В 2012 г. в Каирском университете окончил магистратуру в сфере финансово-экономической оценки сельскохозяйственных проектов. В 2020 г. в Идлибском университете получил докторскую степень в области развития сельского хозяйства. В ПСС занимал должность министра экономики и ресурсов, а также должность министра сельского хозяйства и ирригации. В 2017 г. в Идлибе стал руководителем гражданской администрации и служб
Министр связи и информационных технологий (с 10 декабря 2024 г.)	Хусейн аль-Масри	Независимое лицо
Министр обороны (с 21 декабря 2024 г.)	Мурхаф Абу Касра	Член ХТШ*. Родился в 1984 г. в мухафазе Хама. Имеет образование инженера-агротехника. В течение 5 лет занимал пост командующего военным крылом ХТШ*. Ему приписывается организация действий, в результате которых антиправительственные силы взяли под контроль крупнейшие города страны, включая Дамаск. Известен как Абу Хасан аль-Хамави и Абу Хасан 600[13]
Министр экономики и внешней торговли, министр промышленности (с 10 декабря 2024 г.)	Басель Абдель Азиз	Член ХТШ*. В 2009 г. в Алеппском университете получил степень бакалавра энергетики. Окончил курсы повышения квалификации по экономике, стратегическому планированию и управлению человеческими ресурсами. Работал преподавателем на факультете машиностроения в Алеппском университете. В ПСС занимал пост министра экономики и ресурсов
Министр образования (с 10 декабря 2024 г.)	Назир аль-Кадри	Член ХТШ*. Родился в 1970 г. в Дамаске. В Дамасском университете получил степень бакалавра арабского языка и 18 лет проработал учителем арабского языка. Провел 10 лет в тюрьме и был освобожден в 2018 г. В ПСС реализовывал образовательные планы
Министр вакуфов (с 10 декабря 2024 г.)	Хусам Хадж Хусейн	Член ХТШ*. Родился в 1977 г. в мухафазе Идлиб. В Дамасском университете получил степень бакалавра шариата. В 2002 г. начал работать преподавателем исламского права. Занимался административной и пропагандистской работой на территориях, подконтрольных оппозиции. В ПСС находился на должности министра вакуфов
Министр электроэнергии (с 10 декабря 2024 г.)	Омар Шакрук	Член ХТШ*. Бывший генеральный директор корпорации *General Electricity Corporation* (Идлиб) и генеральный директор организации *Green Energy Company* (Идлиб). В 2018 г. вследствие местных разборок группировок был задержан в мухафазе Идлиб, однако позже был освобожден[14]. В ПСС занимал руководящие должности в сфере электроэнергетики
Министр финансов (с 31 декабря 2024 г.)	Мухаммед Абазейд	Независимое лицо
Министр иностранных дел и экспатриантов (с 21 декабря 2024 г.)	Асаад Хасан аш-Шайбани	Член ХТШ*. Родился в 1987 г. в Эль-Хасаке. В 2009 г. в Дамасском университете получил образование в области английского языка и литературы. В Стамбульском университете имени Сабахаттина Заима получил степень доктора политических наук и международных отношений. В 2011 г. присоединился к оппозиции и занимался гуманитарной деятельностью. Под псевдонимами, например Заид аль-Аттар, был директором по международным связям ХТШ* и директором политической администрации ПСС в Идлибе

[13]Murhaf Abu Qasra appointed minister of defense in Syria // Enab Bladi : site. URL: https://english.enabbaladi.net/archives/2024/12/murhaf-abu-qasra-appointed-minister-of-defense-in-syria/ (date of access: 31.12.2024).

[14]Национальный фронт освобождения Сирии арестовал инженера Омара Шакрука, директора корпорации *General Electricity Corporation* // Сирийская память : сайт. URL: https://syrianmemory.org/archive/documents/61c705e72a5e080001396ae4# (дата обращения: 28.02.2018) (на араб.).

Продолжение таблицы
Continuation of the table

Должность	Ответственное лицо	Характеристика
Директор Службы общей разведки (с 10 декабря 2024 г.)	Анас Хаттаб	Член ХТШ*, занимал должность главы аппарата безопасности. Родился в 1987 г. в Дамаске. В Дамасском университете изучал архитектуру, но уехал в Ирак, не завершив обучение. В 2000-х гг. в Ираке под именем Абу Ахмад Худуд начал джихадистскую карьеру и присоединился к организации «Джамаат ат-Таухид валь-Джихад»*. В 2012 г. вернулся в Сирию в составе объединения «Джебхат ан-Нусра»* (руководил ею и отвечал за личную безопасность лидера А. аш-Шараа). В Идлибе и прилегающих районах создал Службу разведки ХТШ* и Службу общей безопасности ХТШ*, а также руководил ими. ООН включила его в списки террористов 23 сентября 2014 г.[15]
Директор Главного таможенного управления (с 31 декабря 2024 г.)	Кутайба Ахмад Бадави	Член ХТШ*. Родился в мухафазе Идлиб. По данным средств массовой информации, входит в круг А. аш-Шараа и, возможно, является его двоюродным братом. В Идлибе был одним из наиболее влиятельных лиц в экономических вопросах, воздействовал на работу границ и контрольно-пропускных пунктов[16]
Министр высшего образования и научных исследований (с 10 декабря 2024 г.)	Абдель Монейм Абдель Хафиз	Член ХТШ*. Родился в 1961 г. в мухафазе Идлиб. В 1983 г. в Алеппском университете получил степень бакалавра естественных наук. В 1991 г. в Руанском университете стал доктором наук в области молекулярной и клеточной биологии. В ПСС занимал должность министра высшего образования и научных исследований
Министр информации, министр культуры (с 10 декабря 2024 г.)	Мухаммед аль-Омар	Член ХТШ*. Родился в 1985 г. в Хан-ас-Сабиле. Имеет образование в области политологии. С 2012 по 2019 г. в качестве журналиста освещал наиболее известные сражения на севере Сирии. Работал в пресс-службе коалиции «Джейш аль-Фатх». В ПСС занимал должность в руководстве управления информацией
Министр здравоохранения (с 16 декабря 2024 г.)	Махер аш-Шараа	Член ХТШ*. Брат руководителя администрации военных операций и лидера ХТШ* А. аш-Шараа. Родился в 1973 г. в Дамаске. Специализируется на гинекологической хирургии, лечении бесплодия и фертильности. В Воронежском государственном медицинском университете имени Н. Н. Бурденко получил степень кандидата медицинских наук. В ПСС работал советником министра здравоохранения и министром здравоохранения
Министр внутренних дел (с 10 декабря 2024 г.)	Мухаммед Абдель Рахман	Член ХТШ*. С 2022 г. в ПСС занимал пост министра внутренних дел. Родился в мухафазе Идлиб. Окончил военный колледж в Хомсе. В 2012 г. дезертировал из Сирийской арабской армии и присоединился к группировкам сирийской оппозиции. Состоял в руководстве коалиции «Джейш аль-Фатх»[17]
Министр внутренней торговли и защиты прав потребителей (с 10 декабря 2024 г.)	Махер Халил аль-Хасан	Независимое лицо
Министр юстиции (с 10 декабря 2024 г.)	Шади Мухаммед аль-Вайси	Член ХТШ*. Родился в 1985 г. в мухафазе Алеппо. Имеет степень бакалавра исламского права, готовит магистерскую диссертацию по исламским и судебным исследованиям. Являлся одним из основателей шариатского комитета «четверки» в Алеппо[18]. В отделении «Джебхат ан-Нусра»* организации «Аль-Каида»* был шариатским судьей[19]

[15]Анас Хаттаб: глава сирийской разведки после свержения Асада // Аль-Джазира : сайт. URL: https://www.aljazeera.net/encyclopedia/2024/12/29/أنس-خطاب-رئيس-جهاز-الاستخبارات (дата обращения: 30.12.2024) (на араб.).

[16]*аль-Джаафари И.* Опасения по поводу руководства Ахмада аль-Шараа в переходный период в Сирии // Аль-Модон : электрон. газ. 2024. 23 дек. URL: https://www.almodon.com/opinion/2024/12/23/هواجس-على-هامش-حكم-أحمد-الشرع (дата обращения: 24.12.2024) (на араб.).

[17]Состав министров временного правительства Сирии после свержения Асада // Аль-Джазира : сайт. URL: https://www.aljazeera.net/encyclopedia/2024/12/25/تشكيلة-الوزراء-في-حكومة-تصريف-الأعمال (дата обращения: 25.12.2024) (на араб.).

[18]Там же.

[19]О составе временного правительства Сирии // Рыбарь : сайт. URL: https://rybar.ru/o-sostaveperehodnogopravitelstva-sirii/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 07.01.2025).

Окончание таблицы
Ending of the table

Должность	Ответственное лицо	Характеристика
Министр местного самоуправления и охраны окружающей среды, министр общественных работ и жилищного строительства (с 10 декабря 2024 г.)	Мухаммед Муслим	Член ХТШ*. Родился в 1980 г. в мухафазе Идлиб. В 2003 г. в Алеппском университете получил образование в области гражданского строительства. С 2013 по 2015 г. работал главой местного совета в Маарrат-эн-Нумане, затем был назначен директором департамента технических услуг в мухафазе и курировал предоставление основных услуг и реализацию проектов по реконструкции. В ПСС занимал должность заместителя министра местного самоуправления и услуг
Министр нефти и минеральных ресурсов (с 9 января 2025 г.)	Гияс Диаб	Независимое лицо. Родился в Дамаске. Имеет сирийское и палестинское гражданство. В Дамасском университете получил образование в области нефтяного машиностроения. Обладает опытом управления природными ресурсами
Министр туризма, министр транспорта (с 10 декабря 2024 г.)	Бахааддин Шарм	Независимое лицо
Министр водных ресурсов (с 10 декабря 2024 г.)	Осама Абу Зайд	Независимое лицо
Министр по делам женщин (с 22 декабря 2024 г.)	Айша ад-Дибс	Родилась в Дамаске. В первом публичном выступлении заявила о стремлении расширить права и возможности женщин во всех сферах политической, культурной и общественной жизни. Однако ее позиция непостоянна: позднее министр заявила о неприятии секуляризма, назвала шариат единственным руководящим принципом для Сирии

Военный блок. В условиях распада государственности на первый план выдвигаются вопросы безопасности. Касательно военного преобразования Сирии 25 декабря 2024 г. руководители революционных группировок объявили о согласии объединить их под эгидой Министерства обороны Сирии. В то же время в публичном пространстве стало известно об открытии центров урегулирования для сотрудников армии и служб безопасности прежнего режима. Новые власти приказали всем членам бывшей системы безопасности Сирии явиться в эти центры и получить временные удостоверения. При себе необходимо было иметь документы, оборудование и договоры. В случае непредоставления сведений или предоставления ложной или неполной информации лицо несло уголовную ответственность[20]. Таким образом, новые власти тщательно изучали бывших членов армии и специальных служб.

О президентстве А. аш-Шараа было сообщено 29 января 2025 г. путем публикации заявления, составленного по итогам проведения конференции по объявлению победы сирийской революции. На ней присутствовали в основном военные лидеры бывших оппозиционных (лояльных ХТШ*) группировок, что многое говорит о том, в чем новое руководство видит источник своей легитимности. Для понимания сущности новых властей следует перечислить лидеров группировок (помимо ХТШ*), которым было предоставлено слово на данной конференции. Амер аш-Шейх (Абу Убайда) представлял объединение «Ахрар аш-Шам»*, Ахмед Исса Закария аль-Шейх (Абу Исса) – организацию «Сукур аш-Шам», Аззам аль-Гариб (Абу аль-Изз Саракиб) – объединение «Аль-Джебхат аш-Шамия», Фадлалла аль-Хаджи – группировки «Файлак аш-Шам» и «Национальный фронт освобождения Сирии», Иссам аль-Бувейдани (Абу Хаммам аль-Бувейдани) – организацию «Джейш аль-Ислам»*, Фахим Исса – дивизию «Султан Мурад», Сейфеддин Булад (Сейф Абу Бакр) – дивизию «Хамза», Ахмад Ихсан Файяд Аль-Хайяс (Абу Хатем Шакра) – группировку «Ахрар аш-Шаркия», Мухаммед аль-Джасем (Абу Амша) – дивизию «Султан Сулейман Шах», Салем Турки аль-Антари – ССА, Джамиль Салех – группировку «Джейш аль-Изза», Эсмат аль-Абси – Южный фронт СНА[21]. В условиях распада институтов предыдущего режима бывшие повстанцы и террористические элементы оказались на пути к интеграции в военно-политические органы и к организации новой сирийской армии.

Тем не менее не все оппозиционные группировки были готовы к роспуску и вхождению в состав Министерства обороны Сирии. Так, Ахмад аль-Ауда

[20]Бывшие члены режима стучатся в двери центров урегулирования в Дамаске // Аш-Шарк аль-Аусат : электрон. версия газ. 2024. 24 дек. URL: https://aawsat.com/العالم-العربي-المشرق/العربي-5094841-عناصر-من-النظام-السابق-يطرقون-أبواب-التسوية-في-دمشق (дата обращения: 24.12.2024) (на араб.).

[21]Официальное заявление о победе сирийской революции [Электронный ресурс] // Телеграм-канал Сирийского арабского информационного агентства. URL: https://t.me/SyrianArabNewsAgency/122179 (дата обращения: 29.01.2025) (на араб.).

(бывший командир 8-й бригады 5-го корпуса Сирийской арабской армии, сформированной из числа прошедших через процесс примирения с правительством Б. Асада повстанцев на юге Сирии при поддержке России; влиятельный командующий организацией «Южный оперативный штаб») отказался распускать силы, сосредоточенные в южных мухафазах[22]. СДС также ведут переговоры с Дамаском, сохраняя свои вооруженные формирования. Следует отметить, что отдельные группировки бывшей Сирийской арабской армии, будучи ослабленными, ушли в подполье[23].

В связи с вышесказанным необходимо выявить причины, которыми руководствовалась ХТШ* при выборе лиц для их назначения на ту или иную должность в блоке безопасности Сирии. Проанализировав данные таблицы, можно установить факт того, что в правительство и будущую армию организация продвигала своих членов и связанных с ней лиц. Так, министром обороны был назначен М. А. Касра, директором Службы общей разведки – А. Хаттаб, министром внутренних дел – М. А. Рахман, министром юстиции – Ш. М. аль-Вайси. Важным аспектом представляется наличие в рядах ХТШ* иностранных боевиков. По мнению эксперта по радикальным группировкам Айменна Джавада ат-Тамими, «…одним из основополагающих принципов ХТШ (запрещена в России. – *Р. М.*) является то, что она не предаст и не выдаст мухаджиров (переселенцев. – *Р. М.*) их родным странам. В то же время это может стать проблемой, если их просто оставят там на произвол судьбы. Поэтому их интеграция в новые сирийские структуры – лучшая стратегия, которая отвечает обеим целям»[24].

Таким образом, позиционный подход к изучению элиты позволяет сделать вывод о том, что руководство ХТШ* и лично А. аш-Шараа предпочли (по крайней мере на первоначальном этапе) не идти по пути инклюзивного распределения политических позиций. А. аш-Шараа назначал на ответственные должности проверенных лиц, большая часть из которых уже исполняли обязанности в подчиненном ему ранее ПСС. Тем не менее именно от траектории развития в области интеграции других оппозиционных политических сил и будет зависеть отношение остальной сирийской оппозиции и международных сил к новым властям в Дамаске[25]. Несмотря на заявления А. аш-Шараа о приверженности к проведению политического диалога, существовали опасения вокруг того, каким образом состоится национальная конференция, по итогам которой будут проведены выборы и должна быть написана конституция. ХТШ* могла принять решение об ином пути развития, затягивая процесс и объясняя все необходимостью обеспечить безопасность для проведения соответствующих процедур. Конференция по сирийскому национальному диалогу прошла 25 февраля 2025 г. В ней не смогли принять участия некоторые лидеры оппозиционного движения в диаспоре, например Джордж Сабра (проживает во Франции), представители СДС и другие лица, поскольку организаторы разослали приглашения за 2 дня до проведения мероприятия. По итогам конференции комитет призвал к принятию временной конституционной декларации и созданию временного законодательного совета, чтобы помочь определить будущее страны. Информация об иных значимых решениях, например о датах проведения всеобщих выборов, не поступала.

Региональное и глобальное измерение последствий событий, произошедших в декабре 2024 г. в Сирии

В краткосрочной перспективе усилятся позиции Анкары на Ближнем Востоке. В сложившейся ситуации именно Турция, готовившая группировки Идлиба, выступает ключевым выгодоприобретателем. Руководство Анкары решало такие значимые проблемы, как возвращение сирийских беженцев и расширение зоны безопасности в борьбе против Рабочей партии Курдистана, которая считается в Анкаре террористической. Ситуация в Сирии после свержения Б. Асада усилила интерес США и государств Европы к Турции. Такие политики, как канцлер Германии О. Шольц и глава Европейской комиссии У. фон дер Ляйен, обсудили с Р. Т. Эрдоганом сохранение территориальной целостности Сирии. Государственный секретарь США Э. Блинкен также прибыл в Турцию для рассмотрения сирийского вопроса. Европейские страны ищут пути возвращения сирийских беженцев, приостановив изучение заявлений о предоставлении убежища[26].

На региональном уровне действия Анкары если не уничтожили, то резко ослабили коалицию «Ось

[22]South Syria militants «not convinced» to give up arms amid rift with HTS leader // PressTV : site. URL: https://www.presstv.ir/Detail/2025/01/08/740541/South-Syria-militants-refuse-give-up-weapons-HTS-leader-Bashar-al-Assad (date of access: 08.01.2025).

[23]Al-Watan: сирийские силовики захватили в Хаме штаб сторонников бывшего режима // ТАСС : сайт. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22783797 (дата обращения: 27.12.2024).

[24]«Foreign jihadists» in Syria leader's pick for army officers: monitor, experts // France24 : site. URL: https://www.france24.com/en/live-news/20241230-foreign-jihadists-in-syria-leader-s-pick-for-army-officers-monitor-experts (date of access: 30.12.2024).

[25]*Мардасов А. Г., Семенов К. В.* Новая власть Сирии: сильные и слабые стороны // Российский совет по международным делам : сайт. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-vlast-sirii-silnye-i-slabye-storony/ (дата обращения: 25.12.2024).

[26]Несколько стран Европы приостановили предоставление убежищ сирийским беженцам // Интерфакс : сайт. URL: https://www.interfax.ru/world/996819 (дата обращения: 19.12.2024).

сопротивления», с членами которой Иран долго строил отношения в целях противодействия Израилю и США. Сирия была ключевым элементом иранской стратегии в регионе. Такая ситуация вызвала недовольство в Тегеране, который стал опасаться за свою безопасность в условиях нарастающего давления Израиля и США. Кроме того, усиление Турции может вызвать и реакцию арабских государств, в первую очередь монархий Персидского залива (кроме Катара, который имел эффективные контакты с сирийскими группировками и поддерживал Анкару).

В среднесрочной перспективе арабские страны могут негативно воспринять усиление позиций Турции в регионе и начать сдерживать Анкару. Новые власти в Дамаске, возможно, не устроят ОАЭ, Саудовскую Аравию и Египет, что подтверждается мнением советника президента ОАЭ Анвара Гаргаша: «От новых правителей страны мы слышим рациональные слова о единстве, а не о навязывании системы всем сирийцам… Но природа новых сил, принадлежность к организациям "Братья-мусульмане" и "Аль-Каида" (запрещены в России. – *Р. М.*)… это индикаторы, которые весьма тревожны»[27]. Тем не менее в декабре 2024 г. и январе 2025 г. министры иностранных дел всех государств Персидского залива встретились с сирийским коллегой А. Х. аш-Шайбани.

Ряд исследователей предполагают, что Турция получила не только выгоду. Миллионы беженцев, сотни тысяч переселенцев, тысячи террористов, гуманитарная катастрофа стали серьезной социально-экономической нагрузкой для новых властей и Анкары. Сирия, как и руководящая государством ХТШ*, остается под международными санкциями. Ее основная экономическая база (нефтяные и аграрные ресурсы) находится под контролем СДС, пользующихся материально-технической поддержкой США и вызывающих симпатию у Израиля.

Израиль, фактически денонсировав соглашение о разделении сил с Сирией от 31 мая 1974 г., стал одним из ключевых акторов рассматриваемой ситуации. Израильские войска были введены на сирийские приграничные территории в районе Голан «с целью не дать никаким враждебным силам закрепиться прямо на границе с Израилем»[28]. Данный шаг был обозначен в качестве «временной оборонительной позиции»[29]. Таким образом, Израиль получил скорее краткосрочную выгоду от произошедших в Сирии событий. Убийство лидеров движений «ХАМАС» и «Хезболла», резкое ослабление их боевых возможностей, убийство ряда высокопоставленных иранских генералов, а также свержение режима Б. Асада привели к резкому снижению влияния Ирана на Ближнем Востоке.

В то время как израильские войска оккупировали южные населенные пункты Сирии, новые власти в Дамаске во главе с А. аш-Шараа заявили, что не станут воевать против Израиля. Тем не менее в среднесрочной перспективе нельзя гарантировать, что в Сирии не будет сформировано политическое руководство, настроенное враждебно по отношению к Израилю. Вероятно, именно с этим связаны активные бомбардировки Израилем всей доступной военной инфраструктуры бывшей Сирийской арабской армии, направленные на то, чтобы не допустить новое руководство к запасам вооружений старого режима (уничтожены флот, средства противовоздушной обороны и другая техника)[30]. Таким образом, в качестве действующего на линии соприкосновения с Сирией и Турцией актора выступают не силы режима Б. Асада, а израильские войска, что вскоре может привести к конфликтам между этими странами.

На глобальном уровне в результате свержения режима Б. Асада возник вопрос о сохранении российского присутствия в Сирии. В 2014 и 2015 гг. террористы ИГИЛ* контролировали обширные территории, по всей стране продолжались боевые действия между правительством и вооруженной оппозицией. Именно тогда Россия встала на сторону правительства в Дамаске с целью уничтожить террористические группы в Сирии, поддерживая при этом контакты с сирийской оппозицией. После начала астанинского процесса в Сирии были созданы зоны деэскалации, вследствие чего удалось резко снизить уровень насилия. Тем не менее межсирийские политические переговоры были неэффективными.

Ожидавшийся перезапуск политического процесса в Сирии по итогам войны не состоялся. Руководство страны не принимало политических решений в отношении реинтеграции общества (создание конституционного комитета, предложенного членами астанинской «тройки», было шансом для политического примирения отдельных частей общества), не применяло необходимых мер по купированию рисков (не восстанавливало государственные институты, в первую очередь армию), не прорабатывало вопроса о рекрутировании в правовое поле части бывших оппозиционных, но прагматичных политиков и бизнесменов. Как отметил президент Движения национального строительства Анас Джуда, попытки провести реформы провалились, как и в конце 2000-х гг., когда группа политических

[27]UAE official says new Syria leaders' Islamist ties «worrying» // Hindustan Times : site. URL: https://www.hindustantimes.com/world-news/uae-official-says-new-syria-leaders-islamist-ties-worrying-101734193912640.html (date access: 14.12.2024).
[28]*Миргород Д. А.* Новая Сирия – новый Ближний Восток // Россия в глобальной политике : сайт. URL: https://globalaffairs.ru/articles/novaya-siriya-mirgorod/ (дата обращения: 10.12.2024).
[29]Там же.
[30]Там же.

деятелей, включавшая исламистов, представила план национального примирения президенту Б. Асаду (однако на процесс влияли антагонисты – турки и иранцы). В свою очередь, сирийская политическая оппозиция не только не справилась с установлением отношений с правительством и большой частью гражданского общества, но и уступила главенство представительства в Сирии радикальным группам вроде ХТШ*. В условиях сокращения ресурсов у России и Ирана (союзников Дамаска) и не оправдавшихся надежд после возобновления членства Сирии в Лиге арабских государств в 2023 г. вряд ли было возможно предполагать, что реализуется более позитивный сценарий.

По итогам событий декабря 2024 г. Россия установила контакты с новыми центрами силы в Сирии, поскольку этот шаг требовался для ведения внешней политики, а также предоставила политическое убежище Б. Асаду и его семье. Следует отметить, что в 2017 г. Москва и Дамаск продлили соглашение о присутствии российских сил на территории Сирии на 49 лет. В настоящее время российские военнослужащие находятся на авиабазе «Хмеймим» на северо-западе Сирии, а также в пункте материально-технического обеспечения военно-морской базы в Тартусе. В. В. Путин 19 декабря 2024 г. заявил, что Россия планирует использовать военные базы в Сирии для доставки гуманитарной помощи, но «это будет зависеть от совпадения интересов с новым сирийским руководством»[31]. Возможно, условия присутствия российских военных баз в Сирии будут обновлены, однако, по словам В. В. Путина, ряд стран Ближнего Востока заинтересованы в нем. К такому выводу могут прийти и новые власти в Дамаске.

Как указал Г. В. Лукьянов, несмотря на объявленную готовность временного правительства Сирии принять российское военное присутствие, по мере того как новая власть будет укрепляться, это военное присутствие будет сокращаться. В настоящий момент Россия нужна новому правительству во главе с ХТШ* как одна из стран, которая может легитимизировать его претензии на власть и содействовать достижению баланса в переговорах с другими государствами, например с Турцией и США. Однако позиция легитимизирующего актора – шаткая основа для продвижения российских стратегических интересов[32]. Следует заметить, что для России сирийский вопрос не занимает приоритетного места во внешнеполитической повестке дня. Тем не менее страна может опереться на созданный ею в Сирии социальный капитал: средний офицерский состав бывшей Сирийской арабской армии, полевых командиров сирийской оппозиции, с которыми она вела переговоры, а также на этнические и религиозные меньшинства, находящиеся сейчас под угрозой уничтожения[33]. Также Г. В. Лукьянов отметил: «Важно понимать, что за эти годы при всех проблемах сирийской системы образования в школах был введен русский язык. Росла прослойка молодых людей нового поколения, которые связывали свое будущее с русской культурой. <…> Это уже не просто актив и ресурс, а, возможно, что-то большее»[34]. Вместе с тем эксперты подчеркивают, что для продвижения российских позиций и укрепления отношений с новой Сирией необходимо грамотное целеполагание. Так, принимающие решения лица часто считают гуманитарные и предпринимательские контакты с определенными странами Ближнего Востока ненадежными, что негативно влияет на продвижение таких связей. По мнению Н. В. Сухова[35], помимо целеполагания, следует отталкиваться от конкретных ресурсов, в том числе от кадров, которые обеспечили бы необходимую коммуникацию (например, немногочисленность арабистов объясняется разрывом поколений). Решение подобных задач позволило бы развить связи с сирийцами, что стимулировало бы дальнейшие межгосударственные контакты. На текущем этапе приоритетом Москвы является сохранение отношений между народами, а также авиабазы и пункта материально-технического обеспечения военно-морской базы, которые полезны с точки зрения продвижения российских проектов в Ливии и Сахеле.

В отношении США можно сказать, что стратегия свержения режима путем экономического удушения (применения санкций, захвата нефтегазовых полей, выжигания сельскохозяйственных угодий), вооружения и подготовки антиправительственных группировок, выстраивания необходимых региональных балансов, направленных против Б. Асада, дала свои результаты. Сейчас государство продолжает поддерживать СДС, которые на северо-востоке Сирии контролируют наиболее полезные сельскохозяйственные

[31] *Гасымов Н., Романов Р.* Путин рассказал о судьбе российских баз в Сирии // Ведомости : электрон. версия газ. 2024. 20 дек. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/12/20/1082627-putin-rasskazal-o-sudbe-rossiiskih-baz-v-sirii (дата обращения: 20.12.2024).

[32] *Острякова Е.* Лукьянов: Россия в Сирии должна очень поторопиться – и сохранить военные базы, и защитить «своих» сирийцев // Политнавигатор : сайт. URL: https://www.politnavigator.news/lukyanov-rossiya-v-sirii-dolzhna-ochen-potoropitsya-i-sokhranit-voennye-bazy-i-zashhitit-svoikh-sirijjcev.html (дата обращения: 12.12.2024).

[33] Там же.

[34] Там же.

[35] Н. В. Сухов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН. Ранее он являлся старшим советником по политическим вопросам офиса специального представителя Генерального секретаря ООН по Сирии в Дамаске, а также руководителем Русского дома в Дамаске (до 2024 г.).

поля и нефтедобычу. Очевидно, что контакты США с вооруженной сирийской оппозицией и ХТШ* были установлены ранее. В 2021 г. бывший посол США Дж. Джеффри публично заявил, что он проигнорировал сообщение ХТШ* с просьбой о поддержке со стороны США, которое организация направила в Вашингтон[36]. Однако 15 декабря 2024 г. в Акабе Э. Блинкен сказал: «Да, мы контактировали с ХТШ (запрещена в России. – *Р. М.*) и другими сторонами»[37].

Администрация Дж. Байдена дала понять, что стремится прагматично относиться к реалиям в Сирии и взвешивает, стоит ли исключить из списка террористических организаций сирийскую джихадистскую группировку, которая свергла режим Б. Асада. Тем не менее некоторые американские аналитики отмечают, что это решение «должно быть заслуженным… особенно когда речь идет о джихадистской группировке у власти»[38].

Заключение

Представителей новой элиты в Дамаске ожидает тяжелый период консолидации и восстановления. Результаты зависят от их собственных действий, региональных и глобальных сил. Продвижение политического процесса при поддержке ООН и международных акторов в соответствии с резолюцией 2254 может не состояться ввиду характера и дальнейшего изменения отношений между группировками, пришедшими к власти в Дамаске.

Включив в состав правительства и военного блока лиц из близкого круга А. аш-Шараа, в том числе бывших членов ПСС и организации «Аль-Каида»*, ХТШ* показала, что собирается двигаться в сторону признания себя в качестве центральной силы в новой Сирии. Новая элита использует умеренную риторику в отношении религиозных групп, однако на деле положение этноконфессиональных меньшинств ухудшается. В предстоящих условиях внутреннего раскола в бывшей сирийской антиэлите, разнохарактерной по составу, и репрессирования представителей предыдущей власти способность Дамаска обеспечить безопасность является неоднозначной. Такие действия ХТШ* могут вызвать неприятие со стороны бывшей политической оппозиции режиму Б. Асада из НКСРОС и представителей южной части страны, что продлит период нестабильности в Сирии.

Трансформация регионального порядка требует способности к действию тех держав, которые стремятся закрепить свое место в нем. Регион продолжит испытывать урон от различных противоречий, включая израильско-иранское противостояние. Можно предположить, что Иран и арабские страны будут сдерживать Турцию, однако тон зададут израильские действия в отношении Сирии. На глобальном уровне Россия будет стремиться сохранить свои базы на сирийском побережье, что может стать предметом договора с новым правительством, заинтересованным в выстраивании баланса в отношениях с другими странами.

Вместе с тем может реализоваться и негативный сценарий. США будут учитывать возможные последствия для Израиля и своих интересов в Сирии. Существуют различные пути американского участия в данном процессе. Несмотря на заявления Д. Трампа о необходимости вывода войск из Сирии, проведение расчетов может натолкнуть его на противоположную мысль. В такой ситуации сохранится поддержка курдов со стороны США и, как следствие, могут начаться боевые действия, которые вызовут напряженность в отношениях с Анкарой. Несмотря на то, какие сценарии будут реализовываться, Сирия на долгие годы останется полем для вмешательства внешних сил.

Библиографические ссылки

1. Пир-Будагова ЭП. *История Сирии. XX век*. Москва: Институт востоковедения Российской академии наук; 2015. 392 с.
2. Ахмедов ВМ. Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990–2020-е годы). Москва: Институт востоковедения РАН; 2022. 272 с.
3. Ходынская-Голенищева МС. *Сирия: трудный путь от войны к миру*. Москва: Олма; 2019. 719 с. (Русский проект).
4. Исаев ЛМ, Коротаев АВ, Мардасов АГ, Семенов КВ. *Метаморфозы сирийской оппозиции*. Москва: Ленанд; 2021. 304 с.
5. Siham A. The role of the Syrian business elite in the Syrian conflict: a class narrative. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2021;3:433–445. DOI: 10.1080/13530194.2021.1920210.
6. Матвеев ИА. *Сирия в конфликте*. Москва: Институт востоковедения РАН; 2020. 496 с.
7. Филиппов АА. *Ранняя идеология партии Баас (ПАСВ)*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2022. 374 с.
8. Ашин ГК. *Элитология: история, теория, современность*. Москва: МГИМО-университет; 2010. 600 с.

[36]Did the US fund the Syrian rebels that toppled Assad? Middle East eye : site. URL: https://www.middleeasteye.net/explainers/did-us-fund-syrian-rebels-toppled-assad (date of access: 11.12.2024).
[37]*Lee M.* US officials have been in direct contact with the Syrian rebel group that ousted Assad, Blinken says // Associated press : site. URL: https://apnews.com/article/blinken-syria-assad-hts-transition-mideast-5fcff887a74dc9ec36e483c0b601a8c2 (date of access: 12.12.2024).
[38]*Levitt M.* The US should not yet trust Syria's new regime // Washington Institute for Near East Policy : site. URL: https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/us-should-not-yet-trust-syrias-new-regime (date of access: 13.12.2024).

9. Гаман-Голутвина ОВ. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке. *Политическая наука.* 2016;2:38–73.

10. Яшлавский АЭ. «Хайят Тахрир аш-Шам» в сирийском конфликте: метаморфозы террористической группировки. *Мировая экономика и международные отношения.* 2022;2:51–60. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-2-51-60.

11. Сухов НВ. Современная ситуация в Сирии и перспективы ее развития. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.* 2020;2:74–84. DOI: 10.31857/S086919080009057-9.

12. Мамедов РШ. *Ирак в начале XXI века: на пути к новой государственности.* Москва: Институт востоковедения РАН; 2023. 256 с.

Получена 01.12.2024 / исправлена 02.04.2025 / принята 02.04.2025.
Received 01.12.2024 / revised 02.04.2025 / accepted 02.04.2025.

УДК 94(510) + 94(515) + 94(517) + 243(091)

РАЗВИТИЕ ШКОЛЫ ГЕЛУГ В РЕГИОНЕ АМДО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в. И СТРОИТЕЛЬСТВО ХРАМА ЯНХУА

Ц. ВАН[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Рассматривается произошедшая 26 мая 1578 г. встреча главы Тумэтского ханства Алтан-хана и будущего Далай-ламы III Сонама Гьяцо. Отмечается, что ее итогами стали взаимовыгодный и долговременный союз между монголами и представителями школы гелуг, распространение тибетского буддизма в зоне расселения монгольских племен, а также установление тесных отношений Монголии с империей Мин. Указывается, что символом данного политического и религиозного соглашения стал храм Янхуа, специально построенный монголами в регионе Амдо около оз. Кукунор и являющийся первым монастырем школы гелуг в регионах, которые расположены к северу от Тибета. Подчеркивается важнейшая роль этого монастыря в истории тибетского буддизма.

Ключевые слова: тибетский буддизм; школа гелуг; далай-лама; храм Янхуа; Алтан-хан.

РАЗВІЦЦЁ ШКОЛЫ ГЕЛУГ У РЭГІЁНЕ АМДО Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVI ст. І БУДАЎНІЦТВА ХРАМА ЯНХУА

Ц. ВАН[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Анатацыя. Разглядаецца сустрэча кіраўніка Тумэцкага ханства Алтан-хана і будучага Далай-Ламы III Санама Г'ятсо, якая адбылася 26 мая 1578 г. Адзначаецца, што яе вынікамі сталі ўзаемавыгадны і доўгачасовы саюз паміж манголамі і прадстаўнікамі школы гелуг, распаўсюджванне тыбецкага будызму ў зоне рассялення мангольскіх плямён, а таксама ўстанаўленне цесных адносін Манголіі з імперыяй Мін. Указваецца, што сімвалам гэтага палітычнага і рэлігійнага пагаднення стаў храм Янхуа, які спецыяльна пабудавалі манголы ў рэгіёне Амдо каля воз. Кукунор і які з'яўляецца першым манастыром школы гелуг у рэгіёнах, якія размешчаны на поўнач ад Тыбета. Падкрэсліваецца найважнейшая роля гэтага манастыра ў гісторыі тыбецкага будызму.

Ключавыя словы: тыбецкі будызм; школа гелуг; Далай-Лама; храм Янхуа; Алтан-хан.

Образец цитирования:
Ван Ц. Развитие школы гелуг в регионе Амдо во второй половине XVI в. и строительство храма Янхуа. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;2:61–67.
EDN: PNDOFN

For citation:
Wang J. The development of the gelug school in the Amdo region in the second half of the 16th century and the construction of the Yanghua temple. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;2:61–67. Russian.
EDN: PNDOFN

Автор:
Цзечэнь Ван – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. А. Прохоров.

Author:
Jiechen Wang, postgraduate student at the department of the ancient and medieval history, faculty of history.
wjclove3@163.com
https://orcid.org/0009-0006-2621-6311

CC BY NC

Журнал Белорусского государственного университета. История. 2025;2:61–67
Journal of the Belarusian State University. History. 2025;2:61–67

THE DEVELOPMENT OF THE GELUG SCHOOL IN THE AMDO REGION IN THE SECOND HALF OF THE 16th CENTURY AND THE CONSTRUCTION OF THE YANGHUA TEMPLE

J. WANG[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The meeting of Altan Khan, the head of the Tumet Khanate, and Sonam Gyatso, the future Dalai Lama III, which took place on 26 May 1578, is considered. It is noted that its results were a mutually beneficial and long-term alliance between Mongols and representatives of the gelug school, the spread of Tibetan Buddhism in the area of settlement of Mongolian tribes, as well as the establishment of close relations between Mongolia and the Ming Empire. It is pointed out that the symbol of this political and religious agreement was the Yanghua temple, specially built by the Mongols in the Amdo region near lake Kukunor and the first gelug monastery in the northern regions of Tibet. The crucial role of this monastery in the history of Tibetan Buddhism is emphasised.

Keywords: Tibetan Buddhism; gelug school; Dalai Lama; Yanghua temple; Altan Khan.

Введение

Настоящая работа посвящена изучению встречи главы Тумэтского ханства Алтан-хана (1507–1582) и будущего Далай-ламы III Сонама Гьяцо (1543–1588), состоявшейся 26 мая 1578 г. в храме Янхуа, который находится в регионе Амдо около оз. Кукунор. Ее главным итогом стал политический и религиозный союз между монголами и представителями школы гелуг. Это событие изменило религиозную ситуацию: тибетский буддизм распространился далеко на север от Тибетского нагорья и стал влиятельной силой. Указанное направление буддизма до сих пор господствует в ряде стран, что определяет актуальность изучения данного вопроса.

В мировой историографии существуют разные мнения о том, какой храм, соответствовавший традициям школы гелуг и находившийся под покровительством монгольских властей, был построен первым. В данной статье на основе исторических свидетельств доказывается, что первым и важнейшим монастырем является храм Янхуа. Он был не только местом заключения союза, но и символом данного союза.

Результаты и их обсуждение

В середине XVI в. политическая ситуация в тибетском регионе У-Цанг изменилась. В этот период представители школы гелуг были вынуждены искать поддержку в других местах. В связи с этим будущий Далай-лама III Сонам Гьяцо должен был принять контрмеры. Его внимание привлекло Тумэтское ханство под управлением Алтан-хана, внука Батумунху Даян-хана (1464–1517)[1], территория которого протянулась от Ордоса и Хуанхэ на юге до земель на севере Монголии.

Алтан-хан вел длительную войну с династией Мин. Начиная с середины правления этой династии ее юрисдикция над Амдо[2] постепенно ослабевала. Война между тумэтами и династией Мин[3], произошедшая в 1550 г., привела к ухудшению социального положения в империи. В Тумэтском ханстве власть Алтан-хана усиливалась. С 1532 по 1533 г. в двух битвах около оз. Кукунор были разгромлены уйгурские силы из Турфана. В результате Алтан-хан завоевал Амдо. Кочевники-монголы стали причиной кризиса в северных и центральных областях империи. С этого времени стратегия династии Мин в отношении Монголии была оборонительной.

Династия Мин стала искать пути примирения с тумэтами. Алтан-хан также был готов к сближению с этой династией по разным причинам, например для активизации взаимной торговли. В 1570 г. император Лунцин скорректировал свою политику и решил «признать Алтан-хана и разрешить ему преподнести подарок императору»[4] (здесь и далее перевод наш. – *Ц. В.*). В ответ Алтан-хан согласился платить дань династии Мин. Император Лунцин даровал ему титул Шуньи-вана

[1]Батумунху Даян-хан – хан из рода Борджигин, впервые со времен династии Юань объединивший монголов под знаменем Чингисидов. Он был провозглашен великим ханом Монгольской империи из династии Северная Юань.

[2]Амдо – тибетский регион, расположенный на стыке Китая, Тибета и Монголии. В настоящее время он охватывает территорию китайской провинции Цинхай.

[3]Война между тумэтами и династией Мин стала итогом отказа империи Мин торговать с Южной Монголией. Правое крыло племени монголов атаковало территории государства Мин. Война разгорелась от Датуна до Пекина – столицы империи Мин, предместья которой были разграблены и сожжены.

[4]История династии Мин // Китайские заметки : сайт. URL: https://chinesenotes.com/mingshi/mingshi327.html (дата обращения: 16.11.2024) (на кит.).

и печать власти. Также он назвал новую столицу Тумэтского ханства Хух-Хото «Гуй-хуа-чэн», что означает «город; возвращение к цивилизации». Эти действия должны были стать основой дружеских дипломатических отношений правителей Тумэтского ханства и империи Мин. Данные изменения прямо или косвенно повлияли на геополитическую структуру Ганьсуйского коридора, который связывал центральные районы Китая и Тибета, а именно его региона Амдо, с территориями простирающимися до Центральной Азии.

Подчинив Амдо, Алтан-хан стремился получить поддержку среди местного населения, поэтому давал ему привилегии. Благодаря сложившимся обстоятельствам школа гелуг смогла преодолеть ограничения, существовавшие в У-Цанге, и развиваться за его пределами. В начале XVI в., когда монгольские племена прибыли в Амдо, большинство местных жителей верили в тибетский буддизм. Поскольку представители монгольской элиты хотели доминировать над населением Амдо, они должны были иметь те же религиозные убеждения. В это время у основных буддийских школ в Амдо были сложные взаимоотношения с местными племенными вождями. Такая ситуация создавала трудности для монголов, желавших привлечь эти школы на свою сторону. По этой причине они сосредоточили свой интерес на зарождающейся школе гелуг. Данная школа была известна своими правилами и имела очень хорошую репутацию, однако тогда в Амдо у нее не было сильных местных сторонников.

Алтан-хан с уважением относился к школе гелуг. Для заключения союза с ее представителями были и политические причины. Так, постепенное развитие Тумэтского ханства серьезно угрожало правовому статусу Дарайсун-Годэн-хана (1520–1557) – представителя династии Северная Юань, являвшегося формальным верховным правителем монголов. Алтан-хану срочно требовалась внешняя сила, которая сплотила бы возглавляемое им Тумэтское ханство и сделала бы его положение как хана легитимным. Для получения религиозного признания он выбрал школу гелуг, находившуюся в ослабленном состоянии из-за внешних и внутренних конфликтов и нуждавшуюся в сильном политическом покровителе. Следует отметить, что Алтан-хан был заинтересован в развитии экономики Тумэтского ханства. Амдо являлся малонаселенным регионом с хорошими пастбищами и лошадьми, поэтому хан приступил к освоению и расширению пастбищ на данной территории. Кроме того, Амдо находился на стыке китайской и тибетской культур, что было выгодно для Алтан-хана. Северо-восточные территории около оз. Кукунор граничили с Ганьсуйским коридором, который являлся важным торговым путем. На западе региона находился пограничный контрольно-пропускной пункт династии Мин, через который можно было попасть на территорию империи.

Школа гелуг распространила свое учение в Амдо с началом деятельности Цонкапа-ламы (1357–1419), чьи ученики обосновались в нескольких монастырях. После смерти Цонкапа-ламы развитие школы гелуг было сложным и медленным, на территории региона не строились ее новые монастыри. С 1550-х гг. школа гелуг стремилась объединиться с лидерами северных монгольских племен, чтобы ее влияние не ограничивалось территорией У-Цанга и распространилось на Северную Монголию и Тибет, а именно на обширную часть Амдо.

О времени возникновения союза между лидерами монгольских племен и представителями школы гелуг есть несколько версий. Согласно первой версии Алтан-хан по совету Ашин-ламы, родственника Сонама Гьяцо, хотел встретиться с руководством школы гелуг [1, с. 77]. В 1574 г. глава Тумэтского ханства представил династии Мин свои соображения по поводу постройки монастырей в Амдо: «Алтан-хан желает, чтобы династия Мин одобрила изготовление горизонтальной входной таблички с названием и девизом монастыря» [2, с. 639]. По второй версии в 1576 г., в год Огненной Крысы, Алтан-хан отправил группу посланцев для приглашения руководителей школы гелуг на встречу в Монголию. Обе стороны заявили, что Сонам Гьяцо прибыл в Амдо и был тепло принят лидерами монгольских племен. Алтан-хан отправил вторую группу посланцев «в Чабчу строить монастырь» [3, с. 68]. В соответствии с третьей, самой распространенной версией в 1571 г. Ашин-лама отправился проповедовать в Хух-Хото и встретился с Алтан-ханом. Он привил главе Тумэтского ханства буддийские идеи, рассказал историю союза между Пагба-ламой и Хубилай-ханом, пытался убедить перейти в буддизм и встретиться с Сонамом Гьяцо [4, с. 129]. Алтан-хан неоднократно отправлял посланцев к будущему Далай-ламе III и приглашал его в Монголию для распространения буддизма. Также он планировал построить буддийский храм на стыке ханьской, тибетской и монгольской этнических групп и выбрал для этой цели земли Чабчи (Чабзияла) – города, расположенного недалеко от оз. Кукунор [5, с. 586]. Несмотря на то что в разных источниках даты событий незначительно отличаются, их последовательность в целом совпадает.

Известно, что строительством храма руководили наместники Алтан-хана и его родственники, а именно племянник Айдабис Даян-нойон, владевший тумэном Ордос, с сыном Бинту Иэлдэн-тайджи. Вероятно, это строительство началось в 1575 г., о чем свидетельствуют источники [2; 6]: «В марте третьего года эпохи Ваньли Айдабис Даян-нойон и Бинту Иэлдэн-тайджи еще раз написали письмо императору о строительстве монастыря и рынка» [2, с. 631]; «В третий год эпохи Ваньли записано: “Хуан Тайцзи (Хутуктай Сэцэн-хунтайджи – потомок Чингисхана в 19-м поколении, с 1560 г. он играл важную роль в политической жизни Монголии, активно распространял тибетский буддизм в этом государстве. – *Ц.В.*) попросил о строительстве тибетских буддийских монастырей около Западного моря

(оз. Кукунор. – *Ц. В.*) и Цзяюйгуаня (последней китайской пограничной заставы-крепости династии Мин, а также западного города рядом с ней, за которым начинались земли кочевников. – *Ц. В.*). Министерство церемоний собралось для обсуждения и установило, что уже закуплены древесина и другое сырье для стройки [около Западного моря]. Нужно активно возводить монастырь и положить конец просьбе построить монастырь около Цзяюйгуаня"» [2, с. 630]. Таким образом, представители династии Мин пообещали построить буддийский монастырь только около оз. Кукунор, отвергнув просьбу о возведении данного сооружения в Цзяюйгуане по двум причинам. Во-первых, в 1550-х гг. земли вокруг оз. Кукунор полностью подчинялись монголам, правление династии Мин на данной территории было номинальным. Во-вторых, в это время власть Алтан-хана набирала силу: монгольские племена из регионов Амдо и Хэтао[5] представляли угрозу для населения провинции Шэньси, которой руководила династия Мин. По этой причине, если бы в Цзяюйгуане был построен буддийский монастырь, то значительная часть территории под управлением династии Мин попала бы под влияние монголов. Следует отметить, что правители из династии Мин всегда придерживались политики умиротворения.

В 1577 г. храм около оз. Кукунор был построен и Сонам Гьяцо отправился в него для встречи с Алтан-ханом. Вожди монгольских племен из региона Амдо послали три группы людей поприветствовать главу школы гелуг [7, с. 137]. Церемония приветствия описывается в памятнике тибетской историографии «Дэбтэр-чжамцо». Сонам Гьяцо провел буддийскую церемонию открытия храма [8, с. 36]. Данный храм имел тибетское и монгольское названия («Чабча Тхэгшэн Чхойнкхор-лин»[6] и «Чавчаал сум» соответственно), которые содержали указание на его местонахождение. По предложению Алтан-хана император династии Мин также дал название храму – «Янхуа», что в переводе с китайского языка означает «поддерживать (очень уважать) династию Мин». Это событие зафиксировано в источнике [2]: «Алтан-хан верит в тибетский буддизм, он возобновил просьбу построить монастырь к югу от оз. Кукунор. На горизонтальной табличке с названием храма было написано "Янхуа"» [2, с. 632]. С учетом номинальной власти Мин в этом районе постройка храма была символическим решением.

Что касается архитектурного стиля монастыря, то в источнике «Дэбтэр-чжамцо» содержится следующее подробное описание: «В монастыре Чхабча Тхэгшэн Чхойнкхор-лин есть в [главном] храме [статуи] Будды трех времен, Чже-ламы [Цонкапы]… и [статуя,] похожая на самого [Цонкапу]… на западной, восточной [сторонах] и в середине [расположены] храмы богов Чжигжида, Чжанрай-сига и других, каждый из [которых] стоит на шестнадцати колоннах, воздвигнутых приглашенными из Китая мастерами-ремесленниками. Между ними расположены два храма Бодхисаттвы, и Ягши, и Бэгар Чжог. На западной и восточной частях лицевой [стороны монастыря расположены] небольшой светлый дворец для жилья и Дэчхэн-побран. Во всех [строениях] крыши и прочие [части были выполнены] в китайском стиле. Вся территория монастыря была окружена тремя рядами железных стен» [9, с. 55]. Таким образом, храм Янхуа сочетал в себе китайский и тибетский архитектурные стили. В XVI в. он был самым большим храмом школы гелуг в Амдо.

Со строительством храма Янхуа большое количество монголов перевезли свои семьи в Амдо под предлогом желания «поклоняться статуе Будды» [10, с. 70]. Переселенцы оказывали серьезное давление на оборону северо-западной границы империи Мин. Несмотря на повышенное внимание династии Мин к развитию ситуации в регионе и предпринимаемые попытки дипломатического воздействия, ее усилия не смогли остановить экспансию монголов. Ситуация ухудшилась, что вынудило династию скорректировать оборону северо-западной границы. Следует отметить, что династия Мин не препятствовала встречам тумэтской знати с тибетскими школами и высокопоставленными монахами. Она была вынуждена признать легитимность проживания монгольских племен в Амдо, но не отказалась от попыток влиять на политическую ситуацию в этом регионе.

Потомки Алтан-хана были правителями различных вотчин в Амдо. Согласно записям с Алтан-ханом путешествовали более 200 тыс. монгольских воинов и гражданских чиновников, поэтому расходы были очень большими. Чтобы стабилизировать отношения с Алтан-ханом и сохранить мир на пограничных территориях, династия Мин обеспечила продовольствием всех пересекающих границу монголов. Исследователи обнаружили записи о том, что большие расходы привели к серьезным экономическим проблемам в провинции Ганьсу. После того как Алтан-хан и сопровождающие его люди прибыли на берега оз. Кукунор, они стали требовать поставок от династии Мин: «Сегодня вымогают лапшу и рис, завтра будут вымогать кусок материи и шелковую ткань. Сегодня вымогают материалы ремесленников, а завтра будут требовать краску» [11, с. 144].

Династия Мин оказывала покровительство сопровождавшим Алтан-хана людям, хотя просьбу главы Тумэтского ханства открыть чайный рынок и конский базар она отклонила. Торговля была важным средством контроля династии Мин над местным населе-

[5]Хэтао – равнина в северной части Китая, занимающая территорию Внутренней Монголии и находящаяся в излучине Хуанхэ.

[6]Название храма состоит из нескольких компонентов, которые имеют следующие значения: Чабча – название горы (с монгольского языка переводится как «крутой утес»), Тхэгшэн – название учения махаяны, Чхойнкхор – круг или колесо учения (дхармы), лин – буддийское религиозное понятие «четыре континента вокруг центра (горы Меру)», т. е. четыре стороны света.

нием в Амдо. Если бы она согласилась открыть рынок для свободной торговли в этом регионе, то Алтан-хан использовал бы данные площадки для привлечения других местных племен, которых будут снабжать тумэты. Такая ситуация могла сильно ослабить власть династии Мин в Амдо, поэтому была установлена торговая монополия. Монголы покупали китайские товары, соль и чай. В свою очередь, они продавали дешевых лошадей как дорогих, ввиду чего для династии Мин торговля была убыточной [12, с. 54]. Вместе с тем династия продолжила вести дружественную политику, чтобы стабилизировать отношения с Алтан-ханом. Таким образом, строительство храма Янхуа было выгодным для династии Мин, которая получала безопасность на северо-западных границах, а также снабжение лошадьми из монгольских регионов и т. д.

Алтан-хан и Сонам Гьяцо 26 мая 1578 г. провели встречу в храме Янхуа, которая положила начало установлению тесных отношений монголов и тибетских монахов школы гелуг. Глава Тумэтского ханства желал сотрудничать с будущим Далай-ламой III не просто из-за интереса к буддизму. Он стремился объединить монгольские племена, поэтому считал, что единая религия сделает народ более мирным. Данный подход схож с сотрудничеством времен династии Юань между Пагба-ламой и Хубилай-ханом для объединения монгольского и тибетского обществ. В то же время Сонам Гьяцо хотел срочно найти сильного союзника, который мог бы помочь ему укрепить политическое и религиозное положение школы гелуг в регионах Амдо, У-Цанг, Ком и т. д. В результате встречи были определены отношения между двумя сторонами.

Глава Тумэтского ханства предложил десять указов, которые представляли собой усовершенствованные законы, принятые в период правления 38-го тибетского царя из династии Тубо Трисонга Децена (755–797). Наиболее важным указом являлась отмена идолопоклонства. На встрече Алтан-хан запретил произвольно забивать крупный рогатый скот и лошадей для совершения жертвоприношений онгонам[7], которые издавна были частью монгольской шаманской веры. Их предписывалось сжечь и начать почитать Махакалу – защитника учения Будды. Для жертвоприношений необходимо было использовать торму[8]. Также в указе оговаривалось, что после смерти монголов жертвоприношения должны проводиться в соответствии с правилами буддизма. Запрещались примитивные жертвоприношения и погребение живых.

Для буддийских монахов Алтан-хан сделал исключения, освободив их от воинской повинности, участия в охоте, тяжелой работы и уплаты налогов. Данная практика значительно повысила статус монахов, обладающих духовной властью, в монгольском обществе. Следует отметить, что монгольская элита постоянно сближалась с местными тибетцами.

Во время встречи 26 мая 1578 г. была торжественно проведена пуджа – церемония буддийского поклонения, в которой участвовали более 100 тыс. представителей ханьских, тибетских, монгольских, югурских (желтых уйгурских) и других этнических групп, в том числе дети высшей монгольской знати и простые люди, ставшие монахами. Алтан-хан принял Сонама Гьяцо как учителя и назвал его всеведущим богдо Ваджрадхарой (держателем ваджры), далай-ламой. В ответ Сонам Гьяцо присвоил Алтан-хану титул «мудрого хана чакравартина, вращающего тысячу золотых колес» [13, с. 35]. Глава Тумэтского ханства обещал, что будет пропагандировать школу гелуг в своем племени, а также убедит тумэтов отказаться от древнего шаманского культа и построить храм для поклонения Будде. В 1588 г. благодаря Алтан-хану Сонам Гьяцо получил от династии Мин печать из слоновой кости с изображением льва на рукоятке и надписью: «Дорджечанг (держатель ваджры), далай-лама». В связи с этим храм Янхуа остался местом встречи монгольских и других этнических групп в Амдо для поклонения Будде.

Вскоре Алтан-хан помог школе гелуг получить законные права на распространение учения при династии Мин, а также установить отношения с правительством. Таким образом, династия Мин официально признала правовой статус и политическое значение школы гелуг [14, с. 28]. Сонам Гьяцо стал верховным правителем данной школы, признанным государством после «великого сострадательного царя дхармы» Шакьи Йеше[9] (1354–1435).

После окончания паломничества Алтан-хана в храм Янхуа для поклонения Будде давление на северо-западные территории Китая резко снизилось. Принятие буддизма в Монголии стало более активным. Монгольские военные и гражданские лица часто отправлялись на территорию между Монголией и Тибетом, а именно его регионом Амдо, под предлогом желания поклониться Будде. В то же время они совершали набеги на данный регион и подчиняли северо-восточные племена (современное население юга Ганьсу), постепенно ослабляя влияние династии Мин в Амдо, Суншане[10] и других местах. Впоследствии тумэты полностью захватили коренные племена Амдо, династия Мин перестала контролировать данный регион.

[7]Онгоны – антропоморфные фигурки из дерева, кожи, войлока, меха, ткани, металла, которые считаются духами предков, покровителями жилища и охранителями людей. Они использовались в шаманских культах у монгольских, а затем у многих тюркских и других кочевых племен.

[8]Торма – небольшая скульптура, изготовленная в основном из муки и масла, которая используется в качестве подношения в тантрических ритуалах и тибетском буддизме. Она может быть окрашена в разные цвета (часто в белый или красный) и иметь определенную (обычно конусообразную) форму в зависимости от назначения.

[9]Шакья Йеше (Сакья Еши) – ученик Цонкапа-ламы. В 1419 г. он основал монастырь Сера около Лхасы.

[10]Суншань – регион, представляющий собой территорию с засушливыми лугами общей площадью 1000 км^2 и расположенный на западе Ганьсу.

После смерти Алтан-хана в 1582 г. к власти пришел его старший сын Сэнгэ Дугурен-хан (1522–1586), которому отец передал титул Шуньи-вана. В 1586 г. власть получил Намудай Сечен-хан (?–1607), сын Сэнгэ Дугурен-хана, и присвоил себе титул Шуньи-вана. При нем в племени тумэтов произошел раскол. Некоторые мелкие ханы инициировали столкновения с местными племенами в Амдо. Они регулярно требовали у китайцев и других племен данного региона большое количество материальных ресурсов, что вызвало недовольство многих народов Амдо.

В 1589 г. Намудай Сечен-хан под предлогом сопровождения останков Сонама Гьяцо повел в Амдо десятки тысяч войск из правого крыла племени монголов. Последующие крупные сражения заставили династию Мин почувствовать угрозу, исходящую от монгольских войск. В связи с этим она разорвала рыночные отношения с монголами и отменила титул Шуньи-вана. Данная ситуация создала экономическую угрозу для государства тумэтов под руководством Намудай Сечен-хана. Как следствие, темпы экспансии остановились.

К концу XVI в. Тумэтское ханство ослабло, а империя Мин укрепилась. Соотношение сил изменилось и в Амдо. Население, проживавшее в данном регионе, давно испытывало притеснения со стороны монголов и хотело разорвать отношения с ними. Династия Мин решила нанести удар монгольским племенам и отправила в Амдо начальника контрольного приказа Чжэн Ло (1530–1600), чтобы ослабить монголов, населявших территории около оз. Кукунор. Многие политические деятели, в том числе Чжэн Ло, считали, что главной причиной сложившейся ситуации в Амдо является храм Янхуа и что если его не будет, то все проблемы исчезнут. Так, Чжэн Ло решил сжечь храм Янхуа. Для осуществления данной цели в сентябре 1591 г. он приказал генерал-губернатору Цзичжоу Вань Шидэю (1546–1602) и генералу Чжан Чэну (?–1593) направить к храму Янхуа солдат.

Огромный храм, являвшийся важным для развития буддийской культуры и поддержания стабильности на тибетско-монгольских границах, был сожжен дотла. Информация о его конкретном расположении редко встречается в исторических документах. Известно, что храм Янхуа был построен недалеко от оз. Кукунор в современной провинции Цинхай. Местом расположения храма считают территорию около Чабчи (этот город находится на севере Гунхэ – уезда Хайнань-Тибетского автономного округа провинции Цинхай) и д. Калы. В результате проведения археологических работ эксперты установили, что постройка д. Калы относится к периоду правления династии Мин. Краевед Цинь Юйцзян, младший научный сотрудник Института тибетологии Цинхайской академии общественных наук Дэн Чжэнцзя и другие исследователи определили, что руины, расположенные около д. Калы, являются руинами храма Янхуа. Подробное описание размеров руин представлено в источнике «Хроника округа Гунхэ» [15, с. 172]. В ноябре 2015 г. в Чабче было проведено совещание экспертов по исследованию руин храма Янхуа[11], в результате которого было рекомендовано продолжить проводить археологические раскопки. На данный момент проект «Руины храма Янхуа» имеет важное значение для развития туризма в Цинхае.

Заключение

Храм Янхуа, построенный монголами во второй половине XVI в., является первым монастырем школы гелуг в Амдо. Он стал источником распространения тибетского буддизма среди монгольских и других кочевых народов.

Данный храм символизировал союз между монгольскими племенами и представителями школы гелуг. Встреча в храме Янхуа привела к взаимовыгодным соглашениям между Алтан-ханом и Сонамом Гьяцо. Вследствие данного союза укрепились позиции школы гелуг в Тибете, а также установились гармоничные отношения между монголами и тибетцами.

Монастырь, ставший центром политической и религиозной активности в Амдо, просуществовал только 13 лет, но сыграл ключевую роль в поддержании стабильности на северо-западной границе империи Мин. Его строительство являлось стратегией династии Мин по сдерживанию монголов, поскольку в распространении тибетской культуры она видела средство объединения монгольских племен.

Библиографические ссылки

1. 珠荣噶, 译. 阿勒坦汗传. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社; 1990. 373 页 = Чжу Жунга, переводчик. *История Алтан-хана.* Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии; 1990. 373 с.

2. 潘世宪, 译. 明朝史. 第330卷, 第218: 列传 西域记 2. 在: 和田清著. 明代蒙古史论集. 北京: 商务印书馆; 1984. 页 48–675 = Пань Шисянь, переводчик. История династии Мин. Том 330, Биографии 218: западные регионы 2. В: Сей Вада. *Очерки по истории Монголии в эпоху династии Мин.* Пекин: Коммерческое издательство; 1984. с. 48–675.

3. 固始噶居巴·洛桑泽. 蒙古佛教史. 陈庆英, 译. 天津: 天津古籍出版社; 1990. 218 页 = Гуши Кагьюпа Лосанг Цепель. *Распространение буддизма в Монголии.* Чэнь Цинъин, переводчик. Тяньцзинь: Тяньцзиньское издательство древних книг; 1990. 218 с.

[11]В уезде Гунхэ провинции Хайнань состоялось совещание экспертов по исследованию руин храма Янхуа // Озеро Цинхай : сайт. URL: https://www.amdotibet.com/news/hainanzhou/2019-10-29/5979.html (дата обращения: 16.11.2024) (на кит.).

4. 阿旺洛桑嘉措. 一世-四世达赖喇嘛传. 北京: 中国藏学出版社; 2006. 321 页 = Нгаванг Лосанг Гьяцо. *Биографии далай-лам от I до IV.* Пекин: Китайская тибетология; 2006. 321 с.

5. 松巴益西班觉. 松巴佛教史. 兰州: 甘肃民族出版社; 1992. 803 页 = Сумба-кханбо Ешей-Балджор. *Пагсам-джонсан: история и хронология Тибета.* Ланьчжоу: Издательство национальностей Ганьсу; 1992. 803 с.

6. 蒲文成. 青海佛教史. 青海: 青海人民出版社; 2021. 416 页 = Пу Вэньчен. *История буддизма в провинции Цинхай.* Цинхай: Цинхайское народное издательство; 2021. 416 с.

7. 切毛措. 关于仰华寺会见的几个问题分析. 群文天地. 2011;21:136–139 = Че Маоцо. Анализ некоторых вопросов, касающихся встречи в храме Янхуа. *Мир коллективной литературы.* 2011;21:136–139.

8. 智观巴·贡却乎丹巴绕. 安多政教史. 吴均, 毛继祖, 马世林, 译. 兰州: 甘肃民族出版社; 1989. 742 页 = Чжигуаньба Гончорхо Даньба Дунъи. *История политики и религии в регионе Амдо.* У Цзюнь, Мао Цзицзюй, Ма Шилинь, переводчики. Ланьчжоу: Издательство национальностей Ганьсу; 1989. 742 с.

9. Дугаров РН, переводчик. *«Дэбтэр-чжамцо» – источник по истории монголов Кукунора.* Новосибирск: Наука; 1983. 96 с.

10. 高启安. 仰华寺建毁始末述略. 青海民族学院学报. 1989;1:68–72 = Гао Цянь. Краткая история строительства храма Янхуа. *Журнал Цинхайского национального университета.* 1989;1:68–72.

11. 顾廷龙, 编辑. 续修四库全书. 第467册, 史部. 诏令奏议类. 上海: 上海古籍出版社编; 2002. 778 页 = Гу Тинлун, редактор. *Продолжение полной библиотеки четырех отраслей литературы. Том 467, История. Императорские указы и мемориалы*. Шанхай: Шанхайское издательство древних книг; 2002. 778 с.

12. 李宏杰. 俺答汗借道迎佛与明朝西北边策的调整. 西部蒙古论坛. 2023;2:48–57 = Ли Хунцзе. Визит Алтан-хана в регион Амдо для поклонения Будде и корректировка политики династии Мин в отношении северо-западных границ. *Журнал западномонгольских исследований*. 2023;2:48–57.

13. 奇格. 阿勒坦汗宗教法规述略. 内蒙古社会科学 (文史哲版). 1987;2:33–36 = Чиге. Краткое изложение религиозных законов Алтан-хана. *Социальные науки Внутренней Монголии (издание по литературе, истории и философии)*. 1987;2:33–36.

14. 佐藤长, 哈斯. 第三世达赖喇嘛和阿拉坦汗会见始末. 蒙古学资料与情报. 1987;4:24–32 = Сато Нагар, Хаси. Встреча Далай-ламы III с Алтан-ханом. *Материалы по монголоведению*. 1987;4:24–32.

15. 恰嘎·旦正, 桑吉尖措. 赠封达赖喇嘛尊号之寺院仰华寺遗址考析. 中国藏学. 2016;4:170–173 = Чага Данчжэн, Санджи Цзяньцо. Руины монастыря Янхуа и анализ истории титула далай-ламы. *Китайская тибетология*. 2016;4:170–173.

Получена 29.11.2024 / исправлена 22.04.2025 / принята 22.04.2025.
Received 29.11.2024 / revised 22.04.2025 / accepted 22.04.2025.

Археология

Археалогія

Archaeology

УДК 929

УЧИТЕЛЬ И. А. СЕРБОВ И АКАДЕМИК А. А. ШАХМАТОВ: ИСТОРИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

А. В. ВАЙТОВИЧ[1)]

[1)]*Минский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, ул. Радиальная, 40, 220070, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Цель статьи – определение основных направлений сотрудничества И. А. Сербова с авторитетным лингвистом А. А. Шахматовым. Показано, что их заочное знакомство и переписка продолжались с 1911 по 1917 г. До нашего времени сохранились десять писем школьного учителя петербургскому академику. В некоторых из них обсуждались обстоятельства служебной деятельности И. А. Сербова. Бóльшая часть писем были посвящены научным вопросам. И. А. Сербов делился с председателем Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук своими наблюдениями за особенностями речи полешуков, рассказывал о результатах экспедиций, размышлял о перспективах подготовки книг. А. А. Шахматов оказывал моральную, материальную и организационную помощь младшему коллеге. Благодаря поддержке авторитетного лингвиста были реализованы такие проекты И. А. Сербова, как экспедиции на Полесье в 1911 и 1913 гг., издание монографии о белорусах-сакунах.

Ключевые слова: история белорусской этнографии; история белорусского языковедения; И. А. Сербов; А. А. Шахматов; Е. А. Масальская-Сурина; А. К. Снитко; Е. Р. Романов; Д. И. Довгялло.

Образец цитирования:
Вайтовіч АУ. Настаўнік І. А. Сербаў і акадэмік А. А. Шахматаў: гісторыя супрацоўніцтва. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.* 2025;2:68–79.
EDN: XOUDBE

For citation:
Vaitovich AU. Teacher I. A. Serbaw and academician A. A. Shakhmatov: the history of collaboration. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;2:68–79. Belarusian.
EDN: XOUDBE

Автор:
Александра Владимировна Вайтович – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры информационных технологий и социально-гуманитарных дисциплин.

Author:
Aliaksandra U. Vaitovich, PhD (archaeology), docent; associate professor at the department of informatic technologies and social and humanitarian disciplines.
vaitovich.aliaksandra@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-8082-4215

НАСТАЎНІК І. А. СЕРБАЎ І АКАДЭМІК А. А. ШАХМАТАЎ: ГІСТОРЫЯ СУПРАЦОЎНІЦТВА

А. У. ВАЙТОВІЧ[1*]

[1*]*Мінскі філіял Расійскага эканамічнага ўніверсітэта імя Г. В. Пляханава, вул. Радыяльная, 40, 220070, г. Мінск, Беларусь*

Анатацыя. Мэта артыкула – вызначэнне асноўных напрамкаў супрацоўніцтва І. А. Сербава з аўтарытэтным лінгвістам А. А. Шахматавым. Паказана, што іх завочнае знаёмства і перапіска працягваліся з 1911 па 1917 г. Да нашага часу захаваліся дзесяць лістоў школьнага настаўніка да пецярбургскага акадэміка. У некаторых з іх абмяркоўваліся абставіны службовай дзейнасці І. А. Сербава. Большая частка лістоў былі прысвечаны навуковым пытанням. І. А. Сербаў дзяліўся са старшынёй Аддзялення рускай мовы і славеснасці Імператарскай акадэміі навук сваімі назіраннямі за асаблівасцямі гаворкі палешукоў, паведамляў пра вынікі экспедыцый, разважаў аб перспектывах падрыхтоўкі кніг. А. А. Шахматаў аказваў маральную, матэрыяльную і арганізацыйную дапамогу малодшаму калегу. Дзякуючы падтрымцы аўтарытэтнага мовазнаўцы былі рэалізаваны такія праекты І. А. Сербава, як экспедыцыі на Палессе ў 1911 і 1913 гг., публікацыя манаграфіі пра беларусаў-сакуноў.

Ключавыя словы: гісторыя беларускай этнаграфіі; гісторыя беларускага мовазнаўства; І. А. Сербаў; А. А. Шахматаў; Я. А. Масальская-Сурына; А. К. Снітка; Е. Р. Раманаў; Д. І. Даўгяла.

TEACHER I. A. SERBAW AND ACADEMICIAN A. A. SHAKHMATOV: THE HISTORY OF COLLABORATION

A. U. VAITOVICH[a]

[a]*Minsk Branch of Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov, 40 Radyjalnaja Street, Minsk 220070, Belarus*

Abstract. The purpose of the article is to determine the main directions of cooperation between I. A. Serbaw and the authoritative linguist A. A. Shakhmatov. It is shown that the correspondence between them lasted from 1911 to 1917. Ten letters from the school teacher to the Saint Petersburg academician have survived to this day. A few messages discussed I. A. Serbaw's official activities, while most of the letters were devoted to scientific issues. I. A. Serbaw shared with the head of the Department of Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences his thoughts about the peculiarities of the speech of the Poleshuks. He reported the results of the expeditions and planned further publications. A. A. Shakhmatov provided moral, material, and organisational assistance to his younger colleague. Due to the support of this authoritative linguist, I. A. Serbaw was able to implement several projects, including expeditions to Palesie in 1911 and 1913, as well as the publication of a monograph about the Belarusian sakuns.

Keywords: history of Belarusian ethnography; history of Belarusian linguistics; I. A. Serbaw; A. A. Shakhmatov; E. A. Masalskaya-Surina; A. K. Snitko; E. R. Ramanaw; D. I. Dawgiala.

Уводзіны

Ісак Абрамавіч Сербаў (1871–1943) – выбітны беларускі этнограф і археолаг. Ён прайшоў шлях ад настаўніка вясковай школы да выкладчыка ўніверсітэта і навуковага супрацоўніка Інстытута беларускай культуры, а пазней Беларускай акадэміі навук. Творчая спадчына І. А. Сербава дагэтуль не згубіла сваёй актуальнасці: яго тэксты і фотаздымкі рэгулярна перавыдаюцца[1] [1]. У апошнія гады з'явіўся шэраг публікацый, прысвечаных яго жыццю і навуковай дзейнасці [1–4]. Без увагі не засталося і пытанне аб асабістых і прафесійных кантактах І. А. Сербава з калегамі. У літаратуры неаднаразова разглядаліся сюжэты, якія тычацца ўзаемаадносін даследчыка з Д. І. Даўгялам, Е. Р. Раманавым, М. М. Нікольскім, М. Я. Грынблатам і інш. [1; 3–5]. Безумоўна, кола людзей, з якімі сустракаўся, перапісваўся і супрацоўнічаў Ісак Абрамавіч, было значна шырэйшым. Асобае месца ў жыцці І. А. Сербава займаў А. А. Шахматаў.

Аляксей Аляксандравіч Шахматаў (1864–1920) – сусветна вядомы рускі філолаг, які зрабіў важкі ўнёсак у вывучэнне гісторыі рускай мовы, летапісання, старажытнарускай літаратуры, фальклору і дыялекталогіі. У 1897 г. ён стаў экстраардынарным акадэмікам Імператарскай акадэміі навук, у 1906 г.

[1]*Сербаў І. А.* Вічынскія паляне. Матэрыяльная культура: этнаграфічны нарыс Беларускага Палесся. Мінск : БФК, 2005 ; *Ён жа.* Беларусы-сакуны // Полымя. 2011. № 8. С. 158–170.

узначаліў яе аддзяленне рускай мовы і славеснасці, у 1910 г. заняў пасаду прафесара гісторыка-філалагічнага факультэта Санкт-Пецярбургскага ўніверсітэта. Адзін з найбуйнейшых інтэлектуалаў свайго часу, ён на працягу дзесяцігоддзяў аказваў падтрымку не толькі прафесійным навукоўцам, але і сотням краязнаўцаў і маладых даследчыкаў з усіх куткоў Расійскай імперыі [6].

Пытанне аб узаемаадносінах І. А. Сербава і А. А. Шахматава фактычна не ставілася ў гістарыяграфіі. Сучасныя гісторыкі закраналі толькі тры аспекты праблемы. Па-першае, вядома, што праца І. А. Сербава «Беларусы-сакуны» была апублікавана «па прадстаўленні» сталічнага мовазнаўцы[2]. Па-другое, у навуковы зварот былі ўведзены вытрымкі з аўтабіяграфіі Ісака Абрамавіча, згодна з якімі ён у канцы 1917 г. адправіў А. А. Шахматаву рукапіс этнаграфічнага нарыса «Дзятлаўцы-палешукі» [4, с. 197]. Па-трэцяе, вызначана, што І. А. Сербаў падтрымліваў тэорыю паходжання беларускай народнасці, распрацаваную мовазнаўцам [2, с. 230; 3, с. 49]. Высвятленне гэтых старонак жыцця і дзейнасці І. А. Сербава ўскладняецца тым, што асабісты архіў беларускага вучонага загінуў у гады Вялікай Айчыннай вайны.

Выяўленне новых дакументальных крыніц адкрывае далейшыя перспектывы ў вывучэнні біяграфіі славутага этнографа і археолага. Мэта прапанаванага артыкула – вызначэнне асноўных напрамкаў супрацоўніцтва правінцыяльнага настаўніка з аўтарытэтным лінгвістам. Аналіз узаемаадносін двух неардынарных людзей, аб'яднаных любоўю да мовы і народнай культуры, дазваляе паглыбіць актуальныя ўяўленні аб гісторыі айчыннай навукі і грамадства ў пачатку XX ст.

Крыніцы даследавання

У кантэксце заяўленай тэмы найбольшую цікавасць выклікаюць дакументы з фонду А. А. Шахматава ў Санкт-Пецярбургскім філіяле Архіва Расійскай акадэміі навук (СПбФ АРАН. Ф. 134). Вопіс 3 («Лісты розных асоб да А. А. Шахматава») уключае справу, што ўтрымлівае дзесяць лістоў, напісаных І. А. Сербавым у 1911–1917 гг. падчас знаходжання ў Мінску, Вільні, Троках, Магілёве[3]. Змест лістоў дае падставы меркаваць, што гэтыя дакументы – толькі частка эпісталярнай творчасці Ісака Абрамавіча: не ўсе паведамленні дайшлі да адрасата. Акрамя таго, асобныя звесткі ёсць у лістах, атрыманых А. А. Шахматавым ад А. К. Сніткі[4] і Е. Р. Раманава[5].

У згаданым фондзе А. А. Шахматава сярод матэрыялаў, аб'яднаных у вопіс 2 («Працы іншых асоб»), выяўлены дакументы без даты, якія маюць назву, дадзеную архівістамі: «Этнографические материалы (по хозяйственному быту: постройке, одежде и проч.), относящиеся к т. н. "сакунам" (без начала)»[6] (тут і далей цытаты прыводзяцца з захаваннем асаблівасцей арыгінала. – *А. В.*). Да нашага часу дайшлі шэсць старонак рукапіснага тэксту кнігі. Фрагмент пачынаецца з раздзела, у якім апісваецца «варевня», і абрываецца на раздзеле, прысвечаным пчалярству[7]. Гэты тэкст даслоўна паўтарае варыянт, апублікаваны І. А. Сербавым у 1915 г.[8] На адваротным баку старонак, акуратна запоўненых каліграфічным почыркам, наклеены фотаздымкі з подпісамі. З 44 выяў, што ўвайшлі ў кнігу, у архіўнай справе прадстаўлены 18 арыгіналаў[9]. Подпісы, зробленыя рукою І. А. Сербава, без змен прыводзяцца ў яго манаграфіі 1915 г.

Каштоўнай крыніцай інфармацыі аб узаемаадносінах І. А. Сербава і А. А. Шахматава з'яўляюцца мемуары сястры вядомага мовазнаўцы Я. А. Масальскай-Сурынай [7]. У 1908 г. пасля пераводу яе мужа, чыноўніка В. А. Масальскага-Сурына, на службу ў Мінск яна далучылася да дзейнасці Мінскага царкоўнага гісторыка-археалагічнага камітэта, а ў 1911 г. пазнаёмілася з І. А. Сербавым. Ва ўспамінах, напісаных у 1920 г., Я. А. Масальская-Сурына выкарыстоўвала вытрымкі са сваёй перапіскі з братам, падчас якой абмяркоўваліся розныя падзеі, у тым ліку і дзейнасць Ісака Абрамавіча.

Асноўная частка

І. А. Сербаў 1 верасня 1910 г. заняў пасаду настаўніка Мінскага другога гарадскога мужчынскага чатырохкласнага вучылішча [3, с. 41]. За плячыма Ісака Абрамавіча была шматгадовая педагагічная дзейнасць у Жаролах, Хоцімску, Гомелі, Стоўбцах [4, с. 193–194]. Ён таксама меў досвед этнаграфічнай

[2] *Навагродскі Т., Пясоцкая Я.* Прадмова // Сербаў І. А. Вічынскія паляне. Матэрыяльная культура: этнаграфічны нарыс Беларускага Палесся. Мінск : БФК, 2005. С. 4.
[3] СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1374.
[4] Там жа. Спр. 1427. Арк. 8–9 адв.
[5] Машынапісная копія ліста Е. Р. Раманава да А. А. Шахматава, у якім абмяркоўваюцца абставіны пераводу І. А. Сербава з Мінска ў Вільню, захоўваецца ў Цэнтральнай навуковай бібліятэцы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНБ НАНБ. Аддзел рэдкіх кніг і рукапісаў. Ф. 42 (М. Я. Грынблат). Воп. 1. Спр. 2110. Арк. 1–2).
[6] СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 2. Спр. 180.
[7] Там жа. Арк. 1–6.
[8] *Сербов И. А.* Белорусы-сакуны. Краткий этнографический очерк // Сб. отд-ния рус. яз. и словесности. 1915. Т. XCN. № 1. С. 17–32.
[9] СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 2. Спр. 180.

і краязнаўчай працы. Не апошнюю ролю ва ўцягванні І. А. Сербава ў вывучэнне народнай культуры адыграў Е. Р. Раманаў[10]. Верагодна, менавіта славуты этнограф і археолаг паспрыяў уваходжанню свайго даўняга знаёмага ў лік сяброў паўночна-заходняга аддзела Імператарскага Рускага геаграфічнага таварыства (далей – ІРГТ), заснаванага ў 1910 г. у Вільні[11].

Асвоіўшыся ў Мінску, І. А. Сербаў у хуткім часе заслужыў у асяроддзі мясцовай інтэлігенцыі трывалую і адназначную рэпутацыю. Яго характарызавалі наступным чынам: «сотрудник Романова, фанатик» [7, с. 262]. Поўны энергіі, амбіцый, імпэту, Ісак Абрамавіч стаў сябрам і Мінскага царкоўнага гісторыка-археалагічнага камітэта.

Гэта навуковае таварыства было афіцыйна створана 13 лютага 1908 г., у дзень трохсотгоддзя з дня смерці князя Канстанціна Астрожскага. Дзейнасць камітэта была накіравана на вывучэнне гісторыі і царкоўнага жыцця краю, збор і захаванне прадметаў даўніны. Першапачаткова камітэт узначаліў дырэктар народных вучылішч М. М. Былоў. У 1909 г. пасля смерці М. М. Былова пасаду старшыні заняў памешчык А. К. Снітка. Большасць сяброў камітэта складалі святары і настаўнікі[12].

З першых дзён існавання таварыства актыўны ўдзел у яго працы прымала Я. А. Масальская-Сурына. Яна рэгулярна даволі падрабязна распавядала брату аб праектах, рэалізаваных таварыствам: адкрыцці музея, правядзенні экспедыцый і інш. А. А. Шахматаў высока ацэньваў дасягненні мінскіх энтузіястаў. Тыя, у сваю чаргу, неаднаразова запрашалі даследчыка далучыцца да адной з «экскурсій» [7, с. 49–56]. Нарэшце ў снежні 1908 г. А. А. Шахматаў знайшоў магчымасць пабываць у Мінску. Займаючыся распрацоўкай шэрага моўназнаўчых праблем, ён накіраваўся ў Барысаўскі павет. З сабой навуковец узяў фанограф – прыбор, які дазваляў дакладна фіксаваць спевы і маўленне. Сяляне з ахвотай «падстаўлялі голас», і Аляксей Аляксандравіч хутка запоўніў усе ўзятыя валікі. Скончыўшы падарожжа, ён абмеркаваў з сябрамі камітэта перспектывы вывучэння помнікаў мясцовай даўніны[13] [6, с. 317; 7, с. 56]. У красавіку 1909 г. Рада камітэта абрала яго сваім ганаровым сябрам[14]. Напрыканцы лютага 1910 г. вядомы навуковец зноў наведаў Мінск. Ён азнаёміўся з экспазіцыяй музея пры Мінскім царкоўным гісторыка-археалагічным камітэце і выступіў на пасяджэнні навуковага таварыства[15]. Камунікацыя з мінскімі адмыслоўцамі працягвалася і ў наступныя гады. У архіве А. А. Шахматава ў Санкт-Пецярбургскім філіяле Архіва Расійскай акадэміі навук захаваліся адзінаццаць лістоў А. К. Сніткі[16].

З першых месяцаў знаходжання ў Мінску І. А. Сербаў уключыўся ў навуковае жыццё губернскага цэнтра. У канцы 1910 г. ён апублікаваў невялікую кнігу пад назвай «Село Великое. Картинки из жизни Белоруссии». Брашура памерамі 22 × 15 см мела 56 старонак[17]. Магчыма, яна была змешчана ў ілюстраваным дадатку да штодзённай газеты «Минское слово»[18]. А. А. Шлюбскі, складаючы напрыканцы 1920-х гг. бібліяграфію па этнаграфіі Беларусі, назваў кнігу бібліяграфічнай рэдкасцю[19]. Сёння ў беларускіх бібліятэках выданне адсутнічае.

Варта паспрабаваць вызначыць, якой вёсцы была прысвечана публікацыя. Пошукі адказу на гэта пытанне ўскладняюцца тым, што айконім «Вялікае Сяло» вядомы ў розных рэгіёнах Беларусі. І. А. Сербаў узгадаў у 1935 г., што брашура пад назвай «Село Великое» з'яўлялася этнаграфічным нарысам «Ухлясцкага раёна Усходняй Магілёўшчыны»[20]. Аднак навуковец датаваў выданне 1902/1903 г. і ўдакладніў, што яно выйшла ў выдавецтве Магілёўскай губернскай тыпаграфіі. Гэтыя звесткі цалкам разыходзяцца з інфармацыяй, апублікаванай А. А. Шлюбскім. Такім чынам, дакладная лакалізацыя паселішча, што прыцягнула ўвагу Ісака Абрамавіча, выклікае цяжкасці. Якія «картинки из жизни Белоруссии» прыводзіў мінскі настаўнік, высветліць таксама нельга. Можна толькі адзначыць, што тады, калі тэкст І. А. Сербава выйшаў з друку, ён зацікавіў многіх чытачоў [7, с. 262].

Па заданні Мінскага царкоўнага гісторыка-археалагічнага камітэта І. А. Сербаў у сярэдзіне лютага 1911 г. быў камандзіраваны «в некоторые пункты Минской губернии для составления этнографических коллекций» (цыт. па [1, с. 36, мал. 1]).

[10]Местный отдел // Могилёв. губ. ведомости. 1903. № 28–29. Часть неоффиц. С. 117. (Тут і далей назвы выданняў прыводзяцца з захаваннем асаблівасцей арыгінала. – *А. В.*)

[11]Список членов Северо-Западнаго Отдела Императорскаго Русскаго Географическаго общества за 1910 г. // Зап. сев.-зап. отд. ИРГО. 1911. Кн. 2. С. 427.

[12]Устав Минского церковного историко-археологического комитета // Мин. епарх. ведомости. 1908. № 3. Прил. к неоффиц. части С. 1–6 ; Открытие М. Ц. Историко-археологического комитета // Мин. епарх. ведомости. 1908. № 4. Часть неоффиц. С. 99–100 ; Из жизни и деятельности Мин. Ц. И.-Арх. Комитета // Мин. старина. 1911. Вып. 2. С. 235–241.

[13]Заседания Цер. Историко-Археологическаго Комитета // Мин. епарх. ведомости. 1909. № 1. Часть неоффиц. С. 40.

[14]Журнал общего годичнаго собрания Минскаго Церковнаго историко-археологическаго комитета // Мин. старина. 1909. Вып. 1. С. 167.

[15]Посещение Музея академиком А. А. Шахматовым // Мин. епарх. ведомости. 1910. № 5. Часть неоффиц. С. 120.

[16]СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1427.

[17]Матар'ялы да беларускае бібліографіі. Том IV. Этнографія / уклад. А. Шлюбскі. Мінск : Выд-ва Ін-та беларус. культуры, 1927. С. 5.

[18]Нац. арх. Рэсп. Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Воп. 3. Спр. 7480. Арк. 3 адв.

[19]Матар'ялы да беларускае бібліографіі. Том IV. Этнографія / уклад. А. Шлюбскі. Мінск : Выд-ва Ін-та беларус. культуры, 1927. С. 5.

[20]Цэнтр. навук. арх. Нац. акад. навук Беларусі (ЦНА НАНБ). Ф. 14. Воп. 1. Спр. 186. Арк. 7.

Вярнуўшыся з вандроўкі, маршрут якой пралягаў праз Даманавічы (сённяшні Калінкавіцкі раён Гомельскай вобласці), Жыцін, Крынкі (сённяшні Асіповіцкі раён Магілёўскай вобласці) і яго родныя Кульшычы (сённяшні Слаўгарадскі раён Магілёўскай вобласці) [1, с. 26], І. А. Сербаў ахвотна дзяліўся з сябрамі мінскага навуковага таварыства атрыманымі вынікамі. Яго апантанасць перадавалася слухачам. Я. А. Масальская-Сурына 9 сакавіка 1911 г. адправіла свайму брату чарговы ліст. «О Сербове, конечно, писалось очень горячо», – узгадвала яна пазней у мемуарах [7, с. 262]. Менавіта з гэтага ліста пачалося завочнае знаёмства А. А. Шахматава з І. А. Сербавым.

Я. А. Масальская-Сурына з захапленнем распавядала пра незвычайнага настаўніка гарадскога вучылішча: «От него я впервые услышала о древнем белорусском племени сакунов. <…> Он тратит свои последние гроши, чтобы объезжать селения сакунов, записывая их песни и поговорки. Одних песен у него набралось до ста шестидесяти, и мотивы их он положил на ноты. Оленька[21] их спела нам, очень-очень красивые, мелодичные, хотя и грустные мотивы» [7, с. 262].

Да ліста была дададзена апошняя апублікаваная праца Ісака Абрамавіча. «Просмотри его статьи о селе Великом и подумай, как достать Сербову средств», – настойліва рэкамендавала брату Яўгенія Аляксандраўна [7, с. 262].

Праз дзесяць дзён Аляксей Аляксандравіч даслаў разгорнуты адказ. Ён заўважыў: «О сакунах я много слышал, много писалось о них в разных статьях; разумею, сакунов Пинского уезда, названных так потому, что они вместо “ся” произносят “са” (назвалася, старалася)». Вядомы навуковец высока ацаніў творчасць пачаткоўца-этнографа: «С большим интересом прочел статьи г. Сербова» [7, с. 262].

Надзвычай сур’ёзна А. А. Шахматаў аднёсся да фінансавага становішча адмыслоўца. Ён параіў Я. А. Масальскай-Сурынай: «Посоветуй ему написать через меня в Отделение русского языка и словесности просьбу о выдаче ему ста рублей на поездку туда-то, с такою-то целью» [7, с. 262]. Акрамя таго, разумеючы важнасць метадычнага забеспячэння навуковай дзейнасці, выбітны даследчык паабяцаў: «Мы вышлем ему белорусскую программу. Знает ли он труды Карского?» [7, с. 262]. Засталося не вызначаным, ці быў І. А. Сербаў знаёмы з брашурай Я. Ф. Карскага «Программа для собирания особенностей белорусского наречия»[22] ў 1911 г. Можна толькі сцвярджаць, што ў наступныя гады гэта выданне стала адной з яго настольных кніг. Менавіта ў адпаведнасці з праграмай, распрацаванай Я. Ф. Карскім, Ісак Абрамавіч здзейсніў апісанне гаворкі беларусаў-сакуноў, якое апублікаваў у 1915 г.[23] Згодна з рэкамендацыямі Я. Ф. Карскага ён у 1913–1914 гг. падрыхтаваў апісанне і гаворкі вічынцаў[24] – жыхароў групы вёсак з цэнтрам у Вічыне (сённяшні Лунінецкі раён Брэсцкай вобласці). Гэтыя лінгвістычныя матэрыялы, аднак, так і не былі надрукаваны.

Няма сумненняў у тым, што аўтарытэтны акадэмік звярнуў увагу на досвед апантанага адмыслоўца. Добра памятаючы пра плён экспедыцыі 1908 г., А. А. Шахматаў марыў аб яшчэ адной паездцы на тэрыторыю Беларусі. Ён задумаўся аб падарожжы ў Бабруйскі павет і ў канцы сакавіка 1911 г. папрасіў сястру: «Быть может, ты, если увидишь еще раз Сербова, порасспросишь его, какие волости наиболее глухие. Меня более всего будет интересовать язык, произношение» [7, с. 263].

Тэма сакуноў зацікавіла і іншых сяброў Мінскага царкоўнага гісторыка-археалагічнага таварыства. А. К. Снітка запланаваў паездку «в село Битино, средоточие сакунов, лентой протянувшееся из Бобруйского уезда в Могилёвский разбросанными островками» [7, с. 264]. Ён запрасіў А. А. Шахматава прыняць удзел у вандроўцы. Гэта ідэя спадабалася сталічнаму навукоўцу, аднак да яе рэалізацыі справа так і не дайшла.

Думкі пра вывучэнне побыту і мовы сакуноў займалі перадусім Ісака Абрамавіча. Ён бачыў, што лад жыцця няўхільна змяняецца, і імкнуўся заахвоціць сяброў і знаёмых да вывучэння «говора и племени, исчезающих с лица земли» [7, с. 262]. У самым канцы сакавіка 1911 г. яго словы загучалі ў чарговым лісце Я. А. Масальскай-Сурынай да брата: «Сербова зовут в виленское географическое общество, но он хочет себя посвятить Минской губернии. Пойми, через два года проведут железные дороги в Полесии, и от нетронутой старины этой, от говоров, костюмов, обрядов и всего уклада жизни этого не останется ничего» [7, с. 264].

Безумоўна, Аляксей Аляксандравіч, які фактычна курыраваў усю дыялекталагічную працу Расійскай імперыі, і сам добра разумеў перспектыву знікнення аўтэнтычных гаворак і многіх праяў традыцыйнай культуры. Ён не застаўся ў баку ад дапамогі І. А. Сербаву. Ужо ў красавіку 1911 г. А. А. Шахматаў даваў справаздачу Я. А. Масальскай-Сурынай: «Поездка Сербова состоится, как я уже писал Тете[25]. Но деньги Снитко получит не раньше конца апреля благодаря наступившему праздничному времени» [7, с. 265].

[21]Вольга Аляксееўна Шахматава – малодшая сястра Я. А. Масальскай-Сурынай і А. А. Шахматава. – *А. В.*

[22]Программы для собирания особенностей народных говоров. Программа для собирания особенностей белорусского наречия / сост. Е. Ф. Карский. СПб. : Изд-во Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1897.

[23]*Сербов И. А.* Белорусы-сакуны. Краткий этнографический очерк. Петроград : Тип. Акад. наук, 1915. С. 50–180.

[24]СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1374. Арк. 13 адв., 14, 15.

[25]Вольга Мікалаеўна Шахматава – цётка, якая замяніла Шахматавым іх рана памерлую маці. – *А. В.*

Экспедыцыя сапраўды адбылася. Летам 1911 г. па даручэнні паўночна-заходняга аддзела ІРГТ І. А. Сербаў здзейсніў вандроўку па Ігуменскім і Бабруйскім паветах Мінскай губерні, Магілёўскім і Чавускім паветах Магілёўскай губерні. Ён сабраў багаты этнаграфічны матэрыял і зрабіў каля тысячы фотаздымкаў[26] [1, с. 27, 33]. Наступная паездка адбылася летам 1912 г. Маршрут І. А. Сербава праходзіў па Бабруйскім, Ігуменскім, Мазырскім, Слуцкім, Пінскім паветах Мінскай губерні. Падчас экспедыцыі, нягледзячы на наяўнасць афіцыйных дазволаў, Ісак Абрамавіч быў двойчы арыштаваны. Тым не менш і гэтая «экскурсія» прынесла вялікі навуковы плён. Даследчык неаднойчы распавядаў аб праведзенай працы ў Мінску і Вільні, падрыхтаваў і апублікаваў грунтоўную справаздачу[27] [1, с. 27; 4, с. 195].

Сціплы настаўнік набыў вядомасць у навуковых колах двух гарадоў. Ён прымаў самы актыўны ўдзел у жыцці Мінскага царкоўнага гісторыка-археалагічнага камітэта. І хаця Я. А. Масальская-Сурына з'ехала з Мінска яшчэ вясной 1911 г., асобныя звесткі аб дзейнасці адмыслоўца працягвалі даходзіць да А. А. Шахматава. Так, у адным са сваіх лістоў А. К. Снітка распавёў свайму старэйшаму калегу аб тым, што І. А. Сербаў падарыў камітэту калекцыю «вытканных узораў работы Сакунов»[28]. Акрамя таго, А. К. Снітка даслаў выбітнаму лінгвісту фотаздымак гэтых «узораў», зроблены Ісакам Абрамавічам[29]. Паведамленне А. К. Сніткі не мела даты, але можна меркаваць, што яно было адпраўлена не пазней за лістапад 1912 г.

Менавіта позняй восенню 1912 г. І. А. Сербаў атрымаў першы ліст ад акадэміка А. А. Шахматава[30]. Адрас мінскага педагога славуты навуковец удакладніў у А. К. Сніткі[31]. «Благодарю Вас за внимание к моим скромным трудам в деле изучения родного края», – адказаў Ісак Абрамавіч 30 лістапада. Так распачалася перапіска, якая працягвалася да канца 1917 г.

Што падштурхнула А. А. Шахматава напісаць І. А. Сербаву, можна толькі здагадвацца. Магчыма, ён хацеў падзякаваць за дасланы фотаздымак. Несумненна, ён імкнуўся фінансава падтрымаць небагатага адмыслоўца. Ісак Абрамавіч з уласцівым яму пачуццём сумленнасці і адказнасці ад такой дапамогі адмовіўся: «Покорно прошу Вас, если возможно, примите меня под свою руку, но денежных средств пока не выдавайте: эти рубли меня крайне стесняют и связывают»[32]. Нельга выключаць і таго, што Аляксей Аляксандравіч адгукнуўся на атрыманне рукапісу кнігі пра сакуноў. Ва ўсялякім выпадку, «кароткі этнаграфічны нарыс» быў высланы ў Імператарскую акадэмію навук не пазней за снежань 1912 г.[33]

Атрыманне ліста з Санкт-Пецярбурга стала нешэраговай падзеяй у жыцці І. А. Сербава. Падзякаваўшы за ўвагу да сваёй асобы, ён падзяліўся з акадэмікам планамі: «Будущим летом думаю заняться обследованием великого Оброва, Руды и Ясеня, т. е. области ловищ и гоньбищ, принадлежавших Малу Кольчанину, о котором Вы изволите упоминать на 375 стр. "в летописных сводах"[34]. Там я был уже два раза, но всегда проездом, наскоро. Малковичи и Погост являются центром, от которого распространяются – на восток ударное "о", на запад "у", на север "е" и на юг "и", напр.: кот – кут – кет – кит; стол – стул – стел – стил; бор – бур – бер – бир и т. д. В то же время на юго-восток идет замена ударного "ы" на "у", напр.: мышь – мушь, вы – ву, бык – бук, быў – буў и т. д. Все это только примеры богатства и разнообразия того среднеполесского говора, который сохранился еще в необъятной Минщине»[35].

І. А. Сербаў, паглыбляючыся ў лінгвістычныя праблемы, аб'ектыўна падыходзіў да ацэнкі сваіх ведаў. Ён марыў аб магчымасці атрымаць ад дасведчанага спецыяліста парады і крытыку: «Ваш высокий авторитет и просвещенное руководство для меня были бы чрезвычайно ценны. Они предохранили бы меня от неприязненного взгляда местных властей и поддержали бы морально, что несравненно дороже и выше всяких субсидий»[36].

І ўсё ж настаўнік даволі востра адчуваў недахоп грошай. Ён стрымана патлумачыў складаную сітуацыю: «Корреспонденция в Академию наук пересылается безплатно, но требуется печать или бумажная оплатка. Не могу ли получить какой-нибудь десяток этих оплаток-печатей для пересылок в Академию корректуры и рукописей?»[37]

[26] *Сербов И. А.* По Дреговичской области летом 1911 г. // Зап. сев.-зап. отд. ИРГО. 1912. Кн. 3. С. 304–320.
[27] *Сербов И. А.* Поездка по Полесью летом 1912 г. // Зап. сев.-зап. отд. ИРГО. 1913. Кн. 4. С. 70–102.
[28] СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1427. Арк. 6–6 адв.
[29] Там жа.
[30] Там жа. Спр. 1374. Арк. 1.
[31] Там жа. Спр. 1427. Арк. 6.
[32] Там жа. Спр. 1374. Арк. 2.
[33] Там жа. Арк. 7–7 адв.
[34] Маецца на ўвазе праца А. А. Шахматава «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908). А. А. Шахматаў прыводзіў звесткі з летапісу «Аповесць мінулых гадоў» і пісаў пра князя Мала, правадыра драўлян. У 945 г. той узначаліў паўстанне супраць паборaў кіеўскага князя Ігара, а ў 946 г. быў забіты па загадзе ўдавы Ігара княгіні Вольгі. Вядомы лінгвіст лічыў, што князь Мал паходзіў з Кольца (Клецка).
[35] СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1374. Арк. 1–1 адв.
[36] Там жа. Арк 1 адв.
[37] Там жа. Арк. 2 адв.

У хуткім часе просьба была задаволена[38]. А. А. Шахматаў, дасылаючы І. А. Сербаву ў канцы 1912 г. чарговыя лісты, не шкадаваў добрых слоў. Ісак Абрамавіч быў прыемна ўражаны. «Вы меня так обласкали и ободрили своими декабрьскими письмами», – узгадваў ён нават праз некалькі месяцаў[39].

А ў канцы 1912 г. мінскі настаўнік вырашыў падзяліцца са старэйшым калегам злабадзённымі турботамі: «Хотелось бы очень иметь труды великих белоруссов, но просто не знаю, где достать их. Например, Е. Р. Карский в своих "Белоруссах" часто ссылается на Ваши "Изследования"[40], но я, к сожалению, не могу найти их в продаже. Ваши "Разыскания в летописных сводах"[41] случайно увидел у Андрея Константиновича [Снитко. – *А. В.*] и выпросил на время для ознакомления, но эта ценная книга мне просто необходима на каждом шагу»[42].

Невядома, ці даслаў А. А. Шахматаў І. А. Сербаву так патрэбныя працы. Вядома толькі, што напрыканцы 1912 г. мінскі настаўнік атрымаў навіну, якая адсунула на другі план і клопаты з пошукам кніг, і думкі пра карэктуру рукапісу. Згодна з рашэннем кіраўніцтва Ісак Абрамавіч мусіў заняць вакансію настаўніка Віленскага трэцяга гарадскога вучылішча. Прыступіць да новых абавязкаў належала з 1 студзеня 1913 г.[43]

Ісак Абрамавіч адправіў Аляксею Аляксандравічу Шахматаву ліст, поўны смутку і горкай іроніі: «Со мной теперь стряслась целая беда: переводят в Вильну, что мне очень не нравится, совершенно расстроился. Масса работы на руках, а работать не могу, лишился сна и душевного покоя. Не знаю, что делать. Думаю наказать учебный округ по китайскому[44] обычаю, только не повешусь, а попрошусь на полесское болото»[45]. І. А. Сербава непакоіла пытанне, ці здолее ён на новым месцы працягваць распачатыя навуковыя даследаванні. Клапаціў яго і фінансавы аспект пераезду ў вялікі горад: «Правда, семья моя состоит всего из двух душ – меня и жены, но что я буду делать и как жить в Вильне на 730 руб. годового содержания…»[46]

У аўтабіяграфіі, напісанай у 1923 г., ён адзначыў, што быў накіраваны ў цэнтр навучальнай акругі па распараджэнні папячыцеля[47]. Канешне, *curriculum vitae*, складзенае пры працаўладкаванні, – не той жанр, у якім варта ўзгадваць асабістыя крыўды. А вось у прыватных размовах канца 1912 г. – пачатку 1913 г. Ісак Абрамавіч скардзіўся, што «в Вильну его перевел правитель Сев.-Зап. Отделения И.Р.Г.О. г. Довгялло (он же правитель канцелярии попечителя), чтобы воспользоваться им как рабочею силою в целях отдела»[48].

Не маючы магчымасці змяніць рашэнне кіраўніцтва і не збіраючыся адмаўляцца ад настаўніцкай кар'еры, Ісак Абрамавіч пераехаў у Вільню. Сябры і знаёмыя паспрабавалі дапамагчы І. А. Сербаву застацца ў Мінску. Яны, не дамаўляючыся, вырашылі звярнуцца да чалавека, на аўтарытэт і сувязі якога моцна разлічвалі. У пачатку 1913 г. А. К. Снітка і Е. Р. Раманаў адправілі лісты да А. А. Шахматава ў Санкт-Пецярбург.

А. К. Снітка перажываў не столькі за лёс Ісака Абрамавіча, колькі за перспектывы навуковага таварыства ў Мінску: «Если, глубокоуважаемый Алексей Александрович, Вы пожелаете… похлопотать за Сербова – то окажете огромную услугу нашему Комитету. Без Сербова деятельность нашего Комитета, в смысле этнографических[49] исследований, совершенно падает. А мы с Сербовым как раз наметили чрезвычайно интересные пункты для экскурсий: Копыль, Оброво и брагинский клин. Хотелось бы воспользоваться Ис. Ав., чтобы подробнее исследовать Минскую губ., и, кажется, тогда придется внести некоторые поправки в карту Карского распространения говоров в Белоруссии. <…> Повторюсь, что для Комитета Сербов очень нужен и Ком. хочет его привлечь к Минску»[50].

Е. Р. Раманава непакоіла будучыня не арганізацыі, а лёс вопытнага спецыяліста. Яго ліст, адпраўлены 23 лютага 1913 г., быў напоўнены бацькоўскім клопатам аб Ісаку Абрамавічу: «Ничего не имея против выполнения проектов г. Довгялло и г. Снитко, И. А. Сербов все же не может не сознавать, что он имеет право на большее внимание с их стороны для улучшения его служебного положения. Ему уже 42 года, на учительской службе он более 20 лет и при всем том он только учитель городского училища, получает 56 руб. в месяц и находится в подчинении у юнцов-инспекторов, не имеющих решительно никаких заслуг ни в служебном, ни еще менее – в научном отношении. <…> Обо всем этом я счел долгом… доложить Вам, на случай, Вы

[38]СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1374. Арк. 4.
[39]Там жа. Арк. 7 адв.
[40]Маецца на ўвазе праца А. А. Шахматава «Исследования в области русской фонетики» (1893).
[41]Маецца на ўвазе праца А. А. Шахматава «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908).
[42]СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1374. Арк. 3–4 адв.
[43]Памятная книжка Виленского учебного округа на 1913 год. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1913. С. 371.
[44]Слова падкрэслена атрамантам.
[45]СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1374. Арк. 4 адв.
[46]Там жа.
[47]НАРБ. Ф. 205. Воп. 3. Спр. 7480. Арк. 3 адв.
[48]ЦНБ НАНБ. Аддзел рэдкіх кніг і рукапісаў. Ф. 42 (М. Я. Грынблат). Воп. 1. Спр. 2110. Арк. 1.
[49]Тут і далей у цытаваным дакументе словы падкрэслены алоўкам. Верагодна, пазнакі зроблены А. А. Шахматавым. – *А. В.*
[50]СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1427. Арк. 8 адв., 9–9 адв.

найдете нужным в письме к попечителю просить о возвращении его в Минск не на прежнюю должность, что было бы для Сербова понижением, а на должность учителя-инспектора вновь открываемого IV училища»[51].

Па ініцыятыве А. А. Шахматава галоўная навуковая ўстанова Расійскай імперыі аператыўна падрыхтавала хадайніцтва аб перамяшчэнні настаўніка І. А. Сербава з Вільні ў Мінск. Ужо 10 сакавіка кіраўнік канцэлярыі навучальнай акругі Д. І. Даўгяла паведаміў свайму падначаленаму аб атрыманні афіцыйнага дакумента з Імператарскай акадэміі навук. Дзмітрый Іванавіч патлумачыў, што, нягледзячы на настойлівыя просьбы з Санкт-Пецярбурга, пазіцыя папячыцеля не змянілася. І. А. Сербава, як члена паўночна-заходняга аддзела ІРГТ, пераводзіць у Мінск не будуць[52].

Праз два дні без асаблівага спадзявання на поспех педагог і даследчык паспрабаваў асабіста паразмаўляць з папячыцелем акругі А. А. Астравумавым. Гэту сустрэчу Ісак Абрамавіч апісаў у лісце да А. А. Шахматава:

«Сегодня пошел на прием. Для виду взял с собою на всякий случай отчет о последней поездке на Полесье.

Попечитель показался мне добродушным старичком и довольно обходительным человеком. Произошел приблизительно такой диалог:

– Я слышал о ваших работах.

– Работаю понемногу.

– Вы нам нужны здесь.

– Как вам угодно.

– Мы вас командируем летом для собирания материалов по этнографии.

– Я в полном распоряжении Вашего превосходительства.

– Да, но вот за вас поступило ходатайство о перемещении обратно в Минск.

– Да, там я нужен.

– Но разве там некому работать?

– Не знаю.

– Мы вас и здесь можем устроить инспектором городского училища.

– Спасибо.

– Все-таки вы можете работать и для нас, и для Минска, живя здесь.

– Это невозможно. Там работы много по предстоящему археологическому съезду.

– Да, я знаю эти съезды, мне приходилось их открывать…

Вот и все, что я вынес из приемной. Видимо, меня не отпустят из Вильни»[53].

Так і адбылося.

Канчаткова змірыўшыся з рашэннем кіраўніцтва, Ісак Абрамавіч паглыбіўся ў навуку. У тым жа сакавіку, дасылаючы А. А. Шахматаву ліст з падзякай за клопаты, І. А. Сербаў паабяцаў: «Летом поеду на Полесье и представлю Вам свои работы»[54]. Але і вясной ён паспеў зрабіць нямала.

Яшчэ ў снежні 1912 г. І. А. Сербаў разлічваў атрымаць з Санкт-Пецярбурга карэктуру кнігі пра дрыгавічоў-сакуноў. Доўгачаканая пасылка, аднак, затрымлівалася. Не прыходзіла яна і на новы віленскі адрас. Такая сітуацыя пачала моцна турбаваць настаўніка[55]. Імкнучыся высветліць лёс рукапісу, у канцы лютага 1913 г. Ісак Абрамавіч даслаў запыт А. А. Шахматаву. Ужо праз некалькі дзён тэкст карэктуры нарэшце знайшоў свайго адрасата. У пачатку сакавіка даследчык вычытаў рукапіс і даслаў новы варыянт у Імператарскую акадэмію навук[56]. Магчыма, фрагмент менавіта гэтага тэксту захаваўся ў архіве А. А. Шахматава[57].

У сакавіку 1913 г. Ісак Абрамавіч падзяліўся з пецярбургскім даследчыкам яшчэ адным клопатам: ён хацеў знайсці для сваіх летніх «экскурсій» фанограф[58]. Праблема адсутнасці фанографа абмяркоўвалася сябрамі паўночна-заходняга аддзела ІРГТ яшчэ ў 1911 г.[59] Грошы, неабходныя для пакупкі, арганізацыя сабраць так і не здолела. Ісак Абрамавіч задумаў пазычыць патрэбны яму апарат у Імператарскай акадэміі навук. Зварот да Аляксея Аляксандравіча не быў выпадковым: несумненна, І. А. Сербаў ведаў аб экспедыцыі, зладжанай сталічным навукоўцам у 1908 г. Знайсці фанограф, нягледзячы на ўсе намаганні, не атрымалася. Чарговая няўдача тым не менш мэтанакіраванага даследчыка не разахвоціла.

У красавіку ён актывізаваў падрыхтоўку да новай паездкі на Палессе. Фінансавую падтрымку абяцала аказаць мясцовае аддзяленне ІРГТ [1, с. 28]. У адпаведнасці з хадайніцтвам таварыства ў канцылярыях гродзенскага і мінскага губернатараў былі афармлены пасведчанні, якія прадпісвалі чыноўнікам і паліцыі спрыяць навукоўцу ў выкананні ўскладзеных на яго даручэнняў[60]. Акрамя таго, добра памятаючы, што ў мінулагоднім падарожжы аналагічныя дакументы не выратавалі ад непрыемнасцей, І. А. Сербаў

[51]ЦНБ НАНБ. Аддзел рэдкіх кніг і рукапісаў. Ф. 42 (М. Я. Грынблат). Воп. 1. Спр. 2110. Арк. 1–2.
[52]СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1374. Арк. 5.
[53]Там жа. Арк. 5 адв., 6.
[54]Там жа. Арк. 6 адв.
[55]Там жа. Арк. 7 адв.
[56]Там жа. Арк. 8.
[57]Там жа. Воп. 2. Спр. 180.
[58]Там жа. Воп. 3. Спр. 1374. Арк. 10.
[59]Журналы и протоколы северо-западного отдела за 1911 г. // Зап. сев.-зап. отд. ИРГО. 1912. Кн. 3. С. 381.
[60]СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1374. Арк. 11 адв.

звярнуўся да А. А. Шахматава з просьбай: «Мне хотелось бы лично от Вас или Академии бумагу, из которой было бы видно, что я работаю на Полесье от Академии наук. Бумага эта имела бы некоторое значение для недреманого ока полиции. Документами я пользуюсь очень осторожно, т. е. в крайней необходимости, напр., при аресте»[61]. Відавочна, менавіта дзякуючы хадайніцтву старшыні аддзялення рускай мовы і славеснасці афіцыйныя лісты ад Імператарскай акадэміі навук былі своечасова аформлены [1, с. 28].

Разважаючы над перспектывамі ўласнай даследчай працы, І. А. Сербаў разумеў абмежаванасць сваіх ведаў. На велікодныя святы, якія ў 1913 г. прыпадалі на 27 красавіка, ён хацеў выбрацца ў Санкт-Пецярбург і паказаць А. А. Шахматаву свае напрацоўкі. Гэта паездка, аднак, па нявысветленых прычынах не адбылася[62].

І. А. Сербаў першапачаткова запланаваў выезд на другую палову мая. Абставіны нечакана змяніліся: школьнае кіраўніцтва выдала распараджэнне, згодна з якім экзамены павінны былі заканчвацца не раней 8 чэрвеня[63]. Пачатак «экскурсіі» прыйшлося адкласці. У першы дзень летніх канікул Ісак Абрамавіч нарэшце выправіўся ў экспедыцыю. За тры летнія месяцы ён пабываў у Пінскім і Мазырскім паветах Мінскай губерні, Слонімскім, Пружанскім і Кобрынскім паветах Гродзенскай губерні [1, с. 28]. Гэта вандроўка таксама не абышлася без складанасцей: у канцы ліпеня даследчык цяжка захварэў[64].

Тым не менш Ісак Абрамавіч застаўся задаволены вынікамі няпростай вандроўкі. У верасні 1913 г. ён даслаў Аляксею Аляксандравічу справаздачу: «Объехал довольно большой район, от бассейна Цны до истоков Ясельды. <…> Собрано до 500 фотографий по этнографии края, отмечено много черт из родового быта и языка белорусского племени и наконец записано до 1000 словесных произведений народного творчества, из которых на песни приходится до 70 номеров. Некоторые песни по своему складу и содержанию отличаются высокими качествами»[65].

Падзяліўся ён і бліжэйшымі творчымі планамі: «…приступаю к обработке материалов. Думаю представить Вам:

“а) краткий отчет[66] о поездке;

в) очерк о наречии пинчуков[67];

г) ‘Вичинцы – полевые люди’, этнографический очерк, наподобие сакунов. В предисловии к очерку будет помещена статья о сохранившихся признаках родового быта на Полесье;

д) сборник песен”»[68].

Апрацоўку твораў вуснай народнай творчасці І. А. Сербаў вырашыў адкласці на пачатак 1914 г. Тры іншыя працы даследчык хацеў завяршыць яшчэ да канца 1913 г. Жыццё, аднак, унесла ў гэтыя планы карэктывы.

Восенню 1913 г. І. А. Сербаў падрыхтаваў два рукапісы. Адзін быў прызначаны для паўночна-заходняга аддзела ІРГТ, другі – для Аддзялення рускай мовы і славеснасці Імператарскай акадэміі навук. Матэрыял аб паездцы на Пінскае Палессе, які ўвайшоў у гадавую справаздачу таварыства ў Вільні, застаўся неапублікаваным [1]. Тэкст, дасланы ў Санкт-Пецярбург, убачыў свет у снежні 1913 г.[69]

Акрамя таго, Ісак Абрамавіч працаваў над нарысам аб грамадскім развіцці паляшуцкіх супольнасцей. На пасяджэнні паўночна-заходняга аддзела ІРГТ, якое адбылося 16 лістапада 1913 г., даследчык прачытаў даклад на тэму «Признаки родового быта на Полесье». Сваё выступленне ён праілюстраваў уласнымі фотаздымкамі [1, с. 32]. «Здесь, среди лесов и болот… до сего времени сохранились явственные следы восточно-славянского родового быта, при том со всеми его типичными признаками решительно во всем – в материальной и духовной культуре, нравах и обычаях, фольклоре и наречии. Древние местные поселения… в общем представляют собой живые этнографические музеи. Сюда, точно по уговору, сошлись, разместились и размежевались по родовым общинам положительно все говоры и диалекты белорусского языка», – быў упэўнены навуковец у 1913 г.[70] Даклад выклікаў шмат крытычных заўваг [1, с. 32]. І. А. Сербава яны не збянтэжылі. «Мне хочется… доказать, что на Полесье сохранились остатки родового быта», – распавядаў ён А. А. Шахматаву[71].

Навуковай дзейнасцю Ісак Абрамавіч мог займацца толькі ў хвіліны, вольныя ад шматлікіх настаўніцкіх абавязкаў. Да пачатку 1914 г. скончыць працу над нарысам пра вічынцаў не атрымалася. І. А. Сербаў паспрабаваў завяршыць рукапіс да канца навучальнага года, аднак у маі 1914 г. зразумеў, што

[61]СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1374. Арк. 11 адв. – 12.
[62]Там жа. Арк. 12.
[63]Там жа. Арк. 11–11 адв.
[64]Там жа. Арк. 13–13 адв.
[65]Там жа. Арк. 13 адв. – 14.
[66]Тут і далей у цытаваным дакуменце словы падкрэслены алоўкам. Верагодна, пазнакі зроблены А. А. Шахматавым. – *А. В.*
[67]Цытата прыводзіцца з захаваннем асаблівасцей афармлення арыгінала. – *А. В.*
[68]СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1374. Арк. 14.
[69]*Сербов И. А.* Отчет И. А. Сербова о поездке на Пинское Полесье для собирания этнографического и лингвистического материала // Отчет Имп. акад. наук по Отд-нию рус. яз. и словесности за 1913 г. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1913. С. 21–26.
[70]*Сербов И. А.* Отчет И. А. Сербова о поездке на Пинское Полесье… С. 22.
[71]СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1374. Арк. 16.

«перабяліць» усе 280 чарнавых аркушаў у прызначаны самому сабе тэрмін не паспее. Тым не менш ён быў настроены аптымістычна: «Теперь остается только переписать программу по исследованию языка, песни и сказки»[72].

Ні зімой, ні вясной 1914 г. Імператарская акадэмія навук так і не даслала новы варыянт карэктуры працы пра сакуноў. Адмысловец скарыстаўся паўзай, каб удасканаліць першапачатковую версію этнаграфічных нарысаў. Ісака Абрамавіча непакоілі два пытанні, і, імкнучыся іх вырашыць, у пачатку мая ён звярнуўся да А. А. Шахматава. Па-першае, з-за таго, што падрыхтоўка тэксту пра вічынцаў зацягвалася, на неакрэслены час у рукапісе заставаўся даклад аб прыкметах радавога быту на Палессі. Між тым гэты матэрыял І. А. Сербаў лічыў вельмі важным. Даследчык прапанаваў змясціць яго ў якасці ўводзін да кнігі пра беларусаў-сакуноў. Віленскі этнограф быў упэўнены, што гэты даклад «послужит… объяснением ко всем монографиям такого рода»[73]. Па-другое, Ісака Абрамавіча моцна непакоіла думка аб памылках, якія маглі знайсціся ва ўласнаручна і, адпаведна, не вельмі прафесійна зробленых нотных запісах. Прыйшлося чарговы раз турбаваць аўтарытэтнага лінгвіста: «Алексей Александрович, распорядитесь, пожалуйста, на месте, чтобы кто-нибудь из знающих теорию музыки поставил правильно знаки при ключе в моих записях белорусских мелодий, помещенных в “Сакунах”»[74].

Акрамя таго, віленскі настаўнік па-ранейшаму марыў аб паездцы ў Санкт-Пецярбург. У маі 1914 г. ён запытаў А. А. Шахматава аб магчымасці сустрэцца ў жніўні ці верасні, каб «представить… свою работу и попросить кое-что из книжного старья»[75]. Гэта паездка таксама не адбылася. Адной з прычын змены планаў даследчыка сталі перамены ў яго кар’еры.

Яшчэ летам 1913 г. А. К. Снітка, які не губляў надзеі ажывіць дзейнасць Мінскага царкоўнага гісторыка-археалагічнага камітэта, зноў папрасіў А. А. Шахматава паспрыяць вяртанню І. А. Сербава ў Мінск[76]. Ісак Абрамавіч гэту ініцыятыву не ўхваліў і ў пачатку верасня напісаў акадэміку: «Сердечно благодарю Вас, но не стоит пока подымать этот вопрос, т. к. попечитель снова подтвердил, что он меня не выпустит из Вильны. Придется подождать, пока наступят лучшие времена»[77]. Выкладаць у Вільне, аднак, давялося нядоўга. Відавочна не жадаючы абвастраць сітуацыю і даводзіць справу да новага канфлікту з Імператарскай акадэміяй навук, папячыцель Віленскай навучальнай акругі А. А. Астравумаў знайшоў кампраміснае рашэнне. Ён накіраваў дасведчанага настаўніка на пасаду інспектара Вышэйшага пачатковага змешанага вучылішча ў Троках. З 15 ліпеня 1914 г. адмысловец прыступіў да выканання новых абавязкаў[78].

Імператар Мікалай II 20 ліпеня падпісаў маніфест, які азнаменаваў уступленне Расійскай імперыі ў вайну. «Военная встряска», як стрымана ахарактарызаваў падзеі ліпеня – жніўня 1914 г. нядаўна прызначаны інспектар трокскага вучылішча[79], істотна ўскладніла здзяйсненне ўсяго задуманага.

Толькі ў пачатку восені І. А. Сербаў змог вярнуцца да навуковай працы. У верасні 1914 г. ён напісаў ліст А. А. Шахматаву, у якім распавёў аб сваіх далейшых планах. Ён збіраўся нарэшце скончыць працу пра вічынцаў і ў хуткім часе напісаць пра дзятлаўцаў. Атрымаўшы паведамленне аб тым, што ў друкарні Імператарскай акадэміі навук завяршалася падрыхтоўка да выдання нарысаў пра сакуноў, адмысловец нагадаў аб сваёй просьбе змясціць тэкст «Признаки родового быта на Полесье» ў якасці ўводзін да кнігі. Карыстаючыся магчымасцю, ён таксама прапанаваў Аляксею Аляксандравічу ўключыць у ілюстрацыі карту ўсёй Беларусі ці хаця б Палесся[80]. Як паказаў час, пры публікацыі было ўлічана першае з двух пажаданняў[81].

Канчатковы дазвол на друк манаграфіі быў выдадзены акадэмікам С. Ф. Альдэнбургам 15 верасня 1915 г.[82] Даследаванне пра сакуноў адразу выклікала цікавасць у прафесіяналаў. А. А. Шахматаў у тым жа 1915 г. апублікаваў працу «Очерк древнейшего периода истории русского языка», у якой, разглядаючы асаблівасці беларускай гаворкі, прыводзіў прыклады, узятыя з матэрыялаў І. А. Сербава[83].

Доўгачаканая кніга ўбачыла свет у складаны для яе аўтара перыяд. У жніўні 1915 г., калі нямецкія войскі набліжаліся да Вільні, ён разам з жонкай стаў бежанцам. Некалькі месяцаў Ісак Абрамавіч, як ён

[72]СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1374. Арк. 15.
[73]Там жа. Арк. 17–17 адв.
[74]Там жа. Арк. 16 адв.
[75]Там жа. Арк. 15 адв.
[76]Там жа. Арк. 14 адв.
[77]Там жа.
[78]Памятная книжка Виленского учебного округа на 1915 год. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1915. С. 74–75.
[79]СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1374. Арк. 17.
[80]Там жа. Арк. 17–17 адв.
[81]*Сербов И. А.* Белорусы-сакуны… С. 1–27.
[82]Там жа.
[83]*Шахматов А. А.* Вып. 11.1. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энцикл. слав. филологии. Петроград : Тип. Имп. акад. наук, 1915. С. 279.

сам узгадваў, «скитался по миру»[84]. У лістападзе, атрымаўшы прызначэнне ад Віленскай навучальнай акругі, І. А. Сербаў пасяліўся ў Магілёве і ў хуткім часе заняў пасаду інспектара вышэйшых пачатковых вучылішч [8, с. 21]. Нягледзячы на неспрыяльныя абставіны, Ісак Абрамавіч не спыніў сваёй навуковай дзейнасці[85]. Можна меркаваць, што ён працягваў перапіску з А. А. Шахматавым.

Апошні ліст беларускага даследчыка, які захаваўся ў архіве славутага лінгвіста, быў напісаны 1 красавіка 1917 г. І. А. Сербаў падзякаваў акадэміку «за высылку ещё 25 экземпляров “Сакунов”»[86]. Ён паскардзіўся, што кіраўніцтва вырашыла паставіць яго на чале новага магілёўскага вучылішча, адкрыццё ягога было запланавана на 1 чэрвеня, і яму давядзецца сумяшчаць абавязкі дырэктара з нагрузкай інспектара. Тым не менш Ісак Абрамавіч думаў перадусім аб навуковых перспектывах. «Осенью представлю Вам свой новый этнографический очерк “Вичинцы – полевые люди”. Может, соберу кое-как свои разбросанные рукописи и приведу их в порядок», – абяцаў ён А. А. Шахматаву[87].

Лёс, аднак, зноў склаўся па-іншаму. Напярэдадні новага 1917/18 навучальнага года І. А. Сербаў атрымаў прызначэнне ў Сальцы, што пад Ноўгарадам, дзе заняўся наладжваннем школьнай справы[88]. Відавочна, ён не паспеў завяршыць працу над кнігай пра вічынцаў і ў канцы 1917 г. даслаў Аляксею Аляксандравічу іншы рукапіс – «крупный этнографический очерк “Дятловцы-полешуки”, охватывающий жизнь Полесья по верховьям реки Цны»[89].

Варта адзначыць, што час для навуковай камунікацыі быў выбраны вельмі няўдала. Ва ўмовах наступлення нямецкага войска, якое разгарнулася пасля правальнага «наступлення Керанскага» летам 1917 г., А. А. Шахматаў займаўся эвакуацыяй фондаў бібліятэкі Імператарскай акадэміі навук. Кастрычніцкую рэвалюцыю ён сустрэў у Саратаўскай губерні, у Петраград вярнуўся толькі ў маі 1918 г. [6, с. 358–359]. Хутчэй за ўсё, матэрыялы І. А. Сербава нават не дайшлі да адрасата. Далейшы лёс рукапісу застаўся нявысветленым [4, с. 197].

Заключэнне

А. А. Шахматаў упершыню даведаўся аб апантанай збіральніцкай дзейнасці І. А. Сербава ў 1911 г. ад сваёй сястры Я. А. Масальскай-Сурынай. У 1911–1917 гг. славуты лінгвіст перыядычна перапісваўся з Ісакам Абрамавічам.

На працягу ўсяго часу завочнага знаёмства Аляксей Аляксандравіч аказваў рознапланавую дапамогу І. А. Сербаву. Як старшыня Аддзялення рускай мовы і славеснасці Імператарскай акадэміі навук, ён хадайнічаў перад кіраўніцтвам Віленскай навучальнай акругі аб пераводзе настаўніка з Вільні ў Мінск. Ён забяспечваў матэрыяльную і арганізацыйную падтрымку этнаграфічна-фатаграфічным «экскурсіям» даследчыка ў 1911 і 1913 гг. А. А. Шахматаў дасылаў адмыслоўцу патрэбную метадычную і навуковую літаратуру. Акрамя таго, ён садзейнічаў публікацыі працы І. А. Сербава, прысвечанай беларусам-сакунам. У сваю чаргу, Ісак Абрамавіч дзяліўся з А. А. Шахматавым назіраннямі за асаблівасцямі гаворкі палешукоў, распавядаў пра вынікі экспедыцый, абмяркоўваў планы і перспектывы падрыхтоўкі кніг.

Безумоўна, для сусветна вядомага мовазнаўцы правінцыяльны педагог быў толькі адным з тых шматлікіх энтузіястаў, каго ён падтрымліваў. Для самога І. А. Сербава кантакты з пецярбургскім вучоным мелі выключна важнае значэнне. І калі ў 1927 г., ужо працуючы ў Інстытуце беларускай культуры, ён узгадаў акадэмікаў «старой школы», з якімі меў добрыя адносіны, то першым у спісе назваў прозвішча А. А. Шахматава[90]. Удзячнасць да старэйшага калегі І. А. Сербаў пранёс праз усё жыццё.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Лабачэўская ВА, складальнік. *Беларусы ў фотаздымках Ісака Сербава. 1911–1912.* Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі; 2012. 456 с.

2. Бандарчык ВК. Гісторыя этналагічнага вывучэння. У: Бандарчык ВК, Піліпенка МФ, Лакотка АІ, рэдактары. *Беларусы. Том 3*. Мінск: Беларуская навука; 1999. 365 с.

3. Лабачэўская ВА. Матэрыялы да біяграфіі Ісака Абрамавіча Сербава (1871–1943). *Homo Historicus*. 2022;2022:38–55.

4. Захаркевич СА. Исаак Абрамович Сербов. В: Король АД, редактор. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961)*. Минск: БГУ; 2019. с. 192–205.

[84]НАРБ. Ф. 205. Воп. 3. Спр. 7480. Арк. 4.
[85]Там жа ; *Веселовская К. В.* Обзор этнологической работы в Белоруссии за период 1917–1925 гг. // Этнография. 1926. № 1. С. 223.
[86]СПбФ АРАН. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1374. Арк. 19 адв.
[87]Там жа. Арк. 20 адв.
[88]НАРБ. Ф. 205. Воп. 3. Спр. 7480. Арк. 4.
[89]Там жа.
[90]ЦНА НАНБ. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 35. Арк. 177.

5. Шумейко МФ. *Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло*. Минск: Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела; 2002. 161 с.
6. Макаров ВИ. *«Такого не бысть на Руси прежде…». Повесть об академике А. А. Шахматове*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2000. 416 с.
7. Масальская-Сурина ЕА. *История с географией*. Москва: Издательство имени Сабашниковых; 2019. 568 с.
8. Агееў АР, Пушкін ІА. *Фарміраванне і дзейнасць Магілёўскага беларускага камітэта (1917–1918 гг.)*. Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова; 2017. 292 с.

Атрымана 05.12.2024 / выпраўлена 03.04.2025 / прынята 03.04.2025.
Received 05.12.2024 / revised 03.04.2025 / accepted 03.04.2025.

Научная жизнь

Навуковае жыццё

Scientific events

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 2024 г.

НАВУКОВЫЯ МЕРАПРЫЕМСТВЫ КАФЕДРЫ АРХЕАЛОГІІ І СПЕЦЫЯЛЬНЫХ ГІСТАРЫЧНЫХ ДЫСЦЫПЛІН ГІСТАРЫЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА Ў 2024 г.

SCIENTIFIC EVENTS AT THE DEPARTMENT OF ARCHAEOLOGY AND SPECIAL HISTORICAL DISCIPLINES OF THE FACULTY OF HISTORY OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY IN 2024

У 2024 г. супрацоўнікі кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта арганізавалі дзве міжнародныя навуковыя канферэнцыі і тры часовыя выставы археалагічных знаходак. Мэтамі дадзеных мерапрыемстваў з'яўляліся ўшанаванне выбітных даследчыкаў Э. М. Загарульскага і В. Н. Рабцэвіча, садзейнічанне развіццю моладзевай навукі, а таксама азнаямленне зацікаўленых людзей з вынікамі працы археалагічнай экспедыцыі БДУ за апошнія гады.

Міжнародная навуковая канферэнцыя маладых вучоных, аспірантаў і студэнтаў «Міждысцыплінарная інтэграцыя ў археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплінах» была праведзена 4–5 красавіка 2024 г. Удзельнікі канферэнцыі прадстаўлялі розныя ўстановы Беларусі (БДУ, Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Інстытут фізікі імя Б. І. Сцяпанава НАН Беларусі, Цэнтральную навуковую бібліятэку НАН Беларусі, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны) і Расіі (Інстытут археалогіі РАН, Інстытут гісторыі і археалогіі Уральскага аддзялення РАН, Бранскі дзяржаўны ўніверсітэт імя акадэміка І. Г. Пятроўскага, Наўгародскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Яраслава Мудрага, Уральскі федэральны ўніверсітэт імя першага Прэзідэнта Расіі Б. М. Ельцына, Інстытут экалогіі раслін і жывёл Уральскага аддзялення РАН, Палеанталагічны інстытут імя А. А. Барысяка РАН). З прывітальнымі словамі выступілі дэкан гістарычнага факультэта БДУ А. Г. Каханоўскі, намеснік дэкана Г. І. Маскевіч і загадчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін П. С. Курловіч. Загадчык навукова-даследчыцкай археалагічнай лабараторыі Вяцкага дзяржаўнага ўніверсітэта А. А. Кайсін правёў для ўдзельнікаў канферэнцыі прэзентацыю выдання «Географа-гістарычны часопіс».

Прадстаўленыя на канферэнцыі даклады былі падзелены на чатыры секцыі. Дзевяць дакладаў прысвячаліся міждысцыплінарным метадам у вывучэнні артэфактаў. Секцыйнае пасяджэнне распачаў У. С. Крумплеўскі, які прывёў асобныя прыклады біяархеалагічных даследаванняў. Аб выкарыстанні матэматычных метадаў у вывучэнні прадметаў распавялі А. Д. Гаршкоў (прымяненне параметра *tip cross-sectional perimeter* для гаспадарчай дыферэнцыяцыі элементаў кідальнага ўзбраення) і М. У. Чубароў (выкарыстанне TSCA-аналізу для вызначэн-

ня спецыялізацыі касцяных наканечнікаў). Асобны блок дакладаў закранаў пытанні вывучэння хімічнага складу металічных вырабаў па даных лазернага атамна-эмісійнага спектральнага (П. А. Іванова, К. Ф. Ермаліцкая, А. Д. Сахончык, А. А. Нікітка) і рэнтгенафлюарэсцэнтнага (С. С. Юрэцкі) аналізаў. К. А. Рогач выступіла з дакладам аб крытэрыях вылучэння кастарэзных майстэрань, А. Д. Аксючыц прадставіў даклад аб даследаванні паясной гарнітуры праз прызму выяўленчых крыніц.

Падчас працы секцыі па прасторавым аналізе і геамадэляванні былі агучаны шэсць дакладаў. П. С. Курловіч на прыкладзе ўласных даследаванняў, якія праводзіліся сумесна з А. А. Сазонавым, абазначыла патэнцыял выкарыстання паветранага лазернага сканіравання ў вывучэнні археалагічных помнікаў. М. Г. Рабчэўскі азнаёміў слухачоў з першым вопытам прымянення метадаў фотаграмметрыі пры даследаванні археалагічнага помніка Хатылёва-2. Даклады Я. Д. Ягорава, які праводзіў даследаванне сумесна з А. Ю. Сакаловым, і А. А. Кайсіна былі прысвечаны выкарыстанню тэхналогій геаінфармацыйных сістэм для ўліку і вывучэння помнікаў археалогіі. Магчымасці дадзеных тэхналогій маюць вялікі патэнцыял, таму канкрэтныя аспекты тэмы дакладаў выклікалі актыўнае абмеркаванне сярод удзельнікаў канферэнцыі. Не меншую цікавасць выклікаў і даклад М. К. Глазырынай, які датычыўся звестак аб комплексным абследаванні гарадскога некропаля Новага часу. Вопыт выступлення атрымаў студэнт 1-га курса А. Мазур, які распавёў пра асаблівасці клімату ў Вялікабрытаніі часоў палеаліту.

Секцыя па гістарычна-археалагічных даследаваннях завяршыла працу першага дня канферэнцыі. Тэматыка дакладаў была рознабаковай. Дун Ян распавёў аб уйгурскіх каменных таблічках, Чжан Сулун – аб вывучэнні Вялікага шаўковага шляху. Частка дакладаў прысвячаліся зброі ранняга жалезнага веку (У. С. Касцюк), старажытнарускім пахавальным помнікам (В. А. Дрэвіла), язычніцкім вераванням па археалагічных даных (К. С. Канавалава, Л. А. Грышан), методыцы вывучэння ваенных пахаванняў 1812 г. (І. Я. Гараўскі).

Прадстаўнічая секцыя на другі дзень канферэнцыі ахоплівала дысцыпліны біялагічнага профілю ў археалогіі. У чатырох дакладах разглядаліся пытанні палеаантрапалогіі. А. Д. Бурак акрэсліла магчымасці гістарычнай інтэрпрэтацыі палеаантрапалагічных даных на прыкладзе матэрыялаў даследавання ў Арзамасе. Даклад А. Д. Румо быў прысвечаны ўнёску А. Гудмана ў вывучэнне паталогій старажытных папуляцый. В. Я. Віннікава прадставіла вынікі працы са скелетаванымі калекцыямі з Дзяржынска (даследаванне праводзілася сумесна з А. А. Кунашам і В. І. Кошманам), М. С. Каспер распавёў аб антрапалагічнай калекцыі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Тры даклады датычыліся археазааалагічнай тэматыкі. А. В. Зыль акрэсліла праблемныя пытанні ў вывучэнні калекцый з археалагічных раскопак. Накірункі вызначэння і інтэрпрэтацыі рэшткаў іхтыяфаўны на прыкладзе археалагічнага помніка Асавец-2 былі прадстаўлены Ю. С. Бухалкай. Матэрыял аб птушках з палеалітычнай стаянкі ў пячоры Іманай падрыхтавалі М. П. Маслінцына, Д. А. Гімранаў і М. У. Зелянкова. Секцыя завяршылася дакладам Д. С. Храброва аб дэндрахраналагічным датаванні сярэдневяковых збудаванняў Пятніцкага-2 раскопу ў Старой Русе.

Да пачатку працы канферэнцыі супрацоўнікі кафедры сумесна з прадстаўнікамі вучэбнай лабараторыі музейнай справы, а таксама з удзельнікамі студэнцкага навуковага археалагічнага гуртка падрыхтавалі выставу «Археалагічны комплекс канца I тыс. да н. э. – пачатку II тыс. н. э. Рэчкі (Вілейскі раён)». Цэнтральнае месца ў ёй занялі план археалагічных аб'ектаў, які быў выкананы пры дапамозе паветранага лазернага сканіравання, мадэль раскопу на селішчы Рэчкі-2 2020 г. і археалагічны інструментарый. З левага боку былі выкладзены знаходкі культуры штрыхаванай керамікі з гарадзішча Рэчкі-1, банцараўскай культуры і культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў з гарадзішча Рэчкі-1 і селішча Рэчкі-2, а іменна вырабы з жалеза (нажы, шылы, шпоры і інш.), каляровага металу (упрыгажэнні і дэталі вопраткі), гліны (прасліцы) і шкла (пацеркі). З правага боку размяшчаліся комплексы з пахаванняў, зафіксаваных у ходзе вывучэння курганнага могільніка культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў. Як правіла, пахавальны інвентар прадстаўлены фрагментамі аплаўленых упрыгажэнняў і дэталей вопраткі. Частка пахаванняў была перакрыта ляпнымі пасудзінамі, перакуленымі дагары донцамі. У 2023 г. у такой пасудзіне, а іменна ў гаршку, былі знойдзены арганічныя рэшткі ў выглядзе ачышчаных і звараных зерняў проса[1]. Частка гэтай кашы таксама з'яўлялася элементам экспазіцыі. Раскопкі на археалагічных помніках каля в. Рэчкі праводзяцца археалагічнай экспедыцыяй БДУ з 2020 г. Выстава суправаджалася фотаздымкамі і выявамі лічбавых мадэлей помнікаў.

Вынікі археалагічных даследаванняў, якія праводзіліся на тэрыторыі комплексу каля в. Рэчкі, дэманстраваліся да 18 мая 2024 г. Да Міжнароднага дня музеяў на змену ёй была падрыхтавана выстава «Старажытны Мінск (да 80-годдзя вызвалення тэрыторыі Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў)». Экспанаваліся прадметы, выяўленыя ў ходзе даследаванняў на Мінскім замчышчы і гарадзішчы на р. Менцы пад кіраўніцтвам Э. М. Загарульскага – заснавальніка і першага загадчыка кафедры археалогіі, этнаграфіі і дапаможных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта БДУ. Да ўвагі

[1]Вызначэнне малодшага навуковага супрацоўніка Інстытута археалогіі РАН А. Ю. Сяргеева.

наведвальнікаў былі прапанаваны рэчы, якія характарызуюць матэрыяльную культуру старажытнарускага горада: керамічны посуд, шкляныя бранзалеты і пацеркі, развал візантыйскай шкляной пасудзіны, шыферныя прасліцы, элементы ўзбраення, разнастайныя вырабы з жалеза, дрэва і косткі. Выстава суправаджалася фотаздымкамі з відамі Мінскага замчышча і раскопкамі на помніку (у тым ліку з удзелам Э. М. Загарульскага), а таксама фотаздымкамі, замалёўкамі і рэканструкцыямі асобных аб'ектаў.

Міжнародная навуковая канферэнцыя «Нумізматыка на тэрыторыі Усходняй Еўропы (да 90-годдзя з дня нараджэння В. Н. Рабцэвіча)» адбылася 6 снежня 2024 г. У ёй прынялі ўдзел 26 даследчыкаў, у тым ліку 22 чалавекі выступілі з дакладамі. Імі з'яўляліся прадстаўнікі айчынных і замежных навуковых, адукацыйных і музейных устаноў, такіх як БДУ, Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы, Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь, Музей грошай Нацыянальнага банка Рэспублікі Беларусь, Віцебскі абласны краязнаўчы музей, Дзяржаўны гістарычны музей (Масква, Расія), Дзяржаўны гісторыка-культурны музей-запаведнік «Маскоўскі Крэмль», Інстытут гісторыі Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта, выставачны комплекс акцыянернага таварыства «Дзяржзнак» (Санкт-Пецярбург, Расія), Геральдычны савет пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь і грамадскае аб'яднанне «Нумізматычнае таварыства» (Мінск, Беларусь). Большасць даследчыкаў прысутнічалі вочна, аднак была арганізавана магчымасць удзельнічаць у канферэнцыі дыстанцыйна.

З прывітальнымі словамі выступілі дэкан гістарычнага факультэта БДУ А. Г. Каханоўскі, намеснік дэкана В. В. Рэпін і загадчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін П. С. Курловіч.

Падчас першай секцыі «Валянцін Навумавіч Рабцэвіч: асоба ў гісторыі» прагучалі сем дакладаў, адзін з якіх быў прадстаўлены анлайн. Былі паказаны шматлікія фотаздымкі гісторыка. Яго родныя, сябры, калегі і вучні (І. Н. Колабава, В. Н. Сядых, А. А. Яноўскі, А. І. Кушнір, М. М. Елінская, І. Ф. Масько, А. А. Вараб'ёва, Л. І. Талкачова) сказалі цёплыя словы, якія дазволілі нават тым людзям, хто не ведаў Валянціна Навумавіча асабіста, скласці ўяўленне аб ім як аб незвычайным, шчырым і яскравым чалавеку, «апантаным» даследчыку і навукоўцу, шмат зрабіўшым для фарміравання нумізматычных збораў Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь, стаяўшым каля вытокаў стварэння Дзяржаўнага геральдычнага рэгістра Рэспублікі Беларусь, плённа супрацоўнічаўшым з Нацыянальным банкам Рэспублікі Беларусь.

Працу другой секцыі «Праблемы грашовага абарачэння на тэрыторыі Усходняй Еўропы» распачаў А. В. Вайцяховіч. Яго даклад быў прысвечаны нумізматычным матэрыялам старажытнарускага часу з археалагічных раскопак, якія праводзіліся на комплексе на р. Менцы. Вялікую цікавасць прысутных выклікаў даклад па ранніх эмісіях на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага «Паражэнне Карыбута ў супрацьстаянні з Вітаўтам: нумізматычны аспект», падрыхтаваны В. В. Зайцавым і У. Г. Шапашнікам. Новы погляд на гісторыю пошуку і атрыбуцыю пояса Вітаўта выказаў І. М. Шталянкоў. На падставе пісьмовых крыніц В. С. Пазднякоў стварыў і апісаў яскравы вобраз злачынца часоў Рэчы Паспалітай. С. В. Звераў прадставіў даклад «Адмена абарачэння сеўскіх чэхаў у лістападзе 1689 г. і фіксацыя іх у казённых паступленнях у 1689–1690 гг.», блізка звязаны з адным з напрамкаў навуковых інтарэсаў В. Н. Рабцэвіча. Цікавыя і малавядомыя нават прафесійным нумізматам даныя прагучалі ў выступе «Да пытання аб абарачэнні "іншаземнай нізкапробнай манеты" ў заходніх губернях Расійскай імперыі» В. А. Шышанава. У дакладзе Р. М. Панурына была акрэслена аўтарская класіфікацыя нумізматычных матэрыялаў паўстання 1831 г. Праблеме грашовага абарачэння складаных часоў станаўлення Мінска як сталіцы Савецкай Беларусі быў прысвечаны даклад Ю. П. Латушковай. Усяго падчас працы другой секцыі прагучалі восем дакладаў, два з якіх былі прадстаўлены анлайн.

У трэцяй секцыі «Спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны і фарміраванне музейных калекцый» удзельнічалі з дакладамі пяць даследчыкаў, у тым ліку адзін чалавек выступаў дыстанцыйна. С. Б. Каун у сваім дакладзе акрэсліў важную ролю манеты як гістарычнай крыніцы і шчыльных сувязей паміж нумізматыкай і крыніцазнаўствам. Выступ А. У. Цяцерніка быў прысвечаны праблеме ранняй фалерыстыкі Савецкай Беларусі. М. А. Ганчароў падрыхтаваў даклад па баністыцы «Прыднястроўскі рубель: валюта непрызнанай дзяржавы». Грунтоўны і цікавы выступ А. А. Багданава датычыўся сучаснага стану і перспектыў дзейнасці Музея гісторыі грошай акцыянернага таварыства «Дзяржзнак». В. М. Давідоўская распавяла аб гісторыі фарміравання нумізматычнай калекцыі Віцебскага абласнога краязнаўчага музея.

Да пачатку працы канферэнцыі была прымеркавана выстава выданняў з фонду Фундаментальнай бібліятэкі БДУ і прадметаў з калекцыі вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ. Выстава дзейнічала да пачатку 2025 г. Экспанатамі з'яўляліся грошы і памятныя жэтоны нумізматычных канферэнцый, матэрыялы археалагічных раскопак пахавальных помнікаў Браслаўшчыны і курганных могільнікаў паўднёва-ўсходняй і цэнтральнай Беларусі пад кіраўніцтвам В. Н. Рабцэвіча і А. М. Плавінскага, фотаздымкі В. Н. Рабцэвіча за розныя гады, а таксама працоўныя інструменты фатографаў і археолагаў 1950–70-х гг.

Такім чынам, у 2024 г. супрацоўнікі кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін

гістарычнага факультэта БДУ правялі пяць навуковых мерапрыемстваў. Іх фармат і тэматыка адлюстроўваюць асноўныя напрамкі працы калектыву па папулярызацыі вынікаў сучасных палявых археалагічных даследаванняў, а таксама па падтрымцы памяці аб дасягненнях навукоўцаў, якія стаялі каля вытокаў кафедральнай навукі. Выстава «Старажытны Мінск (да 80-годдзя вызвалення тэрыторыі Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў)» дэманстравала вынікі даследаванняў заснавальніка і першага загадчыка кафедры археалогіі, этнаграфіі і дапаможных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта БДУ Э. М. Загарульскага, 95-гадовы юбілей якога адзначаўся ў снежні 2023 г. Міжнародная навуковая канферэнцыя «Нумізматыка на тэрыторыі Усходняй Еўропы (да 90-годдзя з дня нараджэння В. Н. Рабцэвіча)» і прымеркаваная да яе выстава былі прысвечаны памяці В. Н. Рабцэвіча – заснавальніка нумізматыкі ў БДУ і буйнейшага нумізмата Беларусі. З павагай да вытокаў супрацоўнікі кафедры актыўна імкнуцца да выкарыстання сучасных метадаў даследавання, надаюць значную ролю міждысцыплінарнай інтэграцыі. На гэтым фоне вялікае значэнне мела правядзенне міжнароднай навуковай канферэнцыі маладых вучоных, аспірантаў і студэнтаў «Міждысцыплінарная інтэграцыя ў археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплінах».

***П. С. Курловіч*[2]*, Ю. П. Латушкова*[3]*, А. Д. Сахончык*[4]**

---

[2]*Полина Сергеевна Курлович* – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета.

Паліна Сяргееўна Курловіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Palina S. Kurlovich, PhD (history), docent; head of the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: *kurlovichp@bsu.by*

[3]*Юлия Павловна Латушкова* – старший преподаватель кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета.

Юлія Паўлаўна Латушкова – старшы выкладчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Yulia P. Latushkova, senior lecturer at the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: *latushkova@bsu.by*

[4]*Олег Дмитриевич Сахончик* – старший преподаватель кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета.

Алег Дзмітрыевіч Сахончык – старшы выкладчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Oleg D. Sahonchik, senior lecturer at the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: *sahonod@bsu.by*

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
АНАТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАНЫХ У БДУ ПРАЦ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 94(100)(075.8)

Всемирная история (новейшее время) : электрон. учеб.-метод. комплекс для подгот. слушателей ФДО / БГУ, Ин-т доп. образования ; сост. С. А. Гаро. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 364 с. Библиогр.: с. 364. Режим доступа: https://elib.bsu.by/handle/123456789/325270. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 31.01.2025, № 001331012025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) включает систематизированные учебные и методические материалы по учебной дисциплине «Всемирная история (новейшее время)», способствующие реализации содержания образовательной программы подготовки к поступлению в учреждения образования Республики Беларусь для получения общего высшего и специального высшего образования. В теоретическом разделе ЭУМК содержатся лекционные материалы для изучения учебной дисциплины в объеме, установленном учебной программой. ЭУМК включает тестовые задания и контрольные работы для каждого раздела учебной программы, позволяющие осмыслить и понять на примерах суть излагаемого теоретического материала, осуществить самоконтроль знаний.

УДК 005.92:004(075.8)

Попова Е. Э. **Моделирование процессов работы с документами** : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-26 02 04 «Документоведение (по направлениям)» / Е. Э. Попова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 81 с. : ил. Библиогр.: с. 79–80. Режим доступа: https://elib.bsu.by/handle/123456789/327801. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 02.04.2025, № 005102042025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов, обучающихся по специальности 1-26 02 04 «Документоведение (по направлениям)» (специализация 1-26 02 04-02 01 «Информационное обеспечение деятельности организаций»). Содержание ЭУМК предполагает изучение вопросов согласно учебной программе по учебной дисциплине «Моделирование процессов работы с документами». ЭУМК является нацеленным на формирование знаний и практических навыков в области моделирования бизнес-процессов, способствует формированию универсальных и базовых профессиональных компетенций. ЭУМК включает теоретический, практический и вспомогательный разделы, а также раздел контроля знаний.

УДК 930.25(075.8)

Іванова В. С. **Хрэстаматыя па архівазнаўству** : электрон. вучэб.-метад. комплекс для спец.: 6-05-0322-02 «Архіўная справа», 6-05-0322-04 «Кіраванне дакументамі», 7-06-0222-01 «Гісторыя» / В. С. Іванова ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2025. 243 с. Бібліягр.: с. 243. Рэжым доступу: https://elib.bsu.by/handle/123456789/328058. Загал. з экрана. Дэп. у БДУ 07.04.2025, № 005407042025. Тэкст : электронны.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс (ЭВМК) распрацаваны для студэнтаў спецыяльнасцей 6-05-0322-02 «Архіўная справа», 6-05-0322-04 «Кіраванне дакументамі», 7-06-0222-01 «Гісторыя» (прафілізацыя «Айчынная гісторыя»). Змест ЭВМК дае магчымасці для паглыбленага вывучэння пытанняў згодна з вучэбнымі праграмамі па шэрагу адпаведных курсаў. ЭВМК дазваляе сфарміраваць паглыбленыя веды па гісторыі архіваў і архівазнаўчай думкі. ЭВМК уключае тэарэтычны, практычны і дапаможны раздзелы, а таксама раздзел кантролю ведаў.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

Моторова Н. С. Дискуссия И. Л. Горемыкина и С. Ю. Витте о Земской реформе в западных губерниях (конец 1890-х гг.) 5

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Оганесян А. Ж., Меньковский В. И. Взгляд на историю армяно-российских отношений: уроки истории и реалии 15
Муминов А. Г., Муминов О. У. Проявление исторической эмпатии узбекским народом 21
Карагезян Г. Л. Конструирование геополитического пространства Востока историком Хетумом Корикосским 28
Алиева Л. А. Изучение религиозной трансформации в раннем Средневековье на Восточном Кавказе 34
Остонов О. А. Некоторые особенности развития торговли ремесленными изделиями в Туркестане (на примере Зарафшанской долины в конце XIX – начале XX в.) 40
Мамедов Р. Ш. Из антиэлиты в элиту: новая Сирия в условиях глобальных трансформаций 48
Ван Ц. Развитие школы гелуг в регионе Амдо во второй половине XVI в. и строительство храма Янхуа 61

АРХЕОЛОГИЯ

Вайтович А. В. Учитель И. А. Сербов и академик А. А. Шахматов: история сотрудничества 68

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Курлович П. С., Латушкова Ю. П., Сахончик О. Д. Научные мероприятия кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета в 2024 г. 80

Аннотации депонированных в БГУ работ 84

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

Маторава Н. С. Дыскусія І. Л. Гарамыкіна і С. Ю. Вітэ аб Земскай рэформе ў заходніх губернях (канец 1890-х гг.) 5

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

Аганесян А. Ж., Менькоўскі В. І. Погляд на гісторыю армяна-расійскіх адносін: урокі гісторыі і рэаліі 15
Мумінаў А. Г., Мумінаў О. У. Праява гістарычнай эмпатыі ўзбекскім народам 21
Карагезян Г. Л. Канструяванне геапалітычнай прасторы Усходу гісторыкам Хетумам Карыкоскім 28
Аліева Л. А. Вывучэнне рэлігійнай трансфармацыі ў раннім Сярэдневякоўі на Усходнім Каўказе 34
Астонаў О. А. Некаторыя асаблівасці развіцця гандлю рамеснымі вырабамі ў Туркестане (на прыкладзе Зарафшанскай даліны ў канцы XIX – пачатку XX ст.) 40
Мамедаў Р. Ш. З антыэліты ў эліту: новая Сірыя ва ўмовах глабальных трансфармацый 48
Ван Ц. Развіццё школы гелуг у рэгіёне Амдо ў другой палове XVI ст. і будаўніцтва храма Янхуа 61

АРХЕАЛОГІЯ

Вайтовіч А. У. Настаўнік І. А. Сербаў і акадэмік А. А. Шахматаў: гісторыя супрацоўніцтва 68

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

Курловіч П. С., Латушкова Ю. П., Сахончык А. Д. Навуковыя мерапрыемствы кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 2024 г. 80

Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац 84

CONTENTS

BELARUSIAN HISTORY

Motorova N. S. Discussion between I. L. Goremykin and S. Yu. Witte on the Zemstvo reform in the western provinces (late 1890s) 5

WORLD HISTORY

Hovhannisyan H. J., Menkouski V. I. A view on the history of Armenian-Russian relations: lessons of history and reality 15

Muminov A. G., Muminov O. U. Manifestation of historical empathy by Uzbek people..... 21

Karagyozyan G. L. Constructing the Eastern geopolitical space by historian Hetum of Corycus..... 28

Aliyeva L. A. Tracking the religious transformation in the early Medieval Eastern Caucasus 34

Ostonov O. A. Some features of the development of trade in handicrafts in Turkestan (on the example of the Zarafshan Valley in the late 19th and early 20th centuries) 40

Mamedov R. Sh. From anti-elite to elite: new Syria amid global transformations 48

Wang J. The development of the gelug school in the Amdo region in the second half of the 16th century and the construction of the Yanqhua temple 61

ARCHAEOLOGY

Vaitovich A. U. Teacher I. A. Serbaw and academician A. A. Shakhmatov: the history of collaboration 68

SCIENTIFIC EVENTS

Kurlovich P. S., Latushkova Yu. P., Sahonchik O. D. Scientific events at the department of archaeology and special historical disciplines of the faculty of history of the Belarusian State University in 2024..... 80

Indicative abstracts of the papers deposited in BSU..... 84

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.

Журнал Белорусского государственного университета. История. № 2. 2025

Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. № 2. 2025

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: https://journals.bsu.by/index.php/history

«Журнал Белорусского государственного университета. История» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права» (ISSN 2308-9172).

Редакторы *М. Д. Баранова, А. С. Люкевич*
Технический редактор *А. Р. Голик*
Корректор *Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 30.04.2025.
Тираж 25 экз. Заказ 1128.

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2025

Journal of the Belarusian State University. History. No. 2. 2025

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: https://journals.bsu.by/index.php/history

«Journal of the Belarusian State University. History» published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU. Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava» (ISSN 2308-9172).

Editors *M. D. Baranova, A. S. Lyukevich*
Technical editor *A. R. Golik*
Proofreader *L. A. Merkul'*

Signed print 30.04.2025.
Edition 25 copies. Order number 1128.

Republic Unitary Enterprise «StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str., Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2025